

**Александр
Логинов**

НАКАНУНЕ

2017

Annotation

Европа внимательно следит за нашествием монгол, вплотную подступивших к Булгарии, а русские князья ведут кровавую борьбу за обладание Киевом, погрязнув в междуусобице. Молодой парень с подругой попадают в таинственный туман и оказываются далеко в прошлом, в самый канун Батыева нашествия. Как сложится их судьба — зависит не только от них, но от множества случайностей, порой, круто меняющих судьбу человека и страны.

Александр Логинов

Накануне

Глава 1. Из огня да в полымя

Мобильный телефон резко взорвался звенящей трелью допотопного телефона. Александр Борисович Шемяка, широко известный в узких кругах, как Сашка силач с трудом разлепил глаза, рукой нащупывая будильник на прикроватной тумбочке. На пол полетела зажигалка, пачка сигарет, письмо из МРИ ФНС, с требованием уплатить налог за земельный участок, обладателем коего Сашка стал в прошлом году. Избушка на курьих ножках и почти гектар земли в далеком захолустье достались ему от прабабки в наследство. Ее он помнил смутно, пару раз ездил в гости вместе с отцом. Было ему тогда лет пять, а может шесть. Зато хорошо запомнил удивительный запах, исходящий от старухи — запах свежесдобитого хлеба.

Мобильный оставленный с вечера на подоконнике продолжал настойчиво трещать. Сашка, наконец, обнаружил будильник, взглянув на стрелки чуть не выматерился — двадцать минут пятого! Спрятав голову под подушку, он решил не отвечать на звонок. Чертов мобильный резко оборвал трель. Сашка повернулся на бок, и тут мобильник вновь проснулся. Сон мгновенно улетучился, но из вредности Сашка продолжал лежать на боку, придавив к уху подушку. Звонки продолжались, кто-то настойчиво пытался дозвониться. Пришлось признать свое поражение и ответить.

— Да, — заспанный голос должен был дать понять тому, кто так рано позвонил, что Сашка жутко недоволен, что его разбудили.

— Сашка, здорово!

Басистый голос всегда жизнерадостного Петрухи Сашка узнал сразу.

— Ты время видел? — вместо приветствия спросил Сашка.

— Время? — удивился собеседник, делая паузу. — Солнце уже встало!

— Вот именно! — сказал Сашка и отключился.

Резкий тон должен был вразумить Петруху, но ничуть не бывало. Пока Сашка раздумывал — сварить кофе, к которому он пристрастился в студенческие годы, или попытаться уснуть, вновь раздалась трель звонка. На дисплее высветился прежний номер.

— Что еще? — уже не таким недовольным тоном спросил Сашка, направляясь на кухню.

— Я телефон купил! — жизнерадостно сообщил Петруха.

— Рад за тебя, — сухо ответил он далекому родственнику. — Все?

— Ты, это, погоди, — заторопился Петр. — Ты помнишь, что обещал?

— Я обещал? Тебе?

Сказать, что Сашка удивился — значит, ничего не сказать. Последний раз они виделись с Петром пять лет назад, когда троюродный брат нагрянул к нему без предупреждения и почти на год прочно обосновался в его квартире. Колхоз их приватизировал местный купец-ухарь и благополучно просрал хозяйство. Технику частью продал, а что и просто сдал в металлолом. Скотина пошла под нож. Добротно сделанные теплые коровники разобрали на кирпичи. В общем, частный капитал не привел деревенских в счастливое капиталистическое будущее. Аптеку и ФАП закрыли во время очередной волны оптимизации, молодежь разъехалась по городам, опустевшая школа, без ремонта приходила в негодность и закономерно обрушилась крыша, благо случилось это в выходной день. Чиновники покачали

головой и кардинально решили проблему — деток прикрепили к соседнему селу и желтый школьный автобус рано утром забирал детей в школу. Все бы ничего — школа в соседнем селе километров за двадцать. Да автобус забирал детей из разных деревень. Получалось полсотни км в туда и полсотни обратно. Вот и вставали дети как в старину — с солнышком.

Тогда брательник от безысходности решил попытать счастья в большом городе, неожиданно-негаданно нагрязнул, мечтая поймать удачу за хвост. Устроился на работу, не воровал, трудился честно, за что был постоянно наказуем начальством.

— Ну, не могу я воровать! Не могу! — тягуче, делая ударение на звуке о, заявил он Сашке, прямо указавшему ему, что воруют все, от мала до велика.

— Не правильно это. Не по-людски, — рубанул Петруха, и уволился со стройки.

Сашка тогда помог ему. С помощью друзей забрал за бесценок у одного фермера импортную технику. С семенами помог, спасибо друзьям — на таможне у другого начинающего фермера неожиданно возникли проблемы. Так же с племенной скотиной обернулось.

Брат на радостях слезу пустил, когда неожиданно стал обладателем крепкого крестьянского хозяйства. Да Сашка быстро вернул его на землю, вручив вырванный из блокнота листок с аккуратно нарисованными цифрами.

— Что это? — изумленно спросил Петруха.

— Долг твой, — с усмешкой произнес Сашка.

Петр схватился за сердце.

— Отдашь все до последнего бакса, — делая страшные глаза, сказал Сашка, — Ровно через двадцать пять лет.

И рассмеялся.

— Уф, — облегченно вздохнул Петруха и спохватился. — А проценты?

— Натурой отдашь: картошечки там пошлешь, морковок, мяса свежего...

— Не сомневайся, брат, — обрадовался Петруха.

И стал он хозяйствовать. Только осенью, когда пришло время продавать урожай, оказалось, что он никому не нужен. Проблема коснулась всех фермеров, но не каждый мог справиться с ней. Торговые сети требовали плату за вход, платили с большой задержкой и как результат возвращали непроданный товар обратно, часто совсем не тот, что брали. Поди докажи, что обманывают. Развозить урожай по маленьким магазинчикам и выросшим как грибы после дождя базам — только время терять. С логистикой у Петрухи было совсем плохо. Опять на помощь пришел Сашка, наладив прямые поставки в столицу.

Петр развернулся: увеличил посевные площади, купил последний оставшийся коровник на разбор. Так выходило дешевле раз в тридцать. Разобрал и вновь построил в тридцати метрах от прежнего места. Вот и все, что Сашка знал про своего родственника. А тут напоминание о каком-то обещании...

— Ну, да. Помнишь от меня к тебе Ванька приезжал? — напомнил Петруха.

Сашка напряг мозги стараясь вспомнить. Точно приезжал один инвалид. Парню ногу на пилораме отрезало. И такое бывает. Не обязательно по пьяни. Точно! Вспомнил! Бревном придавило, а уж потом, в больнице, отрезали ногу.

— Ну, вспомнил, — сказал Сашка, снимая турку с конфорки.

— Так сегодня забирать надо! Лучше полвосьмого прийти, чтобы очередь занять.

— Кого забирать? Какая очередь? — прижав плечом телефон к уху, переспросил Сашка, наливая дымящийся кофе в чашку.

— Так протез. Ты, что забыл?

— Ладно. Заберу, — пообещал он брату.

Раннее появление сотрудника на рабочем месте коллегами не было замечено. Шеф компании раньше полудня в офисе не появлялся, но сегодня был тот самый исключительный случай, когда он ворвался в свой кабинет, на ходу резким тоном бросив секретарше:

— Меня ни для кого нет!

Секретарша Людочка — очаровательное юное создание с невинным лицом ангела, большими по-детски открытыми глазами бездонными как омут, длинными ногами на необычайно высоких каблуках, и без того увеличивающих ее высокий рост, аппетитной попкой и шикарным бюстом, про который в офисе судачили, что он накачен силиконом, только кивнула и произнесла свою любимую фразу, подходящую для всех случаев жизни:

— Афигеть!

К сожалению, Людочка не могла похвастаться умом, у нее его просто не было. Это не мешало ей варить кофе шефу и немного развязно вилять бедрами в его кабинете перед гостем, переключая его внимание на себя. Уже покидая кабинет, Людочка делала контрольный выстрел, полуобернувшись к гостям, спрашивала шефа о каком-нибудь пустяке, при этом смотрела она только на гостя, позволяя ему тонуть в пучине ее призывного небесно-голубого взгляда, полного девичьего томления.

Злые языки единодушно записали секретаршу в любовницы шефа, красочно расписывая сцены их секса в его кабинете, в зала для переговоров и даже на рабочем месте секретарши. Однажды, на корпоративе, Сашка поспорил с товарищем, что добьется ее благосклонности. Обычное ухаживание не принесло результата. Он получил отворот-поворот. Это крепко ударило по самолюбию. Сашка, конечно не донжуан, но всегда легко добивался своего, не зная отказов. Легко сходилась и так же быстро сворачивал отношения, пока они не затянулись.

Он перепробовал все известные способы, вплоть до банального шоколада. Все бес толку. Людочка держалась как скала. Михаил торжествовал. Сашка признал себя побежденным, от досады предложив товарищу попробовать самому. Тот неожиданно согласился. Людочка приняла его ухаживания, демонстративно игнорируя Сашку, когда тот приходил к шефу. Через неделю Михаил объявил о своей победе. Что нашло на Сашку в тот момент: уязвленное самолюбие или то, что о своей победе товарищ раструбил всему офису, но Сашка врезал ему от души. Легче не стало. Потом была командировка, по возвращении из нее он узнал, что гадкие слухи дошли до Руфины Степановны и товарищ был с позором изгнан из компании. Шеф вынужден был подчиниться требованию суровой женщины.

Руфина Степановна, или как ее называли в компании — железная леди, человек старой партийной закалки, до перестройки работавшая у самого... и тут с пиететом следовало указать взором на самый верх. На самом деле никто не знал, где и кем работала Руфина Степановна. Но дело свое знала и людей видела насквозь и рентген не нужен. Она ненавидела капиталистов всеми фибрами своей души. Некоторые сделки, проводимые компанией, не совсем укладывались в рамки пока еще молодого формирующегося правового поля и, Руфина Степановна испытывала удовлетворение по их завершению, всегда добавляя от себя:

— Крысы грызутся — трудовому народу и то польза.

Но шефа она уважала, заметив однажды, что если бы не предатель меченный, то быть бы шефу первым секретарем. Шеф отшучивался:

— Я свой мерседес на волгу ни за что не променяю.

Руфина Степановна взялась за дело с большевистской прямоотой.

— Ты почто над девкой измываешься? — грозно спросила она, для убедительности хлопнув сухощавой, но крепкой трудовой рукой по столу.

Александр промолчал, не понимая, о чем речь. Неужели та рыженькая из юридического отдела, с которой он летал в Пермь, нажаловалась железной леди? Так у шефа скоро не останется специалистов в компании...

— Говори! — грозно потребовала Руфина, через стекла старомодных круглых очков пригвоздив Сашку взглядом к креслу.

— А я что? — в растерянности только и мог произнести он.

— Эх, молодежь... — полным сожаления голосом произнесла Руфина Степановна.

Сашка поерзал. Не понять, толи жалеет, толи осуждает. Он приготовился к худшему. Но Руфина удивила его.

— Кто же так ухаживает? Вот, помню, в наше время девушек приглашали в кино, в театр, консерваторию...

Сашка моргнул.

— Людка истомилась вся, а ты ходишь как слепень, ничего не видишь! — неожиданно закончила она.

Сергей испугался. Заводить серьезные отношения с безмозглой курицей не входило в его планы.

— На вот... — в руке Руфины Степановны материализовались два билета.

С видом доброй феи она положила их на стол, прямо перед Сашкой.

— Это что? — парень оторопел.

— Это балет, дубина ты стоеросовая! — наклонившись над столом, строго произнесла Руфина. — Пламя Парижа.

Сашка молчал, разглядывая билеты. Руфина Степановна, не дождавшись ответа, молча, развернулась и на прощание бросила:

— А еще сын таких родителей!

Сашка хотел возмутиться. Ему не нравилось, когда напоминали о родителях. Отец глубоко презирал современных бизнесменов, но дела с ними вел, постоянно проживая на благополучном западе. У отца с сыном были сложные отношения, впрочем, как у всех. Завзятый патриот, отец не мог простить гибели великой страны и страшно злился, когда сын напоминал ему, делая ударение на французский манер, что папа, сам приложил руку к ее падению. Отец страшно злился, надолго прекращая общение с сыном. Мама втихомолку плакала. И часто прилетала навестить сына. Она подолгу бродила по улочкам города, думая о чем-то своем, не посвящая сына в свои переживания. А Сашке не до того было. Жизнь была ключом.

Он ожидал девушку на площади у театра уже полчаса. И когда терпение уже грозило лопнуть, Людочка появилась, сияя невинной улыбкой.

— Пробки, — просто объяснила она свое опоздание.

Сашка улыбнулся, подавая руку. Он не знал, чего от нее ждать. Приглашая девушку в театр, он ожидал услышать традиционное "афигеть", но вместо этого Людмила широко улыбнулась ему и сказала:

— Это так мило. Я принимаю ваше приглашение.

Так завязался их роман. Общение с девушкой полностью перевернуло Сашкино

представление о ней. Забирая ее с работы, Сашка каждый раз испытывал шок — сексапильная безмозглая курица преображалась в вполне нормальную девушку. На немой Сашкин вопрос она просто пояснила:

— Курсы театрального мастерства.

Вот и понимай этих женщин. С виду умная — оказывается обыкновенной пустышкой, а набитая дура — очень даже интересной собеседницей с отличным образованием, в смысле диплома с отличием, и широким кругозором. А про начитанность и говорить нечего. Первая близость, случившаяся через восемь месяцев их дружбы, после того как он был представлен ее родителям и был ими принят в качестве жениха дочери, ошеломила парня. Он оказался у нее первым. В ее возрасте по современным меркам дело совсем невероятное. За всю его сексуальную практику девственница повстречалась ему единожды. Это была соседка по школьной парте. С тех пор — ни разу. Впрочем, малолеток он избегал.

Пока загружалась операционная система рабочего ноута, раздался звонок.

— Александр Борисович, зайдите к шефу, — ровным голосом попросила Руфина Степановна.

Шеф не походил на себя. Обычно он выглядел очень успешным презентабельным бизнесменом, но не сегодня. Распахнутый ворот рубашки, отсутствующий галстук, взъерошенные волосы и, глаза... Глаза разъяренного зверя, загнанного в угол.

— Вот ты где! — он сходу набросился на Александра. — Дело по... комбинату ты вел?

— Я, — подтвердил Сашка, предчувствуя недоброе.

— Сколько раз я говорил тебе, что действовать надо аккуратно, в рамках правового поля! — выкрикнул шеф, брызжа слюной и размахивая руками.

Полный до краев бокал с коньяком уцелел, а вот початая бутылка полетела со стола, расплескивая дорогуший напиток. Шеф залпом выпил коньяк. Ладонью обтер пот со лба и сел в кресло.

— Не вступать в конфликты с законом! — он вновь взорвался, вскакивая на ноги.

— Нажали слегка, — попробовал оправдаться Сашка.

— Слегка? — возмутился шеф громким криком.

— Мишка предложил, ну мы и...

— Молчи! Молчи! — шеф замахал руками.

Сашка замолчал, потупив взор, разглядывая острые носки туфель.

— Значит так, — шеф после небольшой паузы успокоился, перейдя на свой обычный тон. — Тебе надо уехать. Сегодня! Сейчас же.

Сашка перестал рассматривать туфли, решившись посмотреть шефу в глаза.

— В Аргентину, в Бразилию, в Африку, к чертовой бабке! — вновь разъярился шеф.

Он открыл сейф, быстро по памяти набрав сложный код. Достал пачку банкнот, подумав, добавил к ней еще две.

— Бери. И что бы духу твоего здесь не было. Исчезни. Испарись, — сказал он, подталкивая Сашке деньги. — Я все улажу.

Сашка покидал кабинет шефа с чувством вины. Связался же он с этим Мишкой на свою голову.

Людочка обворожительно улыбнулась ему и парня осенило.

— Собирайся. Шеф дал нам отпуск. Едем прямо сейчас, — сказал он ей.

— Багамы? — обрадовалась Людмила.

Сашка хотел кивнуть, но вспомнил про звонок брата. Никому в голову не придет его

искать в такой глуши!

— Лучше, — пообещал он невесте, обнимая, впервые проявляя свои чувства на рабочем месте.

Когда за Сашкой закрылась дверь, Руфина Степановна осуждающе покачала головой:

— Что ж вы так Семен Натанович, — сказала она.

— Нервы, Руфина Степановна, — ответил ей шеф, потянувшись за бутылкой.

Не найдя ее на столе, он чертыхнулся, обессилено опустившись в кресло.

— Поднять все дела, которыми занимался Михаил, — наконец сказал он, барабаня пальцами по столешнице. — Вы представляете, Руфина Степановна, что они там натворили! Нет, вы не представляете. Это дикость! Средневековье! Это бандитизм!

— Это капитализм во всей своей красе, — ответила та.

Это не понравилось ему.

— Перестаньте, Руфина Степановна.

— Нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист ради 300 % прибыли, — поправляя очки, процитировала Карла Маркса Руфина Степановна.

— Это пошло, — у шефа не было желания спорить.

— Я привлеку юридический отдел компании. Проверим все сделки.

— Начальника безопасности я сам введу в курс дела, — предупредил шеф.

— Хорошо Семен Натанович, — согласилась Руфина и пообещала. — Все будет хорошо.

По дороге молодые люди заехали в магазины. Людмила, приняла Сашкино вранье за чистую монету. Пока девушка отбирала спортивные костюмы и ветровки и другие необходимые в походе вещи, Сашка покупал снаряжение: лодку, палатку, набор походной мебели и остальное по мелочи. Покупки с трудом вместились в багажник авто, и тут Людмила вспомнила про аптечку. Пока она бегала в аптеку, Сашка прокручивал в голове последние сделки. Он, честно не ожидал от Михаила такой подставы. Слить информацию криминального характера конкурентам — на это надо иметь веские основания. История с Людмилой не очень подходила под мотив. Сашка терялся в догадках. Вернувшись из аптеки Людмила успела сесть в машину с недоумением посмотрев на жениха, продолжавшего сидеть с окаменелым лицом.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Ты уже тут? — встрепенулся Сашка. — Нет. Все нормально.

— Отлично! — Людмила поцеловала жениха в щеку. — Тогда, в путь!

К Петру они приехали к вечеру. Навигатор указывал дорогу, вот только прошел дождь и заполненные дождевой водой колеи, разбитой дороги, стали настоящим испытанием для автомобиля. И конечно они застряли посреди поля и долго стояли, пока проезжающий мимо тракторист не взял машину на буксир.

Гостеприимство Петра не знало границ. Гостям отвели лучшие комнаты в большом трехэтажном доме, построенном Петрухой для своего многочисленного семейства, ожидающего очередного прибавления.

— Сына ждем, — с нежностью поглаживая живот жены, с гордостью сообщил родственник Сашке.

— Это правильно, — одобрил Александр, разливая в бокалы коньяк, привезенный с собой из города.

— Хеннесси, — мечтательно произнес Петруха, косясь то на бутылку, то на жену.

— Только чуть-чуть, — милостиво разрешила благоверная, напомнив мужу. — Завтра тебе в город ехать.

— Еще к Ивану, — добавил Петруха.

— Давай, за встречу, — предложил Сашка, поднимая бокал.

— За встречу, — повторил Петр, и лихо опрокинул коньяк в глотку, резким движением поставив пустой бокал на белоснежную скатерть, застилавшую большой стол.

Людмила, искоса наблюдая за Петром, таким высоким, мощным, сильным, улыбнулась самым краешкам губ. Манеры деревенского жителя не отличались изысканностью. Снова улыбнувшись широкой улыбкой, Людмила бросила мимолетный взгляд на Сашку, вдруг, передумавшему смаковать напиток, и последовавшему примеру Петра. Она не удержалась — весело фыркнула. Встретившись случайно взглядом с женой Петра, Людмила подмигнула молодой женщине. Однако реакция была неожиданной.

— Все, хватит пьянствовать, чай не суббота. Завтра вставать рано, — резким тоном та осадила мужа.

Рука Петрухи, тянувшаяся к наполненному вновь бокалу, остановилась на полпути. Он покорно кивнул, соглашаясь с женой. Людмила не выдержала — рассмеялась открыто. Сашкина рука вцепилась в коленку девушки, но та не переставала смеяться.

— Мы с тобой еще успеем выпить, — неловко пошутил Сашка.

Сон в деревне, отчего-то особенно сладок. Проснулись молодые ближе к полудню. Петруха давно уехал в город по делам, оставив на столе записку, в которой просил отвезти Ивану протез и продукты с медикаментами, перечень которых прилагался на отдельном листе. В конце записки была приписка — деньги Иван отдаст на месте. Перекусив в одиночестве, Сашка отнес завтрак Людмиле, продолжавшей нежиться в постели.

— Как хорошо-то, — радостно воскликнула девушка, потягиваясь, когда Сашка появился в спальне с подносом в руках.

— Вставай уже, — сказал Сашка, ставя поднос на специальную подставку. — Мне надо будет съездить кое-куда, — сказал он, поспешив уточнить. — Ненадолго.

— Я с тобой, — закапризничала Людмила.

— Дороги, сама знаешь какие, — Сашка попробовал отговорить подругу. — Сходи на речку, позагорай.

— Я с тобой, — заявила Людмила тоном, не терпящим возражений.

Она постаралась смягчить свое упрямство объятиями и поцелуем, случайно опрокинув на постель чашку с кофе. Притворно завизжала, так как кофе уже остыл, и увлекла возлюбленного на кровать, с победным видом взгромоздившись на Сашку.

Сашка не ожидал, что к Ивану придется везти много чего. В гараже стояли приготовленные бочки с бензином и соляжкой, которые он кое-как погрузил в хозяйский уазик-буханку. Потом, он велел подруге остаться дома, а сам смотался до магазина в центре деревни. Большое, еще советской постройки, здание превратилось в деревенский гипермаркет, где можно было купить все — от соплей до брильянтов, причем химия соседствовала с продуктами, а рядом с коробками конфет лежали женские прокладки. В центре торгового зала возвышалась печка буржуйка, так поразившая Сашку.

Закупившись товарами по списку, Сашка вдруг вспомнил.

— А водка... — он вопросительно посмотрел на дородную продавщицу.

— Обижаете, — притворно оскорбилась та. — Настоящая! Другой не держим.

— Пару бутылок мне, — попросил Сашка.

— Берите три, — посоветовала продавщица и спросила, — А Вы к нам надолго? У Петра Федоровича будете работать?

— Еще не знаю, — честно ответил Сашка, отметив про себя, что имя Петрухи продавщица назвала с придыханием.

Похоже, Петр в деревне пользовался нешуточным авторитетом. Сашка попросил продавщицу помочь отнести покупки в машину. Та громко крикнула, на ее зов явился бородатый мужик в черном халате.

— Семен, — повелительно обратилась она к мужику, — Отнеси товар в машину, да побыстрее, видишь, человек торопиться.

Семен покорно взвалил мешок с мукой на плечо и понес в машину.

Сашка рассчитался покупки, дав денег за услуги грузчика.

— Приходите к нам еще, — расплывшись в масляной улыбке, сказала довольная продавщица, сумевшая обсчитать покупателя на пару сотен рублей, а с учетом обвеса, то и на все четыреста.

— Всенепременно, — по-старомодному ответил Сашка, полуобернувшись в дверях.

Уазик катил по разбитой дороге, весело подсакивая на рытвинах. Петр построил дом не в самой деревне, а чуть поодаль, почти на самом берегу, откуда открывался изумительный вид на реку. Вот только нормальным подъездом к хозяйству он не озаботился. Людмила ждала Сашку на улице, девушка сидела на лавке и бойко лузгала семечки, чирикавая с какой-то девчонкой, судя по одежде, такой же горожанкой, как Людмила. Девушки уже успели познакомиться, и Людмила предложила новой знакомой прокатиться вместе с ними. Сашка остался недоволен. Он думал, что они сделают остановку, поставят палатку, шашлыки пожарят, на лодке прокатятся. Смирившись с неизбежным, он закинул приготовленные заранее сумки, пакеты, коробки в машину.

Сказавшись Настене, гости уехали. Дорога петляла вдоль реки, повторяя ее изгибы. Рачительный Петр засадил поля у реки капустой, и Сашка сделал короткую остановку, срезав пару кочанов. Он внимательно следил за дорогой, так как боялся пропустить поворот. Напрямик через поле, там спуститься в овраг, проехать по нему метров триста и снова подняться наверх по срезанному Петром склону. И там сразу выехать на лесную дорогу и по ней ехать, никуда не сворачивая. Имена так, Настена объяснила им их маршрут.

Отворот Сашка заметил поздно, пришлось сдать назад и выруливать на поле, где среди моркови была проторена узкая колея. Девчонки весело болтали о своем, о женском. Сашке совсем не интересны последние сводки с модных распродаж и новых коллекций, он врубил музыку погромче. Вот и спуск в овраг, Он отметил про себя, что овраг довольно-таки глубокий, а в самом низу по земле стелется какая-то дымка. Он не успел удивиться, въехав в плотную пелену, неожиданно накрывшую дорогу. Автомобиль увеличил скорость движения, хотя Александр вдавил педаль тормоза до упора. Резкий удар от столкновения с неизвестным объектом бросил тело вперед, правый бок обожгла боль. В голове от удара об лобовое стекло раздался звон. Сашка застонал. Собравшись с силами, он вышел из машины. Его окружал густой туман, в котором ничего нельзя было увидеть. Держась за открытую дверцу, парень осторожно шагнул. Впереди раздалось конское ржание полное боли. Сашка замер.

— Откуда здесь лошадь? — подумал он.

Ключья тумана, висевшие в воздухе, вдруг ожили, начав хаотичное движение, с начала будто нерешительно, но постепенно набирая скорость. В центре образовавшегося круга

появилась видимость, круг постепенно расширился, позволяя осмотреться. Машина врезалась в лошадь, запряженную в телегу. Лошадь жалобно ржала, пытаясь подняться, телега опрокинулась. В метре от нее закрыв ладонями лицо, стоял незнакомец в странном длиннополом одеянии похожем на кафтан. Сквозь пальцы у него сочилась кровь, стекая на широкую курчавую бороду. Рядом с мужиком валялось штукovina очень похожая на ружье. Мужик издавал гортанные звуки. Сашка тряхнул головой, думая, что ему все это померещилось. Голова ответила резкой болью. Вдруг из-за стены тумана появился еще один человек, от одного вида которого у Сашки голова пошла кругом. Внешний вид этого мужика оказался совсем уж необычным. Мало того, что он сильно косолапил, когда решительно подошел к стоящему на коленях мужику, так в руке он держал самую настоящую кривую саблю.

— Откуда у него сабля, — подумал Сашка.

Впрочем, и помимо сабли было чему удивляться. Например, железному горшку, напяленному на голову и металлической сетке, закрывающей лицо. Сашка смотрел на него, открыв рот от удивления, и вздрогнул от испуга, когда сабля опустилась на шею другого мужика. Сашкины ноги безвольно подкосились, он опустился на землю, тупо глядя на обрубок руки, валявшийся рядом с обезглавленным телом, продолжавшим стоять на коленях. Человек стряхнул кровь с клинка, решительно направляясь к Сашке с самыми серьезными намерениями. Парень словно оцепенел, испуганно глядя на сверкнувшую в лучах появившегося солнца саблю.

— Солнце, — отстраненно подумал он и глупо улыбнулся.

Человек остановился, не дойдя до Сашки буквально один шаг, медленно поднял руку, клинком наклонив в бок голову Сашки, приставил клинок к шее, примеряясь.

— Якши, — с довольным видом произнес он и резко замахнулся для удара.

Бух. Бух. Бух. Над ухом Сашки раздались сухие выстрелы из пистолета. Они, как ни странно, привели его в чувство. Бросок на убийцу дался с трудом, резкие движения отдавались болью в правом боку. Он сбил его с ног, с удивлением обнаружив, что тот мертв.

Сашка сел на труп, разглядывая вымазанные в крови руки. Сознание отреагировало на стрессовую ситуацию неиссякаемым потоком бранных слов. Постепенно он пришел в себя, вспомнив о девушках. Бросился к машине, перепрыгнув через умирающую лошадь. Открыл дверцу и обмер. На полу, упершись головой в слетевший с места ящик, лежала девушка. На виске у нее зияла страшная рана.

— Мертва, — подумал он, стаскивая ящики, придавившие ноги погибшей.

Разобрав завал, он добрался до своей подруги. Девушка находилась в сознании. Она, молча, смотрела на Сашку, трясущимися руками освобождавшего ногу подруги.

— Твою мать! — парень не сдержался, когда увидел неестественно повернутую ногу.

— Перелом, — спокойно констатировала Людмила. — Вижу, что не открытый. Это хорошо.

Сашка удивленно посмотрел на подругу.

— Где пистолет? — озабоченно спросил он.

— У меня нет... — помотала головой Людмила.

— А где он?

— Я... я не знаю... — нервно ответила девушка, морщась от боли.

— Сиди тут, — велел ей Сашка.

Под ногой что-то хрустнуло. Он случайно наступил на выпавший из сумочки мобильник

мертвой девушки.

— Вот черт, — спохватился он, шаря по карманам.

Его мобильный отсутствовал.

— Дай телефон, — попросил он, протягивая руку.

— В сумке посмотри, — девушке стало тяжело говорить, гримаса боли исказила лицо.

Сашка подобрал с поля сумку, раскрыл ее, шаря в нутре. Пальцы нащупывали помаду, тушь и еще тысячу ненужных предметов, которые женщины умудряются запихать в дамскую сумку. Телефон не находился. Наконец, он догадался проверить наличие замочка между отделениями. Так и есть, телефон лежал в дополнительном отсеке, но связь напрочь отсутствовала.

— Звони в скорую, — чуть не плача попросила Людмила.

— Сейчас... сейчас... — Сашка вертел телефоном, безуспешно ища связь.

Так ничего не добившись, он выскочил из машины, отбежав на пару тройку метров. Связь отсутствовала. Сашка метнулся в другую сторону. Опять ничего. Вернувшееся было спокойствие, вновь покинуло его. Он начал нервничать. Надо было вызвать полицию, скорую. Это сулило проблемы, так как он совсем не собирался светиться. Сюда он прибыл с вполне определенной целью — схорониться. А тут такое... Не хватало еще попасть в криминальную хронику. Журналисты падкие на подобные новости. Авария со смертельным исходом и таинственные убийства — Сашка представил заголовки газет и поморщился, как от зубной боли.

Под ноги он естественно не смотрел и закономерно споткнулся, чуть не упав. И тут он вновь остолбенел, прямо под ногами в траве белели человеческие кости. А споткнулся он об кочку, некогда бывшую мешком с монетами. Ткань, разумеется, истлела, монеты из-под слоя перепревшей травы, сорванного Сашкиным кроссовкам, рассыпались. Подняв одну, Сашка остолбенел. Золотой червонец Екатерины II. И не один, а много их. А вот и серебро, тоже Екатерининское. Сашке стало страшно. По-настоящему страшно. До ломоты в зубах. Он бросился к машине, подобрав саблю покойника. За поясом убитого торчал кривой кинжал, его он тоже забрал.

Людмила тихо плакала. Сашка осторожно вытащил девушку из машины. Беспреданно оглядываясь, оказал первую медицинскую помощь. Вспомнил про лекарства, купленные в аптеке, вколол обезболивающее.

— Я пойду, осмотрюсь, — хмуро сказал он Людмиле. — Возьми кинжал. Если увидишь кого-либо — кричи. Все. Я быстро.

— Где ты это взял? — глаза девушки округлились, когда она увидела саблю и кинжал.

— Нашел на дороге, — он не стал вдаваться в подробности.

— Ты скорую вызвал? Полиция скоро приедет? А кто стрелял? — девушка забросала парня вопросами.

— Все потом. Главное, кричи если что.

Он отсутствовал, как показалась Людмиле, очень долго. Боль в ноге поутихла, и девушка занялась осмотром местности. Даже рискнула передвинуться на несколько метров, чтобы иметь лучший обзор. Пугающая стена тумана оставалась на месте, и ей все казалось, что из нее кто-то выскочит ужасный и страшный. Она судорожно сжимала в руке кинжал, успокаивая себя тем, что это обыкновенные детские страхи. О мертвой девушке она старалась не думать, заставив себя вести счет про себя. Часто сбивалась, начинала по новой. Постепенно Людмила успокоилась и даже задремала. Разбудил ее вернувшийся Сашка. Он

притащил кучу металлолома, свалив железо к ногам девушки.

— Боюсь, что с нами произошла какая-то чертовщина, — сказал он ей, усаживаясь рядом с ней на голую землю.

— Ты полицию вызвал? — спросила она.

— Связи нет, — он помотал головой, выгребая содержимое карманов. — Посмотри, что я нашел, — сказал он, протягивая девушке монеты.

— Червонец Екатерины Великой, — девушка быстро определила монету.

— Это я сам прочитал, — усмехнулся Сашка.

— Золотая, — сказала девушка.

— Ты на сохранности посмотри, — не вытерпел Сашка. — Она как новая!

— Откуда она у тебя? — спросила Людмила, посмотрев на Сашку.

— От верблюда, — парень не удержался от грубости. — Вот еще смотри.

Он выложил перед ней стопки монет и самым последним положил небольшой ромбовидный слиток темного металла.

— Откуда они? — девушка повторила вопрос.

— Тут этого добра навалом валяется. Даже советские монетки попались. Но это не главное. Там за машиной лежат два жмурика...

Сашка рассказал подруге, что с ним произошло после столкновения. Сообщил, что дорога как таковая исчезла, а впереди растет густой кустарник, за которым он нашел самое настоящее капище с деревянными идолами. И повсюду валяются кости. На некоторых скелетах сохранились остатки одежд.

В доказательство своих слов, он предъявил монеты и найденное оружие — ржавый прержавый наган, пистолет, каким, наверное, стрелялся на дуэли Пушкин. Пистоль в отличии от нагана находился в отличном состоянии и имел пару, оставленную Сашкой в ящике, где он его нашел. Это оружие принадлежало дворянину, чьи останки покоились рядом с оружием.

— И что ты думаешь по этому поводу, — он задал волнующий вопрос, когда она закончила осмотр раритетов.

— Чертовщина какая-то, — ответила девушка, осторожно отодвигая от себя острую саблю.

— Вот и я о том же, — согласился Сашка.

— А может это розыгрыш? — с надеждой спросила она.

— Сомневаюсь, — после небольшого раздумья ответил он подруге.

Они опять начали спорить. Сашка вытащил резиновую лодку и занялся делом. Спор сам собой перешел на тему, что брать с собой. Это зависело от того, что их ждет в неизвестности. Может, это болото столь велико, что продуктов не хватит, чтобы добраться до большой земли, а если и доберутся, то, что их там ждет...

Подруга оказалась на редкость упряма. Девушка настаивала на своем, горячо убеждая Сашку ограничиться золотом и продуктами. Если, даже, случилось невероятное, и они попали во временную дыру, то золото всегда ценилось и с ним они могут хорошо устроиться в новом мире. Сашка возражал. А если там динозавры? Без оружия никак нельзя. В ответ Людмила только смеялась. С тем арсеналом, что собирал Сашка — только на динозавров и охотиться! Наконец, они собрались и погрузившись в лодку отплыли, осторожно обходя торчащие из воды коряги. Людмила держала в руках мобильник, надеясь поймать связь.

Вдруг, рядом с лодкой с устрашающим звуком лопнул воздушный пузырь, напугавший девушку. Она взмахнула руками, мобильный полетел в воду... Сашка продолжал грести.

Глава 2. Резанское княжество

Едва пропели первые петухи, с протяжным скрипом, отворилась низкая дверь полуземлянки. На залитый солнечными лучами огороженный плетнем крестьянский двор, натужно кашляя, выполз обросший давно нечесаными космами жестких и прямых волос бородатый мужик, в котором едва узнавалась былая стать. Невзгоды, свалившиеся на Степана, некогда верой и правдой служившего Резанскому князю, сломили княжьего мужа, в одночасье превратившегося в калеку. В одной из стычек с половцами злосчастная стрела степного воина пронзила ногу ниже колена, изломав кость. Рана нагноилась, и Степан лишился ноги, а князь выдал калеке целую гривну и выставил за ворота. Товарищи по оружию снабдили калеку добротным костылем и помогли с наймом подводы. Степан вынужден был вместе с семьей перебраться к брату Дмитру, жившему на окраине княжества.

Подобрав у стены, оставленный с вечера костыль, Степан заковылял к лавке. Следом за отцом из крестьянского жилища выпорхнула дочка — Рада. Востроглазая и бойкая на язычок девчонка отличалась излишней худобой и несносным характером. Ей шел семнадцатый год, давно пора отдавать девку замуж. Да кто возьмет худую, да еще без приданого?

Калека, кряхтя от невеселых дум, долго усаживался на лавку, принимая удобное положение. Затем открыл крышку сундучка, принесенного дочкой, доставая инструмент — острые ножи и заготовку будущего изделия. Лишившись ноги, он промышлял изготовлением деревянных ложек и стаканов. Не бог весть какой прибыток, но хоть какая-то помощь семье. Степан тяжело вздохнул, вспомнив жену. Анна умерла на следующий год, как они переехали к брату Степана. Ранней весной захворала, и моментально сгорела от жара. Едва успели священника привезти к умирающей. Степан после смерти жены совсем сник, а тут как на грех старший сын брата пошел на охоту и сгинул в схватке с неведомым зверем. Даже тела не нашли. А лето выдалось дождливым, хлеб уродился не богато. Зимой единственная лошадь пала. Дмитрова женка Добрана, сварливая и злобная баба, винила во всех бедах Степана с дочкой. Мол, пока их не было, дома была полная чаша, а теперь, едва сводят концы с концами.

Степан тяготился жизнью приживальщика у родичей. Выдать бы дочку замуж, да и уйти в церковный дом, где ему и место. Добрана каждый день твердит об этом. И даже мужа присмотрела для Рады. Спирка справный мужик, хозяйственный. А то, что лет ему много, да вдовец, то не беда. Зато живет богато. Степану не хотелось отдавать дочь Спирке. Люди сказывали, что прежнюю свою жинку тот замордовал до смерти. Скуп, у такого зимой даже снега не выпросишь. А как поставили его княжьим тиуном, так добрым людям совсем жизни не стало. Всем известно, что Спирка злой человек, Бога не боящийся, только то и делает, что князю товар добывает, а людей не щадит. Как за такого злыдня отдать дочку?

Так за думами, он почти закончил вырезать ложку. За пару таких ложек в городце дадут резану, а Спирка забирал товар за бесценок, да еще требовал кланяться ему за доброту его. А в городце на резану можно лишь покушать и то хватит только на постное второе блюдо. Степан вздохнул тяжело, отложив в сторону готовое изделие и нож.

Рада вернулась с огорода, весело помахала отцу рукой, пробегая мимо. Девушка трудилась весь день, помогая Добране.

Степан сложил нож и ложку в свой сундучок. Дочка принесла зачехленный лук и тул со

стрелами. После полудня, они ходили на охоту, бить уток на болоте, по пути проверяя силки на зайцев. Девушка недурственно стреляла. Правда по силам ей охотничий лук, но более от нее не требовалось. Подхватив костыль, Степан стал догонять дочку, успевшую выбежать за ворота.

До болота путь не близкий, а калеке его осилить времени много надо. К вечеру они добрались на место. В силки попались два глупых зайца. Рада связала им лапы и зачихала в суму, которую повесила на шею. Когда до болота оставалось идти совсем немного, Степан замер, подав предупреждающий знак дочери. В лесу определенно кто-то был, и этот кто-то шел совсем не таясь. Степан потянулся за мешком, натянул тетиву на лук, приготовив стрелы. Рада бесшумно ступая шустро спряталась за отцом, осторожно выглядывая из кустов — вечное женское любопытство давало о себе знать.

Степан внимательно наблюдал за появившимися чужаками. Молодой человек нес на себе девушку. Парень устал, но упрямо шел вперед. Пот крупными каплями стекал по лицу парня. Он остановился. Осторожно опустил девушку на землю. Ладонью обтер пот с лица и устало сел рядом с ней. Девушка что-то сказала. Парень ответил ей длинной тирадой.

Рада с любопытством наблюдала за ними, не понимая ни слова из их разговора. Парень и девушка несмотря на усталость спорили. Парень даже вскочил на ноги и размахивал руками. На поясе у него болталась сабля в деревянных ножнах. Рада, выросшая среди княжьего двора, отметила, что оружие для парня не привычно. В случае опасности он не успеет обнажить его. Настоящий воин так саблю не прицепит к поясу.

Отец продолжал наблюдать за ними. Рада, осторожно ступая, подошла к отцу, жестом показав, что девушка ранена. Степан, молча, кивнул и решительно направился к ним. Его внезапное появление вызвало переполох. Парень вначале обрадовался, но радость быстро сменилась тревогой. Он вытащил из-за пояса странный предмет и направил его на Степана. Отец остановился. Поприветствовал незнакомцев. Те переглянулись, но не ответили. Парень продолжал держать предмет на вытянутой руке. Отец терпеливо повторил приветствие:

— Сторове добре.

— Что он говорит? — спросил Сашка девушку, продолжая держать странного мужика на мушке.

— Я не уверена... — ответила та, внимательно вслушиваясь в слова, — кажется, это древнеславянский.

— Когда кажется — креститься надо, — пробурчал Сашка.

Незнакомец вновь повторил свои слова, широко улыбнувшись при этом.

— И вам не хворать, — ответил Сашка, догадываясь, что это были слова приветствия.

Незнакомец замолчал. Он продолжал улыбаться, но его настороженный взгляд не давал Сашке покоя.

— Мы туристы. Руссо туристо. Заблудились. И нам нужна помощь, — сказал Сашка.

— Какие туристы? Ты что несешь? — фыркнула Людмила.

Сашка, видя, что его не понимают, повторил по-английски. Безрезультатно. Мужик продолжал улыбаться.

— Дебил он что ли? — сам себя спросил Сашка. — Лыбится...

— Помогите нам, — попросила Людмила, жестом показывая на сломанную ногу.

Мужчина кивнул, шагнул к девушке. Сашке пришлось посторониться, пропуская его. Мужик опустился на одно колено, осматривая ногу. Потом стал осторожно ощупывать, покачивая головой.

— Вдвоем мы тебя быстро донесем, — обрадовался Сашка, когда мужик, окончив осмотр пострадавшей, принялся срубить молодую березку.

Отложив пистоль в сторону, он принялся помогать мужику и не заметил, как из кустов появилась молодая девушка. Она ступала совершенно бесшумно, но Людмила обернулась, почувствовав ее взгляд. Девушка присела рядом с раненной, и стала наглаживать ногу, тихо шепча заговор. Обезболивающее давно перестало действовать, и рана доставляла страдания. Странное дело, но боль быстро притуплялась, и Людмила почувствовала облегчение.

Сашка, заметив девушку, стал крутить головой, но мужик действовал решительно. Стянув с себя рубаху, нарезал из нее полос, отправив куда-то деваху. Та вскоре вернулась с охапкой травы. И буквально через несколько минут носилки были готовы. Вдвоем они переложили раненную на носилки, и мужик коротко скомандовал.

— Не дыши, — предупредил Степан парня и, видя, что тот не понял его, повторил. — Не тшати.

Сашка помотал головой, не понимая. Тогда он жестами показал, что парень должен поменяться местами с Радой. Девушка сама задавала темп ходьбы. Нести носилки по такому лесу сущее наказание. Лес дремучий: деревья в два-три обхвата. Не пройти не проехать. А тут еще с раненной... Намучались.

Сашка с Людмилой гадали, кем она приходится мужику. Девушка немного походила на него, и они пришли к выводу, что это его дочь или племянница.

— Кто они, батюшка? — спросила Рада.

— Не угры точно, — ответил Степан. — И не ляхи.

— Говорят как-то странно, — заметила дочка.

— И одеты срамно, — согласился Степан.

— Волосы расплетены...

— Холопка, одним словом, — согласился Степан.

Они обсуждали незнакомцев до самой рели. Парень точно не орачь и не воин. Мозолей ведь на руках нет, и саблю привесил к поясу неумело, как будто первый раз ее в руках держал. Однако серебро у странной парочки водилось. Парень сунул Степану неизвестный дирхем, даром, что золотой.

— Буди пощипал кого, — предположил Степан.

По лесу шли долго, а выйдя на поле идти стало веселей. Людмила изредка постанывала. Сашка не решался при незнакомцах колоть обезболивающее. Нога у девушки опухла.

За несколько часов ходьбы им так никто и не повстречался. В маленьком селении, состоящем из нескольких полуземлянок тоже народу было нелишко. Три старухи, да с десяток маленьких детей ползали на улице. Дети играли в странную игру. Соединив большой и указательный пальцы, пускали через них слюну, шумно выражая свою радость, если у них получалось.

Людмилу оставили во дворе. Степан натащил травы, устроив ложе прямо на земле. Сашка проголодался, но просить хозяина накормить их не решался, а Степан не предлагал. Ограничился жестом в направлении корчаги с отбитой горловиной, стоявшей у плетня. В глиняном сосуде оказалась дождевая вода. Сашка напился. Вдруг он увидел людей, в простых рубахах до колена. Они возвращались с поля и выглядели усталыми. На плечах они несли самодельные грабли, немного необычные на вид. Они зашли на двор, бросив на Сашку с Людмилой безразличный взгляд. Женщина сразу принялась разводить огонь. Молодой парень принес начищенный до блеска котел, установил его на треногу.

Сашка оглядывался в поиске кружки или какой-нибудь плоски, чтобы напоить Людмилу, но ничего подобного рядом с корчагой не наблюдалось. Тогда он попросил дать ему кружку, жестаи показывая, что ему надо.

Мужики не обратили внимания на его просьбу, о чем-то беседуя. Говорили они не спешно, изредка бросая взгляды то на Сашку, то на Людмилу.

— Похолопим? — предложил Степан брату.

— Откуда они? — спросил тот.

— Не все ли равно? — усмехнулся Степан. — Добрана твоя давно мечтала обзавестись обельными.

— А ну как беглые? — засомневался Дмитр.

— Не похоже, — мотнул головой Степан.

— Тогда решено, — согласился брат, почесав бороду.

Он окрикнул сына, моментально представшего перед отцом, и отдал распоряжения насчет незнакомцев. Местята кивнул, и степенно пошел выполнять волю отца. Он принес из дома деревянную плоску, бросив ее Сашке, поймавшему ее на лету. Сашка зачерпнул воды, собираясь напоить Людмилу. И когда он направлялся с ней, Местята неожиданно ударил. Резко. Мощно. Сашка согнулся от боли. Плоска выпала из рук. Людмила закричала. На помощь Местяте пришли остальные братья. Сашку стали избивать. Он пробовал сопротивляться. Даже вырубил одного из братьев, он правда, быстро очухался, и пока братья обменивались ударами с Сашкой, отполз к плетню. Вырвал жердь и зашел Сашке со спины. В результате Сашка был сбит с ног. Братья накинулись на него, заломив руки. Быстро опутали руки и ноги. Сашка матерился от обиды и бессилия.

Людмила, видя, как расправляются с ее парнем, вытащила нож, данный ей Сашкой. Дмитр выбил его ударом ноги, прикрикнув на девушку. Сашку куда-то поволокли по двору, но не далеко, рядом с домом оказалась вырыта яма, куда Сашку и сбросили. Люк закрыли. Людмила заплакала, глядя как мужики роются в сумке, снятой с Сашки. Они нашли в ней несколько монет и два маленьких слитка: один серебряный, другой золотой. Очень обрадовались. Сабля тоже вызвала интерес, но только у одноногого Степана. Дмитр остался равнодушен к оружию.

В крошечной тьме бег времени совсем не ощущается. День сейчас или ночь — не поймешь. Сашка обследовал яму, оказавшейся обыкновенным зернохранилищем полусферической формы. Стенки ямы некогда обмазаны были глиной, но теперь не мешало бы вновь их обмазать, от времени глина растрескалась и местами осыпалась. Сашка вначале много думал и гадал, что его ждет и как там его подруга, но потом плюнул на это дело, стараясь совсем не думать.

Когда живот скрутило от голода, приоткрылся лаз. Сашка зажмурился от слепящего солнца. Человек бросил в яму кусок черного хлеба и кувшин. Сашка еле поймал его, стараясь не расплескать воду. Створка вновь опустилась, погружая парня в темноту. Хлеб на вкус был противен. Такого качества хлеба Сашка никогда не пробовал. Но голод не тетка. Он спорол все без остатка и даже пожалел, что хлеба было мало. Время опять остановилось.

— Где Рада? — гремя горшками, спросила Добрана Степана.

— Скоро вернется, — лаконично ответил он ей.

— Ты за ним послал? — шепотом, стараясь, чтобы женка не услышала, спросил Дмитр.

— Да, — кратко ответил Степан.

— Куны как делить станем? — хитро щурясь, задал вопрос Дмитр.

— По-братски, — усмехнулся Степан.

— Лошака куплю, — мечтательно произнес Дмитр.

— Лошака он купит! — набросилась на мужа Добрана.

— И куплю! — муж возвысил голос на жену, для большей убедительности стукнув кулаком по столу.

— На тебе гривна зарыщенна, да две гривне намо, — зло выкрикнула жена.

— Пустое мелешь, — попробовал возразить Дмитр, сутулясь под испепеляющим взглядом Добраны.

С утра брат раздобыл цепи, пленников сковали и заперли в сарае. Семейство разошлось по своим делам, а Степан вновь сел на свою лавку и принялся за работу. Ему не понравилось ворчание Добраны по поводу отсутствия Рады. Женщина громко возмущалась, что ей самой пришлось справляться с делами.

Пока они шли, она всю дорогу пилила мужа, уговаривая побыстрее выдать замуж Раду и избавиться от Степана.

— Все куны нам достанутся! — бормотала она.

Рада вернулась засветло. Девушка привела с собой древнего старика — настолько старого, что он сам не помнил, сколько ему лет. Он нисколько не изменился со дня их последней встречи, когда отец впервые посадил трехлетнего Степана на коня. Этот день хорошо запомнился Степану, и он в последнее время часто видел сны из детства. В них отец вновь был молод и полон сил. Степан видел его сильные мозолистые руки, держащие в руках оружие. А потом образ отца сменялся матерью. Она гладила первенца по голове и пела колыбельную песню.

Старик потребовал расковать девушку. Рада сбегала за кузнецом, а пока ожидали его прихода, старый Любомир с любопытством рассматривал пленницу, осматривая сломанную ногу.

— Кому пришло в голову сковать ее... — укорил он Степана.

— Так некому блюде их, — пожал плечами Степан. — Из меня сторож сам, видишь какой.

— Вижу. Я все вижу, — кивнул головой старик. — А вот что видишь ты?

— Ну как... — растерялся Степан.

— Опять ходил на болото? — строго спросил Любомир и укорил. — Забыл наказы отца?

— Я христианин... — попробовал оправдаться Степан.

— Оно и видно, — брезгливо скривился старик.

Любомир сел рядом со Степаном, достал из котомки ступку, пучки трав и стал ритмичными движениями сильных рук измельчать травы. Старик молчал, весь уйдя в себя. Когда дело было сделано, встал, пружинистыми шагами отмерял расстояние, ведомое только ему, низко поклонился, забормотав заговор. Потом вернулся, приготовил отвар. Рада напоила им девушку, а старик стал терпеливо ждать, когда зелье подействует. Он еще несколько раз прикладывал плоску губам девушки, знаками показывая, что она должна выпить. От зелья Людмиле стало хорошо и весело, ей казалось, что тело потеряло вес и хотелось вспорхнуть и летать, летать...

— Вот и все, — удовлетворенно произнес старик, когда девушка заснула.

Сашку, которого расковали вместе с Людмилой, стерег местный кузнец — широкоплечий, коренастый мужик с иссиня черной курчавой бородой и перебитым носом на

некрасивом мясистом лице. Тяжелая длань кузнеца лежала на плече Сашки.

Старик вновь сломал кость, сызнова сложив ее, теперь уже правильно. Открытую рану он присыпал толстым слоем зеленого вещества, обмотав ногу чистой тряпицей.

— Срастется. Будет как новая, — удовлетворенно произнес он.

— Хромать не станет? — обеспокоилась Рада.

— Молитесь своему распятому богу, — буркнул Любомир.

Рада быстро собрала на стол остатки вчерашнего ужина, пригласив Любомира отведать, чем бог послал. Старик отказываться не стал.

— Похолопить решили? — спросил он, кивнув в сторону Сашки, которого кузнец бросил связанного на землю.

Степан согласно кивнул.

— А не страшно? — старик искоса посмотрел на Степана.

— Чужаки, — кратко ответил Степан.

— Чужаки говоришь... — Любомир пристально из-под густых кустистых бровей взглянул на Степана. — То верно.

Степан не смог выдержать взгляда, отвел глаза в сторону, обратив внимание, что лицо у дочери стало испуганным.

— Чужие они не только нам, но и миру... — сказал Любомир свое веское слово.

— Господи прости, — кузнец испуганно перекрестился.

— Значит так, — старик пружинисто поднялся и, стал он выше ростом, и даже, кажется, раздался в плечах. — Никто не должен знать сей правды!

— Буду нем как рыба... — моментально пообещал кузнец.

— Будешь, — Любомир властно простер руки в направлении испуганного кузнеца и громогласно повторил. — Будешь!

Крепко сжатые в кулак пальцы старика резко разжались, высвобождая неведомую силу. Кузнец пошатнулся и замычал. Пал ниц, безмолвно моля о прощении. Рада, громко ойкнув от испуга, обессилено опустилась на землю. Старик протянул к ней руки и произнес:

— Отныне ты сможешь говорить только с чужаком...

Девушка потеряла сознание. Отец крепко сжал кулаки, но протестовать не посмел. Сашка словно оцепенел, руки и ноги налились ватой, он даже голову не мог повернуть, а отяжелевший язык намертво прилип к небу.

— Чужаки останутся с тобой, — повелел старик, повернувшись к Степану.

В его хлестких словах, твердом взгляде и горделивой осанке было столько власти, что Степан только лишь кивнул, соглашаясь.

— Отпустишь этого, — кивок в сторону Сашки, — на пару дней. Покажешь, в какой стороне болото. За ним не ходи. Если вернется, обучишь оружному бою. Не калечь, и спуску не давай.

Степан только лишь кивал, искоса посмотрев на бесчувственную дочь.

Старик подошел к Сашке, возложив руку на голову. В голове сразу защипало, Сашка остро почувствовал неприятные ощущения — словно тысячи жучков проникли под череп. Они расползались повсюду, вызывая чувство щекотки. Это было невыносимо. Настоящая пытка. И когда внутренний крик парня достиг наивысшей точки — враз отпустило.

— Ты можешь еще вернуться, — прозвучал голос в Сашкиной голове.

Это было столь неожиданно, что он завертел головой, ища того, кто это сказал. И только потом понял, что странное оцепенение прошло. Странно, но никого кроме деда

рядом с собой Сашка не увидел.

— Поторопись, завтра ворота закроются, — вновь сказал голос.

Сашка вновь завертел головой. Он готов был поклясться, что плотно сжатые губы деда не размыкались.

— Кто ты? — наконец, догадался спросить парень. — Где ты?

— Вот он я, — ответил ему голос. — Стою прямо перед тобой.

Сашка недоверчиво посмотрел на деда, стоящего как истукан с закрытыми глазами.

— Чертовщина какая-то, — подумал парень.

В ответ раздался звонкий смех молодого, сильного и здорового человека, а никак не старика.

— Где мы? Куда мы попали? — мысли парня начали путаться, но он сообразил задать важные вопросы.

Старик, если это все-таки был он, вопросы проигнорировал.

— Мы можем вернуться домой? — спросил Сашка.

— Только ты, — ответил голос. — Женщина останется с нами.

— Ну, уж нет! — возмутился Сашка.

— У тебя есть выбор, — ответили ему. — Можешь остаться.

— Мы вообще куда попали? И какой сейчас год?

— Шесть тысяч семьсот сорок второй год ноне, — сообщил голос.

Сашка присвистнул. Вот дела... думал, в прошлое попал... Оказалась в будущее. Война, что ли ядерная была? То-то они выглядят странно. А старик..., точно, мутант.

Додумать Сашка не успел. Его резко потянуло на сон, и когда он проснулся, старика уже не было. Кузнец тоже исчез. На плетне мирно сидели вездесущие воробьи. Людмила пыталась разговаривать с Радой, вернее, девушки приступили к важнейшему занятию — изучению местного наречия.

— Людмила! — позвал Сашка девушку.

Рада сразу замолчала, обернувшись к нему.

— Надо бежать отсюда, — хмуро сказал он, подходя к девушкам.

— С моей ногой далеко не убежишь, — весело ответила Людмила.

— Они тут все чокнутые, — сообщил Сашка. — Мутанты!

— Нормальные люди, — беззаботно ответила она ему.

— Ты что совсем с ума спятила? — он закричал на нее. — Говорю тебе — мутанты они!

Старик гипнозом владеет и в голову ко мне залез! Тут, наверное, ядерная война была, и все они деградировали. Год, сейчас, знаешь какой? Шесть тысяч семьсот сорок второй!

— Не кричи на меня, — спокойно отреагировала Людмила. — Старик и со мной беседовал. Я в курсе всего.

— Вот-вот, — с жаром воскликнул Сашка.

— А про год ты ошибаешься. Это от сотворения мира, а от рождества христово будет тысяча двести тридцать четвертый год.

— Ну, нифига себе, — Сашка ошалело смотрел на Людмилу. — Это же... это же...

— Ничего не это же, — язвительно заметила Людмила.

— Ну как же! Александр Невский, псы-рыцари! Я книгу недавно читал...

— Забудь, что ты читал, — перебила Людмила. — На заборе тоже пишут...

— Ну как же?

— Ты по морде получил? — строго спросила она.

— Получил, — утвердительно кивнул Сашка, тяжело вздохнув и потеряв скулу.

— Вот и делай выводы — верить ли книжкам...

— Так я про другое говорю, — напомнил Сашка резким тоном.

— Старик сказал, что ты еще можешь вернуться...

— Без тебя я никуда не пойду, — заявил он девушке.

Людмила молчала. Сашка потоптался на месте и спросил:

— И что нам делать?

— Мне дорога заказана, — тяжело вздохнув, сказала Людмила. — Я пролила кровь на землю. А ты еще можешь вернуться.

— Оставить тебя с этими шизиками? — воскликнул Сашка. — Я лучше... я лучше...

Он заметался, наконец, увидел нож на столе и, схватив его, чиркнул лезвием по ладони.

— Вот! Смотри! — торжествующе крикнул он, демонстрируя порез, из которого сочилась кровь и крупными каплями спадала на землю.

— Ну и дурак же ты, — притворно рассердилась Людмила, которой было приятно видеть, как сильно ее любит парень.

Глава 3. Резань

Шемяка широко размахнулся, высоко подняв топор над головой, ухнув, мощно ударил. Березовое полено разлетелось на две половинки. Удовлетворенно хмыкнув, он вопросительно посмотрел на наставника, а тот, в ответ, резко опустил палку на Сашкины плечи. Степан с невозмутимым видом наблюдал за тем, как парень колол дрова. Однако, когда его ученик делал слишком широкий замах, поправлял его, протянув палкой по хребтине. Девушки хихикали каждый раз, когда Сашке доставалось от наставника. Они собирали дрова, складывая высокую поленницу.

Сашка, повинувшись молчаливому указанию наставника, взял топор в правую руку, правильно расставил ноги и вновь ударил, уже одной рукой. Топор глубоко застрял в древесине.

— Мощнее, — прокомментировал Степан.

Он с трудом вытащил топор, повторив удар. На сей раз Степан, глядя на разлетевшиеся половинки, остался доволен.

— Хватит, — сказал он, отвернувшись.

У плетня, на котором разместились стайка любопытных воробьев, стояли вбитые в землю столбы. Сашка, украдкой вытирая пот, притащил с собой полешки, которые надлежало водрузить на столбы. Ругаясь про себя, он принялся за новое упражнение, проклиная свою судьбу.

Три месяца пролетели как один день. Он давно уже ничем не отличался от обитателей деревни, ходил в домотканой одежде, отрастил волосы и отпустил бородку, за которой приходилось ежедневно ухаживать.

Хозяева дома не ласково встретили пришельцев, Сашка даже понял, что их хотели обратить в рабство, но вмешательство таинственного старика странным образом изменило их с Людмилой судьбу.

Дмитр и Добрана продолжали относиться к пришельцам настороженно.

Жена долго выговаривала мужу, после его разговора со Степаном, но калека оставался неумолим. Сашке, получившему свободу, пришлось не сладко. Он принимал деятельное участие в хозяйственной жизни семьи, да Степан взялся за его обучение. К вечеру парень валился с ног, а утром все начиналось с начала. Людмиле тоже нашли дело по силам. Девушка уже ходила самостоятельно, по первости опираясь на костыль. Они уже недурственно говорили на местном наречии, но поговорить о дальнейшем своем бытѳе у них не получалось. Обитатели дома внимательно следили, что бы Сашка не оставался наедине с девушкой.

С приходом осени Степан освоился с протезом и даже мог бегать. Не так быстро, как раньше, но все же он уже не чувствовал себя калекой. Это было видно по его общению с братом. Дмитру и его жене совсем не нравилось, что Степан стал прежним и только серебро, выданное Сашкой, мирило их с присутствием родственников и приживалок, какими они были в глазах Добраны.

Сашка был на острове всего ничего. Что успел — прихватил, а на утро остров исчез. Просто испарился, и ничего не напоминало, что он когда-то был тут. Сашка долго искал его, но безрезультатно. Только лодку потерял, наткнувшись на корягу в воде, которую не заметил

и чуть не утоп у самого берега. Его спас Степан, тайком наблюдавший за парнем из кустов. Он бросил жердь Сашке, когда парень совсем распрощался с жизнью. Так уж получилось, что Степан стал в курсе о Сашкиных запасах. Среди прочего, что Сашка успел перевезти на большую землю, был протез. Его парень вручил Степану и тот пришелся в пору, как будто на него делали. Степан долго пытался объяснить парню, что следует молчать о его богатстве. Сам он несказанно поразился диковинным штукам, особенно разным образцам холодного оружия. Вдвоем они припрятали добро до поры до времени, а мешок с мукой Сашке пришлось тащить на спине до самого селения.

Добрана обрадовалась муке, а что наплел Степан женщине насчет муки, Сашке осталось неизвестно. Парня отправили помогать сыновьям Дмитра, и потом ему дела не было до объяснений с Добраной. Сашка старался не попадаться на глаза злой бабе.

Осень пролетела как один день. Они дождались первого снега. Степан с Дмитрием засобирались в дорогу и, проснувшись поутру, Сашка обнаружил их исчезновение. Мужики отсутствовали несколько дней. Вернулись домой не одни, а в сопровождении высокого мужика с тонкой и длинной шеей. Рост этого мужика, перед которым все домочадцы лебезили не по-детски, увеличивала неестественная худоба. Мирон был княжеским тиуном, из свободных. Путешествовал он под охраной одного вооруженного человека — молодого, веселого парня с множеством веснушек на простоватом лице, и вечной глуповатой улыбкой, отчего он казался таким деревенским увальнем.

Первое впечатление оказалась обманчивым. Пока тиун ожидал людей на сход, Степан предложил Мирону, чтобы Федот, так звали увальня, поучил уму разуму Сашку. Мирону парня представили, как сына побратима Степана. Тиун, бросил оценивающий взгляд на Сашку и согласно кивнул. Бойцам Степан выдал деревянные палки, потребовав от каждого подтвердить перед тиуном, что бьются они добровольно. Федот продолжал глупо улыбаться, когда Сашка атаковал. Деревянный меч рассек пустоту, где мгновением раньше стоял Федот, и боль обожгла Сашкины ягодицы. Он быстро развернулся, махнув мечом, но опять противник удивил Сашку, быстро сместившись в сторону, заходя со спины. Его едва уловимые движения отличались необыкновенной плавностью, он словно парил над землей. Сашка успел заметить его передвижения боковым зрением, когда рука еще не завершила движение. Он упал с перекатом, избегнув повторного позора.

Федька уже не улыбался, сосредоточившись на бое. Он призывно махнул мечом, предлагая противнику атаковать его.

— Ну, нет... — сквозь стиснутые зубы процедил Сашка.

Он кружил, как его учил Степан, пытаясь спровоцировать Федота на атаку. Парень демонстративно зевал, демонстрируя пренебрежение к противнику. Во время очередного зевка, Сашка стремительно атаковал, как оказалось пустоту. Федот непостижимым образом ушел с линии атаки, больно приложив деревянным мечом по Сашкиному затылку. На этом бой закончился.

— Говоришь первый раз меч в руки взял нынче летом? — спросил Степана Федот.

— Да, — подтвердил немногословный Степан.

— А не плохо совсем, — похвалил парня Федот.

Этот, с виду деревенский увальень, слыл одним из лучших мечников княжества, и лишь не многие профессионалы могли соревноваться с ним в мастерстве.

Очухавшись, Сашка сильно переживал из-за конфуза, но Степан шепнул ему, что все не так уж и плохо. А потом Сашка забыл про бой, заинтересовавшись действием, разыгравшимся

на огороженном плетнями пространстве. Тиун собрал десятских. Каждый из них стоял со своим десятком, боролатыми мужиками, большей частью звероподобного вида. Сашка уже привык к ним и более не пугался. Народ в массе своей был спокойным и добрым. Буйных сплавляли князю еще в раннем возрасте, отдавая в воинское обучение. Тиун затеял из-за напасти приключившейся с десятским Лавром. Кузнец с недавнего времени страдал немотой и уже не мог выполнять свои обязанности. Он изредка бросал на Сашку грозные взгляды, не сулящие парню ничего хорошего. Сашка почесал ушибленное место на ноге. Степан часто привлекал в качестве инструктора кузнеца. Лавр как никто другой владел секретами боя на секирах и топорах и многому научил парня. Сашка мог бы гордиться своими успехами, если бы не скверный характер кузнеца. Стоило Сашке отшлифовать один из приемов, как Лавр применял более заковыристый и, Сашка получал очередную порцию синяков или легкий порез на коже. Парню порой казалось, что Лавр своей секирой мог бы побрить Сашку, даже не оцарапав. А легкие порезы, которые он наносил парню имели цель унижить его.

Вместо Лавра народ выбрал нового десятского, и тиун утвердил его в должности. Потом Мирон зачитывал грамотку. Тиун тут выполнял роль главного фискала, собирая налоги с населения. Сашке скоро наскучило его слушать, а вот мужики внимали словам тиуна, иногда пытаясь протестовать или что-то там доказать. Обсуждение шло бурно. Тиун упрямо стоял на своем, когда дело касалось прошлогодних недоимок. Местные мужики горячились, кричали, бросали шапки оземь, но все их причитания совсем не волновали представителя власти, требовавшего выплатить положенное в полном объеме. Сашка убрался, пока его никто не заметил и, поспешил к Людмиле.

Вечером тиун проставился, накрыв для народа поляну. Для Сашки это было в диковинку. Главный местный налоговый кормит и поит налогоплательщиков, такого чуда он еще не видел. Мужики смерившиеся с необходимостью выплаты налогов с горя напились. Многие даже на ногах не стояли, таких под руки уводили жены и дети.

Утром Мирон уехал, а в селяне стали собираться в дорогу. В сборах прошла целая седмица, но, когда обоз тронется в путь, Сашка не знал. Наконец, десятский всех позвал на сход и объявил дату отправления.

Степан, вернувшись со схода велел Сашке собираться в дорогу. Людмила с мольбой смотрела на благодетеля, и Степан растаял под ее жалостливым взглядом.

— Собирайся и ты. С нами поедешь, — велел он ей.

Людка совсем по-детски захлопала в ладоши, а потом стремительно бросилась на шею к Сашке, успев быстро шепнуть на ухо.

— По дороге сбежим.

Сашка уже давно готовил побег. Терпеть семейство Дмитра уже было не в моготу. Да и Степан с дочкой, хоть вида и не показывали, но тоже тяготились гостеприимством родственников.

Целый день оставаясь на виду, Сашка заметно нервничал. Он с сыновьями Дмитра перетаскивал корзины с зерном, нагружая сани, потом таскал кули и разделанные туши, завернутые в мешковину. Ему постоянно делали замечания — то не туда положит, то не так поставит. Бочку, битком набитую шкурками, загрузили последней, а ему так и не удалось отлучиться, чтобы добраться до тайника. Однако, на ночь глядя, санный поезд никуда не поехал, и дождавшись, когда все домочадцы уснут, парень осторожно стал пробираться к выходу.

— Ты куда? — приглушенный голос Степана, раздавшийся среди дружного храпа

заставил Сашку вздрогнуть.

— До ветру я, — шепотом ответил он.

— Дверь плотней затвори за собой, — буркнул Степан и вновь провалился в сон.

Добравшись до тайника, Сашка зарядил пистолеты. Ящичек от них он убрал обратно в тайник, а оружие завернул в кусок старой полуистлевшей ткани, которую дала ему Людмила. В сумке лежал небольшой запас золота и серебра, а также пули и порох в специальных емкостях. Еще Сашка прихватил с собой нож с широким лезвием и длинный и узкий кинжал. Большого из оружия он поостерегся брать, так как боялся, что его тайник будет легко обнаружить. Подхватив сумку, он пробрался к саням и спрятал ее среди зерна. Накрыв короб крышкой и укрыв сани старыми шкурами, он поспешил назад в дом.

Утром Степан придирчиво осмотрел сани, поправляя шкуры. Сашка взопреп, когда Степан заметил не плотно подогнанную крышку короба, но бог миловал, Степан ничего не заподозрил. Братья с отцом запрягли лошадей. Степан отвел места в санях для Людмилы и Сашки. Как назло, бывший дружинник усадил Людмилу рядом с собой, а Сашке отвел место в санях рядом с бывшим десятником, который вызвался сопровождать их до города.

Остальные деревенские мужики давно уже были готовы и санный поезд двинулся в путь. Дороги как таковой не было, пробирались через лес, часто сворачивая в сторону. Заночевали тоже в лесу, разведя большой костер, на котором быстро приготовили горячую еду, но вначале растопили снег, чтобы напоить коней.

На следующий день обоз добрался до большой деревни, где собирались селяне с окрестных поселений. Мирон, которому доложил Степан, отвел для вновь прибывших место в доме на отшибе. Но Степан воспользовался гостеприимством хозяев лишь отчасти. Они покушали горячей пищи и ушли спать на улицу. Спали в санях, завернувшись в шкуры и зарывшись в пахучее сено.

Утром Сашка незаметно шепнул Людмиле:

— За рекой будет большая дорога. Там и сбежим, а то в этих дебрях заплутаем и пропадем.

Девушка согласно кивнула.

Выбравшись из дремучего леса на большую дорогу, санный поезд увеличил скорость. Заночевали в большой деревне, где им обеспечили теплый кров и горячую пищу. Степан, как чувствовал, не оставлял Людмилу без догляда. Сашка уже ревновал девушку к одноному дружиннику, оказывающему знаки внимания его девушке. Самое обидное, что Людмила их благосклонно принимала, объясняя это стремлением усыпить бдительность ухажера. За самим Сашкой постоянно приглядывала дочка Степана, положившая глаз на парня. Она буквально в первый же день перебралась к ним в сани и как бы невзначай старалась устроиться поближе к Сашке. Лавр только усмехался в бороду, видя, как девчонка охмуряет парня.

Сбежать у них не получилось. Надежды Сашки добраться до Новгорода растаяли как дым. Вместо этого они прибыли в пункт назначения — город Рязань. По нынешним меркам столица княжества представляла собой настоящий мегаполис с мощными древо-земляными укреплениями. Издалека рассмотреть древний город Сашка не смог — банально проспал. А когда проснулся, то обоз полз уже по деревянному мосту у воротной башни, пораженной своими размерами.

Попав в город, обоз разделился. Часть осталось ожидать указаний, а с десятков саней поехали дальше. Улица, по которой они ехали, была слишком узка. Сани едва могли

разминуться на улице. На развилке их встретили княжеские слуги. Они показывали куда ехать, так как у князя припасы хранились в разных местах. Ехали не долго. Сашка удивленно вертел головой, открыв рот. Ему все было интересно. Ворота большой усадьбы стояли отворенными, сани по очереди заезжали в просторный двор, где многочисленные слуги распрягли коней и уводили в конюшню. Въехав во двор, Сашка слез с саней, и стал осматриваться. Началась неизбежная суматоха. Парень перетаскивал добро в хозяйственное помещение, а потом помогал сверять привезенное с описью.

Вечером, уставший Сашка хотел прилечь, чтобы забыть все, что с ним приключилось. Он так и не нашел Людмилу, и никто не знал, куда она подевалась. Вертихвостка Радка, тоже куда-то исчезла, как и ее отец. Он заглянул в конюшню. Лошади исчезли. Буря мыслей и чувств, поднявшаяся в душе, не давала заснуть. Ревность терзала его так сильно, что он вскочил не в силах ни лежать, ни сидеть. Тогда он, прихватив сумку из-под лавки, в расстройстве побрел на улицу. Вскоре он добрался до дома, в котором безошибочно опознал местную точку общепита.

Внутри корчмы тепло и сумрачно. В нос шибануло смесью самых разнообразных запахов. В большой печи томился глиняный горшок со щами, из пристроенной клетки, куда сразу за буфетом вела открытая дверь, доносилось шкварчание жарившегося на открытом огне и сковородах мяса. Молодые безусые парни, в длинных, до самых колен рубахах, как один стриженные под горшок, шустро сновали туда-сюда торопясь разнести заказы и прибрать со столов. Аппетитные запахи с поварни смешивались с запахом свежесваренного пива и вареного меда.

В просторной светлице, где сидели посетители, крепко пахло переваром. Свет от сальных свечей едва разгонял мрак. Было очень шумно: несмотря на поздний час, в заведении полно народа. За длинным дубовым столом расположилась состоятельная компания, заказавшая вареного меда. Напротив, попивая сбитень, мирно беседовали землепашцы, обсуждая цены на овес, а за ними, потягивая пиво, клиент сговаривался с мастером о выполнении заказа на пошив плаща из материала, который должно мастеру взять у какого-то Вячика. Дальше за ними, Сашка разглядел свободный стол. Пробежавший мимо мальчишка, сразу переставил к нему свечу, забрав ее у покидавшей корчму подвыпившей компании мастеровых.

Сашка прислушался к разговорам за соседними столиками и сразу наострил уши.

— Они убивают всех, кто посмел им перечить. Женщин, детей, стариков. Даже в рабство не берут, — вещал приземистый, широкоплечий морщинистый старик, скорее всего купец, судя по дорогим портам.

— Неужто? — кто-то из многочисленных слушателей ахнул в изумлении.

— А князей, кои не покорились их хану, они станут преследовать хоть до края земли, — продолжал нагонять жути купец.

— Знамо дело. Половецкие ханы к нам прибежали за помощью, и что вышло? — напомнил кто-то из слушателей.

— Знамо. Знамо. Помним, — все согласно закивали головой.

— А еще они вырывают сердце у тех, кто посмел встретить их оружными, а из отрубленных голов возводят громадной величины холм, — тут рассказчик помог себе руками, показывая какой высоты получился холм.

— Неужели сам все это видел? — спросил сидевший напротив дородный купец.

— Своими глазами, вот те крест, — подтвердил рассказчик.

— Как тогда ты живой выбрался, если сам видел? — спросил недоверчивый горожанин.

— Так они купцов не трогают, — с ухмылкой ответил купец. — Я скажу более, они нас привечают. Мыто один раз заплатил и езжай хоть до самой полуночной страны, где живут люди с песьими головами.

— Свят. Свят. Свят, — закрестился народ.

Сашка перестал прислушиваться, когда к нему подошел молодой парень в серой, испачканной жирными пятнами, домотканой рубаше длиной до колен, некий местный аналог официанта, чтобы принять заказ.

Злость на девушку все еще переполняла Сашку и, он стгоряча решил утопить печаль в вине, а не в тех напитках, которые тут предлагались посетителям.

— Вино есть, — невозмутимо ответил парень, вытирая стол грязной тряпкой, мимолетным взглядом оценив платежеспособность клиента.

Видно внешний вид заказчика вызвал некоторые сомнения в его платежеспособности, так как парень, приняв заказ, продолжал стоять, разглядывая засаленную столешницу. Сашка небрежно бросил серебрянную гривну на стол со словами:

— Неси все что есть.

Парень ловко поймал гривну и пулей умчался выполнять заказ. Вскоре объявился сам корчемник, лет сорока, с редкими седыми прядями в густой шевелюре черных как смоль волос, свободно ниспадающих на плечи, и полным хорошо откормленным телом. Два молодца за ним тащили настоящую амфору по форме напоминающую морковку. На правой руке корчемника не хватало двух пальцев, а левый глаз закрывала кожаная повязка, что в купе с курчавой бородой, окрашенной в ярко-золотистый цвет, делало его похожим на пирата. Он лично водрузил амфору в специальную выемку в полу и демонстративно сорвал свинцовую печать на горлышке сосуда, что бы клиент убедился в его честности.

— Корчагу всю выпьешь? — пробасил он.

Сергей оценил размеры ёмкости и согласно махнул рукой:

— Оставляй.

Хозяин принес кувшин и деревянные чарки. До краев наполненный кувшин он поставил перед щедрым посетителем и подал знак помощнику, который спешил к клиенту со снедью.

Сашка залпом, одна за одной, выпил несколько чарок, крикнув от удовольствия. Вино оказалось вполне приемлемым, с мягким медово-сладким вкусом. Небольшие размеры амфоры, говорили сами за себя — хорошее вино на Руси стоило дорого и не каждому по карману.

Откуда ни возьмись нарисовались два подозрительных типа в изрядно поношенных портах, бесцеремонно подсевшие за стол.

— Гуляем, друже? — обдав смрадным луковым запахом, исходящим из беззубого рта, спросил чернявый тип неопределенного возраста, с приплюснутым носом и косым, тянувшимся через весь низкий лоб багрово-синюшного оттенка рубцом шрама.

Его грязные, давно не мытые руки, с обгрызенными ногтями тянулись к кувшину с вином.

Сашка брезгливо скривился. Рука непроизвольно сжалась в кулак, но ударить он не успел. Подельник чернявого, нервно затеребил товарища за рукав, испуганно глядя за Сашкину спину.

— Пошли вон! — властно пробасил голос за спиной.

Парочка, как нашкодившие коты, бросилась удирать, молниеносно выскочив из-за стола

и исчезнув в темном углу корчмы.

Обернувшись, Сашка разглядел вполне прилично одетых людей. Уже изрядно захмелевший, он обрадовался возможности поговорить, излить душу, потому он сделал приглашающий жест, крикнув трактирщику:

— Еще стаканов неси.

Налив гостям вина, Сашка поднял чарку и выпил за здоровье новых знакомцев.

Они разительно отличались друг от друга. Высокий и широкоплечий богатырь с голубыми глазами, с копной пшеничного цвета волос на голове назвался Микулой, а другой, небольшого росточка, щуплый, чернявый отзывался на имя Симон. Причем он в отличии от своего друга ни минуты не сидел на месте, постоянно ерзал на лавке, жестикулируя широко размахивал руками, а взгляд у него был какой-то бегущий, но очень цепкий.

— Ты Симон, успокойся, — обратился к чернявому Микула.

— Да как мне быть спокойным, когда такие страсти тут по-рассказывали, — он бросил нервный взгляд на Микулу, но положил руки на стол, крепко вцепившись в стакан.

Они разговорились. Темой для обсуждения стали байки приезжего купца о жестокости татар. Вскоре они увлеченно спорили. Новые приятели убеждали Сашку, что неудача на Калке вполне объяснима. Не стоило доверять половцам, бежавшим от врага поджав хвост. Не подставь они княжеские дружины под удар — быть бы татарам битыми. Вот болгары вломили татарам, когда они возвращались назад, взяв у них богатую добычу. Все брони и оружие русских воинов, взятое татарами на Калке в качестве добычи достались болгарам, и многие пленники поменяли хозяев. Однако Булгар не далече — большинство выкупилось из полона, а кто не сумел — видно не судьба.

Сашка в пылу спора заявил, что скоро татары придут и всех нагнут, обратив в рабство. С ним не соглашались. В Резанском княжестве сильные князья с многочисленными войми, а городской и сельский люд еще многочисленней — ополчение если надо соберется большое.

— Надо предупредить князя! — пришла вдруг в голову шальная мысль.

— Надо, — охотно согласились с ним новые друзья.

Опустошив корчагу, приятели, пьяно шатаясь на ходу, отправилась предупреждать князя о грозящей опасности. Пока они шли по улицам, Сашка на морозе немного протрезвел, и испугался. Вся его уверенность, обретенная от выпитого вина, моментально испарилась. Друзья же, когда он пошел на попятную, отреагировали неожиданно. Один стукнул парня по голове, а Микула подхватил обмякшее тело и легко закинул на плечо. Буквально еще несколько мгновений назад эти двое еле стояли на ногах, а теперь твердым шагом понесли свою добычу, прихватив Сашкину сумку и спавшую с головы шапку. Снег поскрипывал под ногами исчезающих во мраке ночи княжеских слуг.

Кап. Кап. Кап. Голова раскалывалась от боли. Сашка открыл глаза, попытавшись подняться, но смог пошевелить только головой, отчего мозг пронзила резкая боль.

— Надо же было так вчера надраться, — подумал он с тоской, вспомнив попойку.

Мочевой пузырь настоятельно требовал опорожниться, и он вновь сделал попытку подняться. Однако вновь не смог пошевелить ни рукой, ни ногой, причем руки оказались вытянуты над головой и их что-то удерживало. Он испугался. Пахло сыростью и еще эта противная капель давила на мозги со страшной силой. Переполненный мочевой пузырь не выдержал. Сашка обмочился.

Во рту пересохло, мучила страшная жажда, а вода была так близко, что только обостряло пытку.

— Пить. Пить. Пить, — шептал он пересохшими губами до тех пор, пока не провалился в полубморочное состояние.

Сколько прошло времени, он не знал. В помещении, где его держали, царила абсолютная темнота. Вдруг, резко скрипнула отворившаяся дверь, и он успел разглядеть в тусклом свете факела человека очень мрачного вида, в кожаном фартуке покрытым бурыми пятнами. Человек неспеша прошел мимо, останавливаясь на мгновение, чтобы зажечь светильники.

В помещении сразу стало светлее. Сашка осмотрелся. Он лежал на лавке, а рядом на железной цепи, крепившейся крюком за кольцо, вмурованное в каменный сводчатый потолок, высоко висел человек подвешенный за ребра. Бедняга не подавал признаков жизни. Под ногами на грубо сколоченном табурете лежало нечто похожее на щипцы.

Заплечных дел мастер из стоявшей у стены бочки зачерпнул ведром воды и плеснул на Сашку. Ни слова не говоря, он продел железный крюк под веревку, стягивающую Сашкины запястья.

Противный и от того пугающий, скрип деревянного блока и на тянувшаяся веревка, приподнявшая Сашку с лежака, заставили парня запаниковать. Пыточный мастер ловким движением освободил ему ноги, и тело взлетело ввысь, повиснув под потолочной балкой.

— Ты что козел делаешь? — закричал он в ужасе. — Отпусти меня!

Мужик довольно хрюкнул и, также молча, взял кнут и несколько раз, с оттягом, полоснул кожаной плетью по Сашкиной спине. Вспышка боли раскаленной стрелой пронзила мозг, растекаясь по всему телу. Огненные языки обожгли нежную кожу. Бушующее пламя, все сильней разгораясь после каждого удара, исторгало нечеловеческие вопли из Сашкиной глотки.

Мучитель оставался равнодушен к крикам, иногда останавливаясь, чтобы плеснуть холодной водой на жертву и, вновь принимался за дело. Сашка уже не мог кричать, а только хрипел, конвульсивно вздрагивая после каждого удара. Потом просто повис, уже не реагируя на плеть.

Наконец, пытка закончилась. Ледяная, вода, выплеснутая в лицо, привела парня в чувство. Он мутным взглядом смотрел на лужу крови под ногами, страстно желая вновь провалиться в спасительное небытие, но с каждым новым ушатом воды жизнь возвращалась к нему, а вместе с ней острая, пронзительная боль терзавшая тело.

Резанский епископ Ефросин, сухопарый грек с орлиным носом, черной окладистой бородой и мягкими, лучившимися добротой глазами, терпеливо ждал, когда пленник откроет глаза, надеясь, что у того сохранилась способность мыслить. Михалко, верный пес епископа, иногда перебарщивал. Жертвы, бывало, теряли разум.

— Как твое имя? — спросил епископ мягким, убаюкивающим голосом.

— А..н..р, — едва внятно прошептал Сашка.

— Не слышу!

Резкий окрик мучителя заставил парня содрогнуться всем телом.

— Пить... — еле слышно прошептали потрескавшиеся губы.

— Напой его, — велел епископ.

Михалко поднес деревянную чашу к Сашкиным губам и тут же одернул.

— Пусть пьет вдоволь, — разрешил епископ.

Сашка напился, чувствуя безмерную благодарность к обладателю этого чудного голоса.

— Как тебя зовут, и чьих ты будешь? — все так же мягко вопрошал Ефросин.

— Александр, — ответил парень, которому нечего было скрывать, а доброта и милосердие, сквозившие в этом спасительном для него голосе, вселяла надежду.

— Откуда ты? — по-отечески мягко спросил епископ.

Сашка пытался сфокусировать взгляд, продираясь сквозь кровавую пелену, застилавшую глаза. Он хотел посмотреть на этого доброго человека. Хотел сказать ему, что ни в чем не виноват.

Плеть вновь обожгла спину. Сашка от неожиданности протяжно закричал.

— Вот видишь, тебе лучше все нам рассказать, — продолжал увещать голос.

— Я все скажу, — сквозь рыдания сказал Сашка и взмолился. — Только не бейте!

— Слабоват оказался — впервые за все время сказал разочарованный заплечных дел мастер.

— Я спасу тебя, — пообещал голос. — Но, чтобы ты раз и навсегда запомнил, что тебя ожидало — взгляни сюда.

Грубым толчком парня повернули. Недалеко от него, подвешенный за потолочную балку, висел еще один несчастный. Вернее, то, что от него осталось. Сашка полными ужаса глазами смотрел на вывернутые ребра, на рваную кожу клочьями свисавшую с ног и груди, на отрезанный нос и лишённые плоти костяшки пальцев.

— Достаточно, — велел голос, и Сашку вновь повернули.

Он сразу стал отвечать на вопросы, даже не думая заперяться. Единственное, о чем он умолчал — что он чужой в этом времени. Его считали лазутчиком татар — ну и пусть считают. Жалко только, что пришлось втянуть в это дело Людмилу. Местная спецслужба оказалась в курсе появления в далеком селище непонятных незнакомцев. Как пить дать местный поп настучал. Приезжал он как-то раз, все выпрашивал, да вынюхивал. Сашке он тогда сразу не понравился, мало того, что гречанин, так еще и скользкий такой, мирских удовольствий не чуравшийся.

Разобравшись с личностью подозреваемого, резанский епископ, плавно перешел к другому вопросу. Его интересовало, знает ли Александр человека, висевшего на цепи. Для лучшего узнавания тому плеснули водой в лицо и приподняли голову. Сашка понял, что несчастный еще жив.

— Первый раз вижу, — хорошо рассмотрев незнакомца, сказал он.

— А вот это тебе знакомо? — служба, старательно записывающий ответы, по сигналу священнослужителя положил на стол пистолет Макарова и сотовый телефон, той же модели, какой пользовался Сашка в прежней жизни.

— Я не знаю, что это такое, — соврал Сашка, лихорадочно думая, как выкрутиться из этой передраги.

— А это тебе знакомо? — из сумы на стол выложили пистолы и другие его вещи.

— Да, — не стал он отпираться.

Допрос продолжился. Один из служек тщательно записывал вопросы и ответы. Парень врал и изворачивался. Запутался в показаниях и был снова нещадно бит. Наконец, его оставили в покое, выбив признание в колдовстве и работе на татар.

— Я полагаю, — веско сказал резанский епископ Ефросин, — приспешника дьявола надо сжечь, очистив огнем его заблудшую душу. Это все, что мы можем сделать для спасения его грешной души.

— А может он прав, и татары действительно придут к нам? — озабочено спросил резанский князь, молча присутствовавший на допросе.

— Это дело не наше, — ответствовал епископ. — Если придут, то за грехи князей земли русской.

— Истинно. Грешны мы, — согласился Юрий Игоревич. — Но все же я велю подновить тарасы и углубить ров.

После их ухода, заплечных дел мастер снял парня с блока. Затащил обмякшее тело в клетку, швырнув на земляной пол. От продирающего, до самых костей, холода Сашка пришел в сознание. Он осмотрелся. Его закрыли внутри деревянной клетки, с наваленной в углу соломой. Стуча зубами, он еле добрался до нее, зарывшись, как мог. Теплее не стало. Его мучитель ушел, погасив факелы в бочке с водой, оставив только один небольшой светильник.

Через какое-то время дверь вновь скрипнула, мерцающий огонек свечи на мгновение высветил бородатое лицо. Сашка испуганно забился в угол, а человек зажег факел на стене и стал осматриваться. Вначале он подошел к подвешенному на цепь бедняге, приподняв ему голову за волосы, посветив себе снятым со стены факелом. Потом, направился к клетке, спросив:

— Александр, ты живой?

Сашка узнал голос Степана.

— Живой еще, — стуча зубами, ответил он.

— Погодь немного, — Степан отошел в сторону, уступая место своему товарищу, стоявшему за его спиной.

Человек стал возиться с замком и быстро открыл его. Степан вытащил парня из клетки, шепнув подельнику:

— Про одежду-то мы забыли.

Кузнец кивнул и принялся шерстить по углам. Вскоре он нашел то, что искал.

Вдвоем они быстро одели парня.

— Позови Козьму, — почти закончив одевать парня, велел Степан кузнецу.

Тот ушел и вернулся с широкоплечим мужиком в нагольном тулупе.

— Давай прощаться, что ли? — сказал мужик.

— Может с нами? — предложил Степан.

— Куда мне... — Козьма протянул левую руку. — Длань сохнет. Да и кашель замучил. Потому и приставили меня сторожить пленников. Скоро князь, как тебе выдаст гривну и выставит со двора.

— Ну как знаешь, — вздохнул Степан.

— Куда поедешь-то? — участливо спросил Козьма.

— В Чернигов сначала, а там куда бог велит, — ответил Степан.

— Не довезешь, — тяжело вздохнув, стражник кивнул в сторону Александра. — Ишь как горит.

— Может и не довезу, — согласился Степан.

— Зачем он тебе? Токмо рисковал зря. Не жилец он. — осуждающе заметил товарищ.

— Он мне ногу новую подарил, — фыркнул Степан, не желая говорить правду.

— Ну, с богом, — старый друг Степана нервничал. — Токмо свяжите меня крепче, и синяк под глазом поставьте.

— Это можно, — улыбнулся Степан.

Лавр размахнулся и от души вдарил сторожу. Козьма отлетел к стенке, свалившись на пол. Кузнец связал стражника его же поясом, но меч забирать не стал. Просто откинул подальше.

— Вещи мои заберите, — слабым голосом попросил Сашка, указывая на стол.

Лавр сложил все в сумку, лежавшую тут же. Бросив мимолетный взгляд на истерзанного мужика, покачал головой. Достал нож и милосердно всадил его в самое сердце. Несчастный дернулся и затих.

Крадучись вдоль стены, Степан с кузнецом волокли Сашку, стараясь не шуметь. У ворот их ждали. Еще один товарищ Степана выпустил беглецов со двора через узкую калитку, дав себя связать. Выбравшись наружу, они пошли проулками, не решаясь выходить на главную улицу. Большой не отштукатуренный Успенский собор оставался по левую руку. Церковь Бориса и Глеба хорошо видная при свете луны была отличным ориентиром. Сразу за храмом, приятели свернули к старому кладбищу, и дальше пробирались, бредя среди укрытых снегом могильных плит и покосившихся крестов.

Так, соблюдая осторожность, они вышли к воротам на южной стороне города, где Степан остановился, напряженно вслушиваясь в ночные звуки. Воротная башня охранялась двумя лениво переговаривавшимися стражами, гревшимися у костра. Степан терпеливо дождался, когда один из них юркнул в башню, чтобы позвать сменщиков, а второй отвернулся, отойдя от костра, чтобы справить малую нужду. Шел шестой час ночи.

Беглецы осторожно перешли улицу, свернув в ближайший проулок. Собаки во дворе всполошились, загавкали. Степан, опасаясь, что шум привлечет внимание сторожи, перешел на бег. Лавр тяжело дышал, но тащил Сашку на плече и чуть-чуть приотстал.

— Давай шустрее, — обернувшись к нему, прошипел Степан.

Кузнец остановился, чтобы перекинуть Сашку на другое плечо и, тяжело ступая, поспешил за Лавром.

Не доходя до Борисоглебских ворот, Степан, шедший первым, остановился, прижавшись к забору. Долго осматривался по сторонам. Собачий лай поутих, оставшись вдалеке. Как назло, ярко светила луна. Впереди лежал пустырь, отделявший крепостную стену от усадеб и, хорошо просматривавшийся со стороны ворот. Убедившись, что ворота никем не охраняются, Степан, утопая по колено в снегу, побрел к стене. Лавр, тяжело дыша, согнувшись под тяжестью ноши, поспешил за ним. По ведомым только ему приметам Степан нашел тайный лаз в стене. Был он очень узок, и человек, даже скинув тулуп, с трудом мог протиснуться сквозь него. Первым полез Степан. Затем, кузнец протолкнул Сашку, а Степан с другой стороны помог вытащить парня.

Оказавшись за стеной, мужики перекрестились, облегченно вздохнув, и начали спускаться с крутого обрыва.

У подножья горы в хаотичном порядке разбросаны дворы ремесленников, а чуть поодаль, соседствуя с полуземлянками бедноты, стояло подворье одного из резанских бояр. Степан уверенно шел к реке, обходя стороной богатые дома, где могли быть собаки.

Выйдя на реку в условленном месте, они сели в поджидавшие их сани и понеслись по льду вверх по реке.

В вознице Сашка опознал сына Дмитра, чему очень удивился. Местятка откровенно недолюбливал приبلудных, как он их называл за глаза. Но гадать, что двигало парнем, у Сашки уже не было сил. Вскоре он провалился в полуобморочное состояние.

Очнулся уже в деревянном рубленном доме, лежа на широкой дубовой лавке стоявшей у самой стены. Потолок в доме, как таковой, отсутствовал, вместо него, источая приятный аромат, плотными рядами свисали веники. Рядом со столом, весело потрескивая, горела лучина.

— Очнулся! — радостно заверещала сидящая рядом Рада.

К нему сразу подошла Людмила, положила ладонь на лоб.

— Температуры нет, — удовлетворенно заметила она. — Выкарабкался.

— Где мы? — первым делом поинтересовался Сашка.

— Я и сама не знаю, — призналась девушка. — В глуши какой-то.

— Мы у тятиного побратима гостим, — моментально подсказала словоохотливая Рада.

Молодой, крепкий организм быстро шел на поправку. Сашка уже на следующий день пробовал присаживаться, а через пару дней попробовал вставать, а еще через день ему разрешили ходить.

Степан, как парень очнулся, удовлетворил его любопытство. Один хороший человек предупредил Степана, что князь послал людей за ним и его спутниками. Ему повезло, что он с наступлением первого часа ночи увел девушек с собой навестить старого друга. Ветеран сидел дома, а его сын Василий служил князю. Вот парень и примчался с дурной вестью, что князь с епископом послали людей, да не отроков, а самых лучших гридней. Вышата сразу отослал сына обратно на княжеское подворье, осторожно вызнать причину такой чести, а сам отправился на то самое подворье, где искали Степана. По дороге он встретил Местятку, которого по счастью узнал, так как давно не видел парня. Местятка выглядел растерянным, шел, куда глаза глядят. Вышата привел его к себе во двор, и там парень поведал им, что княжьи слуги перерыли весь двор, ища виновных. В чем обвиняли Степана — никто не знал, но слух пошел гулять моментально. Якобы тать пытавшийся убить князя, показал на Степана, как на своего товарища. Местятка незаметно ускользнул с подворья и брел куда глаза глядят. Он испугался, что его призовут к ответу вместе с дядькой.

Как стемнело, к концу первого часа, прискакал Василий с новостями. Ночью, говорят, поймали татарского лазутчика, а в град он приехал со Степаном, которого стали подозревать, что снюхался он с погаными.

— Бред какой-то, — фыркнул Сашка.

Дальше события разворачивались следующим образом — на вечерней площади выкрикнули о награде за поимку преступников. В городе оставаться стало опасно. Василий сообщил, что пойманный вор содержится в пыточной избе на старом княжеском дворе, отданном епископу. Сторожем там определили друга Степана. Вышата отправился к нему и договорился о побеге. Остальное, как говорится, дело техники. Вышата вывез девушек за город, велел им ждать в условленном месте в условленное время.

— И что теперь? — выслушав рассказ Степана, спросил Сашка.

— Думал в Чернигов податься, — мрачно сообщил Степан. — Но Василий сказал, что князь подался в Киев...

— Зачем в Чернигов? — спросил Сашка и закашлялся.

— Пока не поправишься никуда не пойдём, — предупредил Степан, игнорируя вопрос. — А там видно будет.

Глава 4. Осада Киева Михаилом Черниговским

Великий князь Черниговский Михаил Всеволодович в свои шестьдесят выглядел очень молодо для своих лет. Седина на висках, да редкие морщины на лбу — вот, пожалуй, и все что выдавало в нем долгожителя. Внук польского короля Казимира, зять покойного влиятельного Галицкого князя Романа Мстиславовича, через сестру состоящий в родстве с владимирским великим князем, родственник через своего предка Владимира Мономаха и его жены английской принцессы Гиты Уэссекской с рязанским князем Ингварем Игоревичем, он единственный, из всех князей русских, обладал правом на киевский стол. Не все князья уважали его право на старшинство, но то их проблемы. Бог рассудит, а время покажет.

Он с глубокой печалью на челе смотрел на желанный, и теперь, такой далекий Киев. Самый главный город на Руси, за обладание которым так долго спорили Ольговичи с Мономашевичами. Поначалу все так удачно складывалось — Великий Киевский князь Владимир Рюрикович, ставленник владимирского князя, отправил под командованием своего зятя князя Белзского, на помощь Даниилу Волынскому, приходившемуся Александру Белзскому двоюродным братом часть своего двора. Князь Александр давно спорил с братом за Волынь, но энергичный Даниил смог отстоять свое княжение. Недавно братья помирились и вместе пошли возвращать Даниилу Галич, где сидел королевич Андраш или Андрей по-нашему. Даниила поддерживали пригороды, но сами вечники Галича, оставаясь в меньшинстве, решительно стояли за королевича. Они тайком заключили союз с князем Александром, и тот наивно веря посулам отступил от брата. Но неожиданно для всех королевич умирает, и Галич отдался под руку Даниила. Александр как узнал про это — пустился в бега. Искал спасения у тестя — киевского князя, но был пойман. Владимир Рюрикович отправил сына в Галич, пытаясь вызволить зятя из заточения и восстановить пошатнувшийся союз с Даниилом, понимая, что может потерять Киев. Юрий Владимирский далеко, а вечники Киева все решительней проявляют недовольство своим князем. Князь киевский подозревал, что за пока еще глухим ропотом вечников стоят происки бывшего союзника — черниговского князя, но поделаться с этим ничего не мог. Собственных сил у киевского князя мало, а старшая дружина не надежна, так как традиционно преследует свои корыстные цели. Самый главный вопрос, обсуждавшийся на переговорах — помощь, которую может оказать князь Даниил киевскому князю. А свободой зятя, князя Белзского, можно пожертвовать. Пускай посидит в порубе, ему полезно.

Князь Даниил, воспользовался моментом, аки хищник вцепился в подвернувшийся случай наложить лапу на казну киевского князя и усилить свое влияние на него. Князь совершил неслыханное на Руси дело — послал своих верных видных дружинников Мирослава, Глеба Зеремеевича и иные бояры многи в Киев. Те смогли удержать вечников от выступления против своего князя, а главное, запустив руку в княжью казну, смогли нанять многочисленных соглядатаев следить за киевлянами, что бы они не впустили в град войска черниговского князя.

— Что велишь, князь? — задал вопрос Федор, любимый боярин князя.

Что бы князь не затевал, что бы не решил про себя, он обязан явить свой замысел боярам и получить их поддержку. За спиной Федора стояли суровые закаленные в боях

воины, прошедшие огонь, воду и медные трубы. Но даже они понимали, что против Галицкого войска им не сладить. Даниил нашел общий язык с вечниками Галича и Вече поддержало своего князя в его просьбе помочь киевскому князю. Бояре Галича соблазнились большими выплатами, обещанными князем, а простой люд обрадовался возможностью пограбить. В итоге, как сообщил соглядатай, а сторожи, разосланные по округе, подтвердили — галичане собрали большое войско, по численности превосходящее войско черниговского князя.

Черниговцы не раз скрещивали мечи и ломали копья с галичанами и по опыту знали, что бойцы те добрые. А тут еще из града киевский князь может ударить в спину. Усиленный галицкими боярами, вполне может поднять вечников и тогда дела у Черниговцев станут совсем плохи.

— Что посоветуете, бояре? — дипломатично спросил князь, заранее зная ответ.

Он старался скрыть разочарование и, только крепко сжатые кулаки выдавали его волнение.

Бояре молча обменялись взглядами, поняв друг друга без слов, видно, они уже приняли совместное решение и только соблюдали принятые правила имитируя видимость совета с князем.

— Надо уходить, — негромко сказал Федор, с прищуром глядя на князя.

— Уходить...когда Киев почти мой... — задумчиво повторил князь, и резко вспылал. — Думаешь, мне это нравится? Думаешь, мне нравится уходить, когда победа так близка?

— Даниил хитер, — напомнил боярин Варфоломей Кормиличич — Ну как пойдет на наши земли?

Князь Михаил кивнул, соглашаясь со своим внебрачным сыном.

— И вдруг с Даниилом идет Ярослав? Что тогда? — предположил боярин Жаден, чем вызвал вспышку ярости у князя.

— Убирайся! — рявкнул великий князь Черниговский. — Ненавижу!

Боярин усмехнулся в бороду.

— Мне чего? Могу и отъехать, не велика беда... — дерзко заявил он. — Велишь с галичанами ратиться — исполню не раздумывая, живота не пожалею, но с гриднями Ярослава, ты, уж прости, князь, я в поле встречаться не хочу. Дорого мне встанет ваша катора.

— Чтоб он сдох! Ненавижу, — озлобленно рявкнул Михаил.

Бояре согласно закивали головами. В Чернигове отчаянного брата Владимирского князя не любили.

— Я бы на месте Даниила к Чернигову двинул, — смело высказался Максим Лукинич, самый молодой и энергичный из бояр. А про Ярослава — пустое это все. Владимирский

— Тогда, — князь сделал паузу, бросив прощальный взгляд на манивший его город. — Снимаемся и уходим.

Дружинники, уже знавшие последние новости, обрадовались такому решению. Пускай добыча не велика — малость пограбили в окрестностях Киева, зато сражаться не пришлось. И дома многих из них ждут семьи. А если князь Даниил нападет на Черниговское княжество, то лучше им быть дома, чтобы встретить его на своей земле.

Войско зашевелилось, собираясь в дорогу. Снимали шатры, укладывали провизию. Брони и оружие сложили в сани, чтобы идти налегке. Две конные сотни прикрывали отход княжеского войска, готовые в любой момент отразить атаку. Да полусотня пещцов осталась

в кольчугах, на всякий случай. В случае чего, крепко встанут они стеной, сдерживая врага, а конные сотни ударят противнику во фланги.

— Давай, боярин Федор, другую половину, — потребовал дерзкий боярин.

— Как урядились, — согласно кивнул Федор, отсчитывая гривны. — Держи.

— Чудно это... — произнес Жаден, пряча серебро. — Я ведь правду сказал. Ей богу, не хочу встречаться с гриднями Ярослава...

— Отчего? — боярин искоса посмотрел на него. — Ты же служил ему...

— Потому и не хочу. Звери они лютые... — честно признался Жаден.

— Ты и сам такой, — усмехнулся Федор.

— Так, то я... — согласился боярин. — А люди мои, что волчата перед матерым волком. Князь Ярослав собрал лучших мечников... Служить ему выгодно.

— А что ты тогда отъехал от князя, раз выгодно?

— Не твое дело, — злобно ответил боярин.

— Значит, опять отъезжаешь? — спросил Федор.

Жаден презрительно усмехнулся.

— Я в своем праве, — ответил он.

— И куда поедешь? — добродушно спросил боярин Федор. — Сейчас многие разбегутся от князя.

— Князей на Руси много, — пожал плечами боярин. — Добрый меч лишним не будет.

Когда ближний боярин черниговского князя ушел, Жаден подозвал верного человека и зашептал на ухо:

— Скажи к князю Даниилу. Скажи боярин велел кланяться. Скажешь бояре черниговского князя ратиться не желают и многие готовы отъехать.

Со смотровой площадки тридцатиметровой башни, на сборы черниговцев мрачно взирал сам киевский князь. По случаю был он облачен в воинские доспехи, на перевези висел старый добрый меч князя. Алое шитое золотом и подбитое мехом княжеское корзно и золоченый шлем с медвежьей личиной делали его приметной целью для черниговских лучников, но никто даже не думал стрелять в князя. Рядом с князем стояли два его ближних боярина и галицкий боярин Глеб Зеремеевич.

— Уходят, паскудники. Ей, уходят с награбленным, — кипя негодованием, прорычал Владимир Рюрикович.

— Дозволь, княже, ударить, — сказал один из его бояр, поворачиваясь лицом к князю.

— Мы их сомнем, — с воодушевлением поддержал товарища другой.

— Отлично сказано, Ивар Юрьевич, — раздался за их спиной хриплый голос.

Это произошло настолько неожиданно, что даже Глеб Зеремеевич слегка вздрогнул, а бояре князя чуть не подпрыгнули. Они обернулись, бросая злобные взгляды на стоявшего на последней ступеньке лестницы дружинника. Мирослав в отличии от бояр не был вооружен, но под суконным кафтаном он всегда носил кольчугу франкской работы тонкого плетения. Говорят, что взял он ее в поединке с одним франком, считавшимся до встречи с вольнянином непобедимым бойцом. Князь поморщился недовольно. Он сильно недолюбливал этого дружинника. Если галицкий боярин Глеб Зеремеевич происходил из знатного галицкого рода, то Мирослав был из худородных волынян, душой и телом преданный князю Даниилу.

— Смять можно то, что сминается, а этих — не сомнешь, — с издевкой сказал

Мирослав. — Возьмут тебя в копыта и мечами порубят...

— А я смерти не боюсь, — ответ Ивора Юрьевича содержал открытый вызов.

— Ну и дурак, — хмуро буркнул Мирослав.

Не далее, как позавчера, послухи, нанятые им на княжеское серебро, сообщили о сговоре киевских щитников, намеревавшихся ночью впустить в город черниговцев. Зачинщиков удалось нейтрализовать. Взяли по-тихому, отправив за ними четырех дворян во главе с детским. Мирослав подстраховался, дал им в помощь трех мечников из своей сотни. Они эмитировали ограбление с убийством, вырезав спящие семьи. Киевляне как узнали про убийство — потребовали от князя найти убийц. Больше всех орали щитники. Пришлось предъявить им виновников. На их роль определили неких шестников, которым Мирослав посулил серебра и кров в Галиче. Те взяли на себя вину, но были убиты еще до суда при попытке к бегству.

— А вдруг это ловушка? — задумчиво произнес Глеб Зеремеевич, которому его князь настрого запретил губить людей, ограничиваясь простой поддержкой киевского союзника, просто фактом своего присутствия в Киеве.

Владимир отвернулся, что бы никто не увидел, как ненависть скривила лицо князя. Он киевский князь, а должен подчиняться худородному мечнику! Более того, задабривать его и других бояр Даниила. Глеб Зеремеевич получил от князя коня в подарок, ткани дорогие и серебра не мало. Тот же Мирослав одарен был щедрою рукою.

— Не надо ссориться, — миролюбиво предложил князь. — Подождем прихода воев Даниила.

По случаю снятия осады и ухода черниговцев восвояси, киевский князь проставился народу — поил медами и брагой, кормил за свой счет. Дружинники пировали в княжеском тереме, куда пригласили также князя Даниила и его бояр и ближних людей, которые в массе своей происходили из худородных. Владимир Рюрикович старался задобрить своих бояр из старшей дружины, а также заручиться поддержкой земских бояр и именитых людей.

Казна княжеская на глазах опустела. Мало того, что пришлось кормить и поить три сотни галичан, так теперь еще по договору с князем Даниилом надо было снабдить продовольствием остальное его войско и выплатить князю приличную сумму. Даниил потребовал по 4 гривны на человека в боярских полках и по 5 гривен своим дружинникам. Сыну киевского князя пришлось согласиться на условия Даниила и отцу ничего не оставалось делать, как утвердить их.

Князь притворно улыбался, одаривая на пиру галичан из сотни Глеба Зеремеевича и других земских бояр. Злость на себя, на свою скупость, распирала нутро князя. Не хотел тратиться на свою дружину — теперь швыряет серебро наемникам. Он специально задабривал галичан, обойдя богатством подарков двор Даниила. Но не забывал он и своих бояр — одаривал щедро. Младшая дружина тоже не была обделена вниманием — князь одарился на славу.

— Слава нашему князю! — в пьяном угаре кричали отроки.

Старшая дружина превознесла здравницы не менее усердно, но бояре уже знали о задумке князя и дали свое добро княжескому начинанию. Оставалось возбудить алчность у галичан и уговорить Даниила присоединиться к походу.

— Я заплатил тебе, — уже который раз укорял Даниила Галицкого киевский князь.

Князь Даниил с аппетитом поедая жаренное мясо, запивая дорогим вином из княжеских

погребов. Он для себя давно решил, что примет участие в походе на Чернигов, но пока не соглашался, набивая цену.

— А я помог тебе удержать княжение, — возразил Даниил с усмешкой на губах.

— Мы легко разобьем черниговцев, — продолжил увещать галицкого князя овручский князь.

Даниил искоса посмотрел на сына киевского князя. Ростислав княжил в Овруче, родовом владении своего отца и деда и к своим двадцати трем годам превратился в рослого, сильного воина, но был горяч и склонен к необдуманным поступкам. Даниилу нравился овручский князь за бесшабашность и удаль.

— Моим слугам что со мной по три доли, тем, что остались в Галиче — по доле. Лично мне — два табуна коней, — наконец озвучил условия Даниил.

— Побойся бога, — возмутился киевский князь. — За что доли-то платить тем, кто в Галиче?

— Галичанам по доле на человека, а боярам галицким — по две, — игнорируя вопли князя, продолжал выставлять условия Даниил.

— Согласен, — молодой овручский князь бесцеремонно вмешался в торг князей.

Отец бросил на сына грозный, полный недовольства взгляд, и Ростислав сразу стушевался, опасаясь отцовского гнева.

— С этим я согласен, — размеренно произнес Владимир Рюрикович. — Но долю получают только те, кто пойдет воевать Чернигов.

Видя, как скривился рот недовольного Даниила, киевский князь упрямо сказал:

— Своим слугам в Галиче сам плати.

— Хорошо, — на удивление быстро согласился Галицкий князь.

Владимир Рюрикович сразу заподозрил подвох и оказался прав в своих подозрениях.

— Кони все должны быть боевые, — уточнил Даниил.

— Один табун — боевые кони, а другой — выючные, — быстро отреагировал киевский князь.

— Хорошо, — опять легко согласился Даниил.

Киевский князь обрадовался уступке. Как-никак сэкономил триста гривен.

Князья еще долго спорили, Даниил выжал из киевского князя, помимо серебра, еще много разного товара. Ему очень нужны средства, что бы наладить добрые отношения с галичанам и маленькая победоносная война с черниговским князем уже принесла не плохие плоды. Не обнажив мечи, не пустив ни одной стрелы галичане обогатились за счет союзника. Даниил понимал, что при случае взятия Чернигова они обогатятся еще больше и авторитет князя после победы станет неоспорим. Это важно. Старшая дружина недолюбливает князя, хотевшего править самовластно, без оглядки на бояр. Даже пытались сжечь князя, но были своевременно схвачены. Даниил их помиловал. Акт милосердия принес свои плоды. Тот же Глеб Зеремеевич в благодарность встал на сторону князя и служил верно. Победа на Михаилом Черниговским и богатства, взятые в его стольном граде, сделают бояр еще лояльнее.

Глава 5. Чернигов

— Вот он Чернигов, — перекрестившись, сказал Степан, указывая на виднеющийся вдали огромный город.

Сашка заворожено смотрел на отливающие золотом купала многочисленных церквей и храмов. На каменные стены Черниговского детинца, стоявшего на высоком холме, на мысу при слиянии рек, откуда хорошо должно быть просматривались окрестности.

Беглецы наконец-то добрались до места назначения. Они отправились в путь, не дожидаясь, когда Сашка окрепнет. Тому были причины. Из Резани прикатил на санях Козьма. Больного дружинника, после побега Сашки, князь прогнал со двора, даже не выдав серебра на прожитье на первое время. Князь был очень зол. Учинил розыск ища виновных в побеге. Крайним сделали естественно Козьму. Хорошо хоть с миром отпустили, а могли и в поруб посадить. Козьма жил один, баба у него умерла зим пять назад, а сыновей прибрал бог во младенчестве. Осталась одна дочка, да и та жила в Чернигове, выйдя замуж за одного из княжеских слуг. Полюбился он ей с первого взгляда, но согласие на брак дочка долго не давала. Почитай лишь с третьего раза уступила настойчивым просьбам. Венчал молодых сам епископ Порфирий в главном храме стольного града. На свадьбе присутствовал сам князь и тысяцкий и еще много именитого народа. Жених, не смотря на молодость, уже десятник, находится на хорошем счету у князя.

Молодые на свадьбу получили поистине княжеский подарок — подворье на предградье, сани, телегу, три коровы и две лошади. Про ткани на платье молодой и говорить нечего — дарили самые лучшие.

К ним и собрался переехать на постоянное житье списанный подчистую ветеран. По пути заехал поделиться новостями к старому другу и неожиданно нашел там беглецов, которых объявили в розыск.

Пришлось Степану велеть собираться в дорогу. Шила в мешке не утаишь. Скоро прознают в Резани и нагрянут княжеские отроки по их души. Не поднимать же меч на бывших товарищей. Степан решил уехать. Была еще одна причина побыстрее отправиться в дорогу. Сена у товарища рассчитано только-только, чтобы прокормить своих лошадок, а тут еще две коняки прибыло.

Никакой видимой границы между княжеством не существовало, да и сами волости часто переходили из рук в руки. Просто Козьма сказал, что теперь опасаться не стоит — они уже на черниговской земле. Все селения, через которые держали путь беглецы, трудно назвать городами — скорее обнесенные деревянными стенами, а то и просто деревянным забором маленькие крепости. Но люди жили богато. Даже удивительно.

В селище, где беглецам пришлось заночевать, хозяин дома, еще крепкий кряжистый мужик с натруженными руками, сообщил им новость — в княжестве беда. Киевский князь идет войной.

— Так чего ты не прячешься? — удивился спокойствию мужика Сашка.

— Ну их к лешему, — беспечно махнул рукой земледелец. — Чернигов им не взять, а князь наш встретит врагов на рубежах. Постоят и разбегутся. Война — то дело княжеское, а нам землю пахать богом определено.

Действительно, от нечего делать, Сашка в дороге слушал байки, которые травил

любящий поговорить Козьма. В парне он нашел благодарного слушателя. Людмиле бы тоже не мешало послушать старого дружинника, хотя какой он старый — Козьме и сорока еще не исполнилось, но девушка предпочла ехать в санях у Степана. Зато Радка, совсем отца не слушала, как забралась к ним в сани, так и не выгонишь. Отец ругался, но Козьма вступился за девчонку:

— Пушай с нами едет. Послушает стариковские байки, и нам веселей.

И вот теперь, Сашка и Рада сидели за столом и слушали на сетования хозяина на плохую жизнь, хотя все убранство дома говорило об обратном. Бедным крестьянина можно было назвать лишь в шутку.

В город они попали с большим трудом. Воротная стража долго не пускала иноземцев, и по едкому замечанию Козьмы численность стражи была заметно увеличена. Оно и понятно, приехали непонятно кто, на купцов не похожи, без товара, оружные. А ну как засланцы киевлян? Козьма взялся устроить дело. Послал ошивавшегося за воротами пацана к дочери с весточкой. Ждать пришлось долго. Хорошо у ворот костры жгли — можно погреться. Наконец, пришла Оксинья. Отец с дочкой радостно обнялись, расцеловались.

— Ко мне батюшка приехал на постоянное житье, — заявила она начальнику стражи.

— А эти? — спросил тот, указывая на Степана с товарищами.

— Я их не знаю, — призналась Оксинья, но быстро поправилась. — Разве, что вон тот, — она указала на Степана, — похож на дядьку Степана, но дядька ноги лишился, а этот...

Молодая женщина недоуменно обернулась к отцу. Козьма поспешил вмешаться. Так оно и есть, Степан это. Хотят наняться к князю.

— Ты чего мелешь? — возмутился Степан, но быстро умолк, получив от Козьмы сильный тычок в бок.

— Есть такое желание, — смущенно сказал он, бросив сердитый взгляд на товарища.

Начальник стражи отвел их к мытнику, собирающему налоги. Козьма и Степан заплатили положенное за проход в город, за каждые сани в отдельности и за каждого человека. Мечи у Кузьмы и Степана опечатали свинцовыми пломбами и отпустили по добру по здорову. Сашка переживал, что мытник начнет шманать в санях и обнаружит его сумку, но ничего подобного тот не стал делать. Поверил на слово.

— Завтра к сотскому явитесь, он запишет вас, — на прощание предупредил начальник стражи.

Оксинья смирилась с тем, что батюшка позвал товарищей с собой в гости. Мужа дома нет, он ушел с князем.

— Кирилл теперь полусотник, — похвасталась она отцу. — В доме теперь челяди полно.

Ранг полусотника подразумевал наличие в доме как минимум пятка рабов. Сашка уже знал, что наличие и количество зависимого народа определяет социальный статус хозяина. Таковы реалии жизни и с этим не поспоришь.

Разместившись в доме, Степан послал племянника на торг послушать новости, а сам занялся лошадьми. Сашка вызвался ему помочь. Лавр отправился искать работу, авось кто возьмет подмастерьем. Девушки хлопотали на поварне, готовя обед.

— Мы на самом деле будем наниматься на службу к князю? — задал Сашка, волнуящий вопрос.

— Сомневаюсь сильно в этом, — ответил Степан после долгого молчания, когда Сашка

уже и не ждал ответа.

— И что делать будем? — от волнения парень даже остановился, поставив ведра с теплой водой на ледяной пол.

— Что делать, что делать, — пробурчал Степан, проверяя подковы у лошади. — К Болоховским князьям подадимся. Там лишних вопросов не задают. Была бы голова, да рука крепка.

— Что за князья? — Сашке стало интересно.

— Собственно князьями они сами себя кличут, — ответил Степан, пояснив. — Выбирают их на сходе.

— Казаки что ли? — удивился Сашка.

— Я таких не знаю, — мрачно отозвался Степан. — Вольный народ, — и замолчал.

Сашка еще пару раз пытался разговорить Степана, но, если тот упрется — слова не вытянешь. Закончив дела в конюшне, они пошли в дом. Степан сидел на лавке темнее тучи, хмурился и тяжело вздыхал. Тяжело быть изгоем в его возрасте. Сашка оставил мужика в покое, уйдя на улицу.

Прогулялся до торга, где в лавках шла бойкая торговля привозными товарами. Местные мастера торговали прямо из своих домов, пристраивая к ним лавки. Он ходил, глаза по сторонам, пока не замерз. Зашел в корчму, выпить горячего сбитня. Там за столом сидели Местята с Лавром. Они бражничали. Сашка подсел к ним, но пить отказался. Угощал кузнец, продавший нательную иконку.

Местята обстоятельно пересказал новости, услышанные на торгу. Город кипел. Это Сашка сам видел. Епископ Порфирий призвал тысяцкого и лучших людей Чернигова в свои покои, где они до сих пор сидят — думу думают.

Прошел день. Степан хотел продать Оксинье сани, она сулила за них десять кун, но вовремя опомнился. Местята прибежал с торга и крикнул с порога:

— Епископ набирает охочих людей добро возить!

Черниговский князь устроил в одном сельце близ града добрый двор, где было наготовлено много вина и меду в погребах, а в кладовых всякой разнообразной утвари. А также устроено гумно, на котором стояло тысяча стогов сена общей стоимостью в тысячу гривен кун или в слитках — 250 гривен серебра. Все это добро теперь предстояло вывезти в город. За наем саней платили по три резане.

Оксинья прослышав про это, отправила рабов на заработки. Беглецы так же подрядились возить сено. За светлый день они сделали десять ходок и перевезли один стог, за что получили 5 резан. За седмицу, за минусом покупки сена и продуктов, они получили за свой труд 17 кун и 1 резану. За работу им заплатили импортными монетами, разного веса и формы, так как многие из них были разрезаны на части или просто обрезаны по краям.

В городе стало не спокойно, из окрестных селений стали съезжаться свободные люди. Зависимое население в основном оставалось на месте. Цены на хлеб резко поднялись и это вызвало глухой ропот в народе. Епископ вынужден был вмешаться, пока не полыхнуло народное недовольство. Виновных призвали к ответу. Что бы не накалять обстановку тысяцкий уговорил епископа не объявлять мобилизацию. Все ограничилось кличем охотников на службу к епископу.

Степан поздно об этом узнал. Он ругал Сашку, за то, что тот проворонил попону. Когда уставший парень отошел отлить, кто-то спер попону. Обидно, что видаков не нашлось. Сашке было нечего сказать в ответ. Виноват, так виноват. В это время вошедшая, с мороза,

Оксинья, скидывая с плеч шубу обмолвилась:

— Епискуп охотников кличет.

Степан бросился к ней принимать шубу.

— Завтра сходим узнаем.

Оксинья кивнула в ответ, то ли в благодарность, что помог раздеться, то ли намекая, что погостили — и хватит. Действительно, дворы в Чернигове не большие, в избу на ночь набивалось много народу, да еще Оксинья скотину притащила в дом, что бы та не померзла.

На подворье к епископу сразу не пошли, Степан вначале покрутился на торгу, сплетни послушал. Сашка воспользовался моментом, бродил по торгу, в удивлении раззявив рот. Чего только тут не продавали! Настоящий супермаркет, с поправкой, на время, конечно.

— Это еще, что... — презрительно сплюнул Местята, когда Сашка поделился с ним своими восторгами. — Вот в Киеве... там да...

— А ты был сам-то в Киеве? — обиделся Сашка.

— Неа, — мотнул головой парень. — Степан рассказывал. Он много где был.

Сашка ничего не успел ответить, Степан, коль его вспомнили, тут же объявился, громко требуя собрать все их барахло, и погрузить в сани. Пришлось парням возвращаться назад. Они управились быстро. А их уже ждали покупатели. Степан всю нахваливал коней, Лавр даже показал специально ледовые подковы на копытах лошадей, ударив себя в грудь кулаком, похваставшись собственной работой.

— Так ты кузнец что ли? — спросил один из покупателей.

Был он среднего роста, в высокой бараньей шапке на голове. Одет в широкие меховые штаны, заправленные в зимние сапоги с подковками. Сашка четко видел следы от них на утопанном снегу. А его кожух чермничный, с глубоким запахом, застегнутый на три воздушные петли был выше всяких похвал. Состоятельный мужик, по всему видно.

Лавр замычал, утвердительно кивая головой.

— А ну покажи язык, — покупатель, что-то заподозрил.

— Он немой просто, — поспешил успокоить Степан и попросил товарища. — Покажи язык.

Лавр широко открыл рот, высунув белесый язык, достав кончиком почти до самого подбородка. Покупатель успокоился, убедившись в несостоятельности подозрений. И начался торг.

Сани они продали за 10 кун, добрая медвежья шкура которой укрывались в санях пошла за две гривны кун, а та, что похуже ушла за гривну.

Сашка не стал дожидаться, чем закончится торг — ушел посмотреть, чего народ собрался у одной из лавок. Исхудавший мужик с заостренными чертами лица и нездоровым блеском глаз рассказывал о татарах.

Народ слушал, открыв рты, затаив дыхание. Лишь изредка какая-нибудь впечатлительная баба громко всхлипывала истово крестясь:

— Спаси господи.

— Убивают они всех подряд. Никого не жалеют. Ни старого, ни малого. А все почему? — спросил он, обводя взглядом увеличившуюся в размерах толпу и сам же и ответил. — Потому, что не признали их власти, не поклонились сильному данью.

Сашка повертелся около толпы, но близко не полез. Все эти разговоры о татарах навивали некие мысли, что не спроста этот хлыщ старается нагнать жути.

— Намедни немцы заезжали, — прошептала дородная баба, рукой поправляя

украшенное маленькими бронзовыми пластинами высокое очелье жесткой шапочки. — Так тоже ужасы рассказывали. Говорили про скорый конец света.

— Дура ты, Матрена, — рядом с ней руганулся мужик, едва достававший макушкой шапки бабе до плеча.

— Может и дура, — согласилась баба, но тяжело вздохнув, убежденно сказала. — А будет конец света за грехи наши.

Сашку не сильно толкнули в спину. Парень резко обернулся, обнаружив недовольного Степана.

— Развесил уши, — набросился тот на парня, протягивая сумку с Сашкиным барахлом. — Рот раззявил...

— Так интересно же, — попробовал оправдаться Сашка. — Про татар рассказывают.

— Брехню всякую мелют, — пробурчал Степан. — Где мы, а где татары...

— Так приходили же они уже, — заспорил Сашка, напомнив. — На Калке разбили русские полки.

— Мало ли ратятся князья, — отмахнулся Степан. — В иной год по десятку раз воюют. То с немцами, то с половцами, то между собой свару учинят. Пошли давай.

И Степан зашагал в сторону ряда, где торговали порты.

На вырученное серебро Степан придел парней. Купил им по плащу. Сашка обалдел от цен. Не самый шикарный плащ, но вполне добротно сшитый стоил полгривны кун! Сашка накинул его на тулуп, застегнув застежкой на правом плече. Кстати, с ним сразу же произошло волшебное превращение. Идущие им на встречу люди, разом перестали презрительно кривиться при встрече. Видно плащ был показателем социального статуса, а то что тулуп у Сашки драный, то под плащом не видно. Сразу вспомнился Портос из любимого в детстве фильма. В соседней лавке парням выбрали по одеялу. За них отдали целых восемь кун.

На последок, Степан увел их на другой торг, где торговали бронями и оружием. Чего тут только не было! Но Степан игнорировал новые изделия. Он уверенно шел к неприметной лавке в конце улицы, где с порога поздоровался с хозяином и сразу заявил о своих потребностях.

— Сабли половецкие надобно мне посмотреть и шеломы потребны.

— Смотрите. Выбирайте, — махнул рукой, одетый в типичный для ремесленника кабат сказал хозяин лавки.

Сашка мало понимал в оружии и больше молчал, доверяя профессионализму Лавра и Степана. Они придирчиво осматривали клинки, выбраковывая один за другим. Наконец отобрали боле-менее пригодное. Железо немного покрыто ржавчиной, на клинке небольшие зазубрины. Дерьмо, а не оружие. Но по деньгам и товар. Выбирать не приходилось. За железные колпаки хозяин запросил по пятнадцать кун. Стали спорить. Долго спорили. Степан сбил цену до 24 кун за два шелома, а на остальные два продавец не хотел делать скидку, но готов был в привесок отдать два ножа. Тоже ржавых, как сабли. Степан согласился. Ударили по рукам, заплатив оговоренную цену. Тут же нашлись пояса, старые, потертые, но вполне еще годные. Даже некоторые бляшки, некогда украшавшие пояса частично сохранились.

Степан договорился с хозяином насчет точильного камня. Пока старшие беседовали за жизнь, молодежь натачивала себе сабли, предварительно содрав всю ржавчину с клинков. Дело это не быстрое, как оказалось. Но справились, сабли стали острые.

Подворье черниговского епископа стояло на территории каменного детинца, неподалеку от княжеского двора. Но туда их не пустили, сказали ждать у ворот. За охотниками пришел церковный служка и отвел их в маленькую деревянную избу, стоявшую недалеко от храма. В избе было жарко, видать недавно истопили, так как дым еще полностью не выветрился.

За столом сидел церковный служка с худым, изрезанным глубокими морщинами, истощенным болезнью лицом, наполовину скрытым редкой бородёнкой, делающей его похожим на козла. Кустистые брови скрывали маленькие глубоко посаженные, немного косившие глазки. Рядом на лавке восседал бородатый мужик в длиннополном темно-синем кафтане. Широкие штанины темно-зеленых штанов аккуратно заправлены в ярко-красные высокие сапоги, голенища которых оторочены черным мехом. Он внимательно осмотрел вновь прибывших, оценил отсутствие робости у них, оставшись доволен осмотром.

— Охотники? — уточнил он.

— Они самые, — за всех ответил Степан. — Пришли вот наниматься.

— Оружие, брони есть? — под пытливым взглядом мужика Сашка стушевался.

— Имеются, — Степан выступил вперед, вынимая на лавку сабли, ножи и плотницкий топор Лавра. Следом аккуратно положил шелома. И напоследок, как величайшую драгоценность, достал из мешка свой меч, в простых деревянных ножнах.

— Домаслав Завидович, — окликнул мужика церковный служка. — Так писать их?

— Погоди ты, Василь, — отмахнулся от служки Домослав Завидович, беря в руки меч Степана.

Остальное оружие он проигнорировал, презрительно скривившись от одного только вида. Сколько бы не чистили парни сабли и шелома, пятна ржавчины все равно остались.

— Был в дружине? — уважительно спросил он Степана, любуясь обнаженным мечом.

— Был, — не стал скрывать Степан.

— Что с ногой? — спросил Домослав Завидович бросая пыливый взгляд на Степана.

— А нету ноги, — признался тот.

— Как нет? — удивился Домослав Завидович. — А как же ты ходишь?

— Этот, как его... — Степан быстро взглянул на Сашку, ожидая подсказки.

— Протез, — быстро подсказал парень, уточнив. — Немцы делали.

— Чудны дела твои, господи, — прошептал Домослав Завидович, крестясь. — А ведь сразу и не поймешь, что нога не живая.

Степан просто пожал плечами, не желая продолжать разговор о своей увечности. Домослав Завидович продолжал стоять выжидая. Так и не дождавшись подробных пояснений, он сел на лавку, велел служке:

— Записывай.

Охотников записали в самую настающую книгу, листы которой изготовлены из бересты и разглажены под прессом. Степан предъявил выписку от сотского, которую он получил по прибытию в Чернигов. Охотникам положили оплату в гривнах кун. Степану, как самому опытному положили нормальную плату, Лавру — чуть меньше, а парням определили по пол гривне кун. Вот такая, понимаешь, несправедливость.

Домослав Завидович принял командование над набранной сотней. Он сразу распределил обязанности охотников. Ежедневно сотня тренировалась стрелять из лука и арбалета. Более того, сотник заставил охотников быстро строить стену из щитов. Сашка вначале растерялся, но глядя на других, быстро освоился. С копьем он управлялся ловко и

неожиданно для себя обнаружил, что метание короткой сулицы ему легко дается. Он метал ее мощнее всех, точнее и дальше, заслужив похвалу сотника и одобрение товарищей. С мечом он управлялся средне, но Домослав Завидович остался доволен им.

— Ты учил? — спросил он Степана, после того, как они скрестили мечи.

— Учил, да не выучил, — отозвался Степан.

— Остальное придет с опытом, — удовлетворенно кивнул сотник.

После этого Сашку вместе с Местяткой определили в отдельный десяток, который усиленно тренировался бою на мечех и саблях. Эти занятия не отменяли остальные тренировки и дежурство на стене, куда определили Сашку. Местятка попал в напарники Сашки.

— Ты не жалеешь, что ушел от отца? — однажды, во время дежурства на стене, спросил его Сашка.

Он сознательно не стал напоминать парню, что он стал изгоем по его вине.

— Нет, — мотнул головой парень, поделившись сокровенным. — Я давно хотел мир посмотреть. Хорошо бы к князю в дружину попасть...

Дальше разговор не заладился. Парни молчали, каждый думая о своем. Сашка мечтал увидеться с Людмилой, оставшейся жить в доме у Оксиньи. Девушка так ни разу не навестила его, хотя Радка, каждый день прибегала и не по разу. Носила гостинцы сладкие. Степан тоже часто отлучался, приходил поздно, сразу укладываясь спать. Вообще, он стал в последние дни очень замкнутым, отвечал на вопросы односложно. Сашка перестал лезть к нему с расспросами — надо будет, сам расскажет.

Лавр тоже куда-то пропал. Местятка шепнул, что кузнеца отправили в дозор, дав коня с конюшни епископа.

День сменяла ночь, утром к нему прибегала Рада, которую стражники беспрепятственно пускали в детинец, а привратники владычьего подворья с улыбкой встречали словами:

— Опять жениха проверять пришла? — и впуская в калитку, докладывали. — Не утек он еще...

Рада, сунув ему в руки завернутый в тряпицу леденец, быстро убежала. Сашка каждый раз пытался расспросить ее о Людмиле, но девушка только смеялась, сводя все к шутке. И лишь однажды она предрекла:

— Не люб ты ей. Бросит она тебя.

Сашка тогда рассмеялся. Радка вбила в себе в голову, что выйдет за него замуж. Вот дуреха малолетняя. Хотя по местным меркам, какая она малолетняя. У ее замужних сверстниц уже дети есть.

На смотровой площадке башни протрубил рог и Сашка, оставив девушку, бросился к месту сбора. Там уже стоял сотник, беседующий со Степаном. Следом за Сашкой примчался Местятка, с криво напыленным в спешке шеломом на голове.

— Поправь, дурень, — велел ему десятник.

— Что случилось? — поинтересовался Сашка у парня.

— А я знаю? — ответил он, поправляя шелом.

Переговорив с сотником, Степан подошел к ним, сообщив причину тревоги.

— Гонец прискакал. Князь возвращается. У самой черной могилы на него напал Мстислав Глебович с дружиной своей.

— Это который? — Сашка до сих пор путался в многочисленном выводе черниговских

князей. — Что-то не припомню такого.

— Какая тебе разница? — грубо оборвал его Степан. — Нам выпал шанс, и я намерен поймать за хвост удачу.

Охотники погрузились на сани. Лошадей укрыли белыми попонами, а люди в санях укрылись под холстиной.

Сашке велели сидеть в санях и не высовываться, вернее, лежать, так как народу в розвальни набилось много. Напавшие на черниговского князя их не сразу заметили, а когда углядели, что из града идет подмога, то не испугались, а лишь усилили натиск.

Несколько опытных гридней, отделились от основной массы нападавших, спеша к оставленным в стороне коням. В их сильных руках появились луки и стрелы запели смертоносную песнь.

Молодой парень лежавший рядом с Сашкой захрапел, засучив ногами. В этот момент раздалось полное боли конское ржание и лошадь понесла.

— Сигай, — выкрикнул кто-то, выпрыгивая из саней.

Сашка попробовал сместиться в бок, но сосед лежал неподвижно. Тогда он попробовал перелезть через него, сломав древко стрелы, вонзившейся в грудь соседа. Запутался в холстине, и возможно это спасло ему жизнь. Когда парень ножом распластал ткань и выбрался наружу, все охотники, ехавшие с ним, были уже либо мертвы, либо скулили, зажав руками раны. Их всех побили стрелами. Но среди остальных охотников нашлись те, кто прихватил с собой луки и гридни вынуждены были вступить с ними в перестрел, закончившийся для охотников вполне закономерно. Они были убиты. Но остальные смогли добраться до гридней.

Сашка проверил пистоль, спрятанный за поясом. Оружие оказалось на месте. Подхватив из саней сулицу, парень, утопая в снегу по пояс, побрел к месту схватки, взяв чуть правее. Несколько метров отделявших его от накатанной дороги, дались с трудом. В сапоги набился снег, кожух давил на плечи, утягивая вниз, но Сашка упрямо уже полз по снегу. Выбравшись на дорогу, немного постоял на коленях, собираясь с духом и решившись поднялся на ноги.

Беглого взгляда оказалось довольно, чтобы понять, кто есть, кто. Темные фигурки на снегу — это убитые охотники. Их, вдруг оказалось слишком много. Прямо перед ним с десяток товарищей атаковал гридней, защищавших коней. Гридней осталось трое, четвертый лежал на снегу, широко раскинув руки и неестественно поджав ноги. Снег у его головы окрасился в алый цвет.

Но даже втроем, гридни оставались грозными соперниками для охотников, уже потерявшими товарищей в схватке. Один из охотников лежал на снегу, зажимая руками рану на животе. Второй, совсем еще молодой парень, протяжно выл, пытаясь ладонью зажать обрубок правой руки, откуда хлестала кровь. Пока Сашка шел по дороге он затих, зато еще один свалился, упав на колени, зажимая ладонью страшную рану на лице. Гридень, смахнул кровь с клинка, рассмеялся бесшабашно. Топнув ногой, он грозно выдохнул:

— Ффу.

Охотники отступили, испугавшись. Парень залился смехом, сабля в его умелых руках выписывала восьмерки. Охотники потоптались на месте, набираясь смелости. Жадность пересилила страх. Кони, а тем более боевые, были желанной добычей. И в седельных сумках можно было найти много ценного. А больше всего ими двигало желание забрать брони с гридней и их оружие. Они решились, разом напав.

Сашка не стал ввязываться в эту схватку. Обойдя стороной, он проскочил мимо и

ошалел от увиденного. Загородив дорогу, повсюду лежали павшие лошади. Было их много. Некоторые еще пытались подняться.

— Что за бойню они тут устроили, — подумал Сашка, перелезая через мертвого коня в шею и боку которого торчало по стреле.

Он спешил к основному бою, туда, где бился Степан. Его голос хорошо был слышен в грохоте железа. Напавшие, теперь сами попали в ловушку, заняв круговую оборону. Впрочем, Сашка ошибся. Гридни легко сдерживали атаки охотников, а товарищи за их спинами давили на гридней Черниговского князя. Соперничавших князей легко вычленишь в массе сражающихся. Традиционный плащ покрытый снаружи красным шелком и расшитый золотыми и серебряными нитями. И остроконечный, покрытый позолотой шлем на голове. Тот, что напал, старался пробиться к черниговскому князю, но гридни последнего, встали стеной, жизнями платя за отсрочку. Черниговский князь все еще надеялся на подмогу, и даже помыслить не мог, что вместо профессиональных воинов из города пришлют разный сброд.

Сашка медлил, держа в левой руке сулицу, а правую прижав к груди. Вот один из охотников вскрикнул, пропустив удар гридня. Он стал валиться вперед, выронив щит и саблю из рук. Сашка махнул рукой скидывая меховую варежку, перехватил сулицу и быстро метнул ее в открывшегося гридня. Тот из-за падающего охотника не видел броска и не заметил летящее копьё, вонзившееся в лицо. Гридень упал на спину, а Степан воспользовался моментом, рванулся вперед, вонзив в незащищенный левый бок гридня, стоявшего справа от убитого. Меч Степана пробил кольца кольчуги. Гридень удивился, когда боль обожгла левый бок. Он еще смог ударить, намереваясь поразить Степана в лицо, но не смог довести удар до конца, в развороте все глубже насаживаясь на острый клинок. Степан склонил голову набок, пропуская мимо вражеский меч, и попытался выдернуть свое оружие из тела. Меч застрял между ребер.

Сашка видел, как гридень, справа от Степана, поднял руку с мечом. Он метнулся вперед, сбивая Степана с ног ударом левой руки в спину, а правую выбросил вперед, подставляя под удар саблю. Дзиньк. Клинок обломился. Но меч гридня уже опустился в пустоту. Сашка набросился на него, ударив головой в лицо. Кто-то из гридней пришел на помощь товарищу, кольнув Сашку в лицо. Но клинок, только разрезал щеку. Сашка уронил своего противника на снег, мутузя кулаками. Тут бы ему и пришел конец, но в брешь в строе гридней новгород-северского князя ворвался Лавр, размахивая своим топором, и отогнал гридней от Сашки.

Степан поднялся, ругаясь почему зря, с усилием, помогая себе ногой, выдернул из трупа свой меч. И снова бросился в бой.

Не смотря кажущийся успех охотников, дела у черниговского князя обстояли не важно. Он уже сменил, погибшего гридня, но только защищался, экономя силы. Все-таки возраст. Или это был тонкий расчет. Охотники, погибая, смогли нанести урон двоюродному братцу, давно уже вышедшему из подчинения князя. Князь знал, что убивать его не станут. Цель брата ясна — ятить князя и заставить заключить договор на выгодных для себя условиях.

Сашка перестал бить гридня, когда тот перестал трепыхаться. Тяжело поднявшись, парень осмотрелся. Повсюду валялись убитые и раненные. Он помотал головой, фокусируя взгляд на золоченом шлеме. В глазах двоилось. Он проморгался. Ничего подобного. Шлемов осталось два, причем один резко метнулся в сторону.

— А князей то двое, — догадался он, потянувшись к лежащей на снегу сулице.

Он успел ее поднять, но позади раздалось конское ржание. Всадник на коне, налетел на

Сашку, еле успевшего отскочить в сторону. Но вместо того, чтобы рубануть по голове, всадник просто пнул ногой Сашку, попав носком сапога в резанную рану. Боль вновь обожгла лицо, и именно поэтому Сашка не потерял сознание. Он был вынужден отпрыгнуть, чтобы не быть сбитыми лошадьми, которые всадник вел на поводу.

— Уходим, княже! — выкрикнул он, поднимая коня на дыбы.

Остальные лошади, обученные для боя, кусались, лягались и быстро разогнали охотников.

Мстислав Глебович, отважно бившейся против брата, услышав призыв, отступил назад, уступая место своему гридню. Он опытным взглядом оценил обстановку. Он потерял слишком много людей, и потеряет еще больше, если станет упорствовать в своем желании пленить брата. Он думал не долго. На одной чаше весов, была жизнь его гридней, а на другой — мечта о княжении в Чернигове. Он сделал выбор.

— Уходим, — крикнул он, сев на коня.

Гридни быстро отступили к лошадям. Им позволили это сделать. Черниговский князь жестом остановил своих людей, а охотники отпрянули назад, страшась биться с всадниками.

И только Сашка, безрассудно атаковал. И не кого-нибудь, а самого Мстислава Глебовича. Он бросился к князю, потянув за полу плаща. Князь вынужденно свесился с седла. Сашка левой рукой перехватился, вцепившись в перевязь меча. Гридень ударил сплеча по Сашкиной спине. Парень разжал кулак, выпуская плащ из рук. Князь выпрямился, но перевязь вместе с мечом, осталась в Сашкиной руке, и шелом слетел с головы князя. Степан в это время бросился на гридня. Лавр атаковал другого.

Князь еще раз обернулся, посмотрев на брата, а потом перевел взгляд на Сашку, стараясь получше запомнить его.

— Еще увидимся, брат! — крикнул Мстислав, понужая коня.

Сашка, оставшийся жив, выдернул из снега сулицу, метнув ее в спину последнего гридня. Тот упал на шею лошади и через несколько метров свалился с коня. Умный конь сразу остановился.

— А вот это лишнее, — бросил ему упрек один из гридней Михаила Всеволодовича.

Сам князь просто смотрел, как его брат убегает. И в его голубых глазах, была такая невообразимая боль, что Сашке стало страшно, за его душевное состояние.

Гридни оказывали помощь раненым, в том числе и гридням северского князя. Охотники принялись собирать трофеи. Сашка, продолжая сжимать в руке перевязь с мечом, поднял шелом. Посмотрев на трофеи, он протянул их князю.

— Оставь себе, — князь улыбнулся Сашке.

Парню даже показалось, что тот даже подмигнул ему.

Охотники тем временем поймали коня. Между ними разгорелся спор кому достанется ценный трофей. Князь недовольно рыкнул, один из его гридней подошел к охотникам, забрав коня. Те недовольно заворчали. Но быстро смолкли, когда гридень положил ладонь на рукоять меча. Усмирив охотников, он подвел коня к Сашке, отдав поводья.

— Держи, — просто сказал он. — Князь честь оказывает.

Степан же наложил лапу на бронь и оружие убитого Сашкой гридня, а Лавр начал стягивать бронь с убитого им гридня. Одновременно, они отпугивали охотников, пытавшихся поживиться с убитых не ими воинов.

Странно, но гридни совершенно наплевательски отнеслись к трофеям, позволив охотникам все забрать. Погрузив раненных на сани, они быстро уехали, предварительно

потребовав у Сашки коня для князя. Парень пожал плечами и отдал поводья.

Парень, глядя на удаляющегося князя, зашелся истерическим смехом.

— Ты чего смеешься, — спросил подошедший Местятка.

— Как мы в город попадем? — сквозь смех еле выговорил Сашка. — Коней-то нет!

Местятка закрутил головой и тоже зашелся в истерическом смехе. Так они и стояли на краю заснеженного поля, в окружении трупов и мародерствующих охотников.

Наблюдатели на башне углядели скачущую к граду кавалькаду слишком поздно.

— Ох и влетит нам, — сказал безусый парень своему товарищу, потянувшись за рогом, оставленном им в углу.

— Зря ты, Даньша, сманил меня в кости играть, — тяжело вздохнул упрекнул напарник.

— Ты, Людьслав, сам первый предложил, — моментально вскипел Даньша.

— Нет, ты, — напарник вскочил с чурбака, на котором сидел, набросившись на Даньшу.

— Ах ты драться! — вскричал тот и запустил рогом в Людьслава.

Напарник увернулся, рог пролетел мимо его головы, ударившись о бортик, подпрыгнул и полетел вниз с двадцатиметровой высоты. Парни этого не заметили, увлеченно лупя друг друга.

После драки, где победителем вышел Даньша, парни спохватились. Стали искать рог, но тот как в воду канул.

— Ну все, — горько вздохнув, подвел итог бесплодным поискам Даньша.

— Ага, — шмыгнув разбитым носом, согласился с ним Людьслав.

Всадники быстро доскакали до ворот. Спешились, полные решимости, забарабанили в обитые бронзовыми листами дубовые ворота.

— Чего надо, — крикнули с надвратной башни.

Одоспешенный воин, в котором легко было узнать предводителя, задрал голову и крикнул.

— Я воевода Мстислава Глебовича Дрочила Прокопьевич.

— И давно у Мстислава воевода появился? — с издевкой выкрикнул тот же голос.

Стражник убеленный сединами моментально дал затрещину, своему молодому товарищу, сбив шлем до самого носа.

— Ты чего, Уйка, — обиделся Крив.

— Мало того, что кривой, так еще бог ума не дал, — набросился на племянника дядька.

— А что я такого сказал? — захныкал парень.

— Наградил бог дурнем, — проворчал стражник, осторожно выглядывая, чтобы получше рассмотреть гридней. — Добро хоть силушкой не обидел.

— Отворяй ворота! — продолжал кричать Дрочила.

— За какие такие пироги? — выкрикнул в ответ Уйка.

— Князь ваш едет! — крикнул Дрочила, — Встречать будете?

Гридни на это ответили громким хохотом.

— Говори толком, чего надо? — крикнул Уйка.

— Отворяй ворота! — вновь крикнул, начавший терять терпение Дрочила.

— Сейчас, разбежался, — заворчал Уйка.

Стражник повернулся к племяннику, сказав:

— Беги к епискупу. Кажи Уйка послал. Он знает. Кажи гридни северского князя пожаловали. Про князя чего-то непонятное мелют.

Парень рванулся к лестнице, но был перехвачен крепкой жилистой рукой.

— Все понял? — требовательно спросил дядька. — Не перепутаешь?

— П-п-п-о-о-нял, — от волнения парень стал заикаться.

Такое случалось с ним, когда на него кричали.

В каменной трапезной владычьего подворья епископ Порфирий собрал лучших людей Чернигова. Сам епископ сидел на резном табурете, в которой раз выслушивая путанный рассказ гридня.

— Мы как пришла весть, что галицкий князь идет к Киеву, сразу же ушли на рубежи. Встали там. Думали галичане не пойдут на нас, воротятся назад, а мы снова к Киеву приступим. Да видно уговорил киевский князь князя галицкого. Смешно пошли на нас войной. Да обошли стороной, отрезав нам дорогу. Ну, князь тогда решил, пробираться в град лесами с малым числом. Да у черной могилы на нас напал Мстислав Глебович.

— Точно это был Мстислав Глебович? — спросил епископ.

— Его стяг сам видел, — поморщившись от боли в плече, ответил раненный стрелой гридень.

— Где сейчас галичане с киевлянами? — вмешался тысяцкий.

— То не ведаю.

— А дружина, дружина княжеская где? — нервно заорал тысяцкий.

— Откуда я знаю, — заершился гридень.

— А если с князем случилась беда? В полон попал, или, не дай бог, убит? — продолжать нагнетать обстановку тысяцкий. — И что тогда? Звать на княжение Мстислава Глебовича?

Епископ поморщился. Встал, подошел к окну. Сквозь мутные зеленоватые стекла, вставленные в раму, попытался рассмотреть, что там делается во дворе.

— Али кого иного? — не унимался тысяцкий. — Народ на Вече надо собирать, пока остальные князья не проведали.

— Резанского князя боишься? — обернувшись, спросил епископ.

— Опасаюсь я, — округлив глаза, горячо зашептал тысяцкий. — Киевский и Суздальские князья, как стервятники набросятся на Черниговскую сторону, начнут рвать аки волки землю нашу.

— А ну как правда северский князь напал на Михаила Всеволодовича? — епископ бросил на тысяцкого испытывающий взгляд.

— Брешет он все, — горячо заявил тысяцкий, подразумевая раненного гридня.

— Какой смысл ему брехать? — молвил епископ, сверля взглядом тысяцкого.

В этот момент, распахнув широко двери, ворвался доверенный человек епископа. Его взволнованный вид говорил сам за себя — что-то случилось.

Сердце Порфирия заледенело. Неужели князь убит? Он не сильно надеялся на охотников, но послать больше некого. Тысяцкий с боярами уговорили епископа не мобилизовывать воев, пока не выяснится все. Отрывать людей от мирной жизни — потом себе дороже выйдет. Епископ интуитивно чувствовал, что тут дело не чисто.

— Владыко, там воевода князя за воротами стоит. С ним гридни, все бронные, — сообщил доверенный человек.

— Ну так пускайте его. Чего ждете? — резко ответил епископ.

— Так это... — замялся служка. — Воевода-то Мстислава Глебовича. Говорит князь к нам едет...

— Как удачно все складывается! — обрадовался тысяцкий.

Епископ бросил на него полный подозрений взгляд.

— Владыко, надо встречать князя, — горячо обратился к епископу тысяцкий. — А я вече соберу...

— погоди ты, — властным жестом остановил боярина владыка Порфирий.

Боярин намеревавшийся уже уйти, резко остановился.

— Воеводой у князя Мстислава все Дрочило? — спросил епископ служку.

— Истину так, — ответил тот.

— Дрочилу ко мне приведешь, а гридней его в окольном городе разместишь, — велел епископ.

— А ты, Захария, — обратился к тысяцкому Порфирий, — Пошли детских с мечниками — пусть покараулят гридней.

Воевода князя Мстислава оправдывал свое прозвище — Дягиль. Был Дрочила Прокопьевич высок, силен, и сухощав. А еще умен к тому же. Он не стал юлить — прямо сказал, что его князь пошел войной на брата и требует себе стола Черниговского.

— Этого нам еще не хватало, — пробурчал епископ.

Ситуация выглядела запутанной. Теперь владыке стало совершенно ясно, что тысяцкий с земскими боярами спутались с Мстиславом Глебовичем. Но что стало с великим князем?

— Пока не явишь князя или его тело — не о чем говорить, — сказал, как отрезал епископ

Воевода покинул детинец в сопровождении двух княжеских отроков, приглядывавшим за хоромами в отсутствии князя.

— Князь вернулся! Князь вернулся! — вдруг по улице разнеслась радостная весть.

Народ черниговский ликовал, простые люди любили своего князя.

Воевода не стал искушать судьбу, дал шенкеля коню и вырвался вперед, оставляя за собой растерявшихся отроков. Он влетел во двор, где его ожидали гридни. Там же находился тысяцкий со своими людьми. Детских Захарий не стал отправлять стеречь гридней, заменил их на своих людей.

— Бежать надо! — не слезая с коня крикнул воевода. — Князь вернулся в Чернигов!

— Как же так... — растерялся боярин. — Мстислав же мне обещал...

— Бежать тебе надо, — крикнул Дрочила Прокопьевич на прощание и ускакал.

За ним поспешили гридни.

— Эх, — в расстройстве Захарий ударил шапкой оземь. — Бежать так бежать.

Глава 6. Осада Чернигова

На опушке леса в самом центре разбитого с вечера лагеря стоял большой шатер киевского князя, на правах старшего принимавшего братьев — князей галицкого Даниила и Северского Мстислава. Дружины союзных князей под Черниговом захватили большую добычу. Одного только меду захватили две сотни берковцов, да полсотни корчаг вина. И это только начало. Князя послали отбирать скот и коней, жечь дворы и гумна Михаила.

Стол, за которым сидели князя ломился от яств. Они пили превосходное вино, захваченное в княжеских и боярских кладовых. Стоялый мед тек по усам довольных князей.

— А скажи мне, брат, — Даниил Галицкий обратился к Мстиславу с каверзным вопросом. — Неужели ты пошел бы на убийство Михаила? Ведь он отец тебе, ты как-никак крест целовал.

— Я готов назвать тебя отцом, если ты мне поможешь занять стол, принадлежащий мне по праву, — игнорируя вопрос, ответил Мстислав.

Киевскому князю такой ответ не понравился. Он недовольно скривился. Как-никак, а именно он киевский князь, значит самый старший в роду Рюриковичей.

— Это меняет дело, — просто ответил Даниил. — Что ты хочешь?

— Черниговского стала, — выпалил Мстислав.

— Я это понял. Что еще? — с усмешкой произнес Даниил.

Князя начали торг, каждый из них преследовал свои меркантильные цели. Киевскому князю достаточно было сохранения статус кво, разве что хотел получить одну уз волостей новгородских. Его вполне устраивало, что галицкий князь защищал его от набегов половцев, но смещение со стола Черниговского князя в его планы не входило.

Даниил же строил далеко идущие планы. Посадить Мстислава на стол в Чернигове выгодно. Северский князь, сидя в Чернигове, получит возможность осуществлять контроль за торговлей по Десне. Наличие, подошедшего сегодня к вечеру полка из Северной земли, говорило о многом. Община санкционировала войну, ее торговые интересы считалась первостепенными.

— Завтра, — подвел итог переговорам галицкий князь.

Рано утром он увел свою младшую дружину в поход. Города Сновск, Сосница и Хоробор отворили ворота перед северским князем, поддержанным галицким князем. Мстислав Глебович посадил там своих посадников. Повоевав землю, галичане ушли, а Мстислав задержался в Сновске, утрясая дела с общиной. Князь был доволен. Он вынудил общину принять его в качестве князя — это многого стоило. Теперь он был уверен, что местные бояре не станут открыто выступать против него, а с интригами справятся его башковитые посадники. Их кандидатуры одобрены всем миром. Это было одним из условий помощи северской общины.

В корчме в этот вечер было не протолкнуться. Все столы заняты. Народ бражничал. В самом дальнем углу, под лестницей, ведущей на второй этаж, сидела шумная компания молодых людей. От выпитого, парням стало жарко, они поскидывали кожухи и кафтаны, оставаясь в одних длиннополых рубахах.

— За здоровье князя! — Сашка, порядком податый, провозгласил очередную

здравницу.

Второй день он отмечал честь, оказанную ему князем. Буквально за день, по счастливой случайности, он сказочно разбогател. Ему достались брони, оружие, конь под седлом, а главное — золоченый шелом и меч северского князя. Лишние кольчуги он отдал Местятке и Лавру. Тем брони не достались, им выплатили их долю кунами. Они сколько могли возместили ему стоимость кольчуг, но уплаченных сумм было явно недостаточно. В сумке, притороченной к седлу, Сашка нашел горсть монет и целых две серебряных гривны. Да еще князь, забравший пленника и коня, вспомнил про парня. Коня вернули, а за гридня Мстислава князь заплатил целых три гривны кун.

Местятка тоже прибарахлился, ему из трофеев досталась сабля, нож, сапоги, и шапка. Еще темно-синий шерстяной плащ и пояс, украшенный медными бляхами. Лук с налучем он выменял у Лавра. Кузнец все свои остальные трофеи продал, оставив только пояс, да хороший шелом. С Сашкой, пока еще трезвые, они сходили на улицу к оружейникам, выбрали там ему подходящий боевой топор, да пару ножей. Потом долго искали для Сашки подходящий самострел. Еле нашли. Все, что не предлагали им — были очень громоздки и неудобны, а Сашке нужен маленький и дальнобойный, и что бы заряжать удобно было.

Они второй день отмечали успех, в пьяном угаре забыв про все. Степан в первый день посидел с ними немного и быстро покинул их, сославшись на дела. Знаем мы эти дела. Местятка видел, как Степан на торгу выбирал платок. Завел, наверное, себе кралю. С протезом вместо ноги, Степан выглядел орлом-молодцом, никто и не скажет, что калека.

Лавр уже клевал носом в тарелке с квашенной капустой, а Местятка лез обниматься с Костяжко.

С этим парнем они свели близкое знакомство в тот самый день, когда выручали князя. Князь не забыл про охотников, прислал за ними сани. А может, седла с павших коней не хотел оставлять на пожизну охотникам. Кое-кто хотел прибрать оставшееся бесхозным добро и слинять по-тихому. Костяжко, сын черниговского мечника, рано потерявший отца, смело встал на защиту княжьего добра. Князю потом об этом доложили, и парень получил достойную награду.

— Еще по одной? — предложил Сашка парням, разливая брагу по большим, глубоким деревянным плошкам из которых обычно пили в корчмах.

— А давай! — Местятка, сильно качнувшись, но удержав равновесие, потянулся к бране.

Бумс!!! Здание, только что прочно стоявшее на земле, зашаталось и стало разваливаться. Верхние венцы обрушались, давя людей. Лестница над столом затрещала. Сверху летели щепки, обломки досок. Сашка выскочил из-за стола. Местятка, на что пьяный, а сиганул через стол к выходу, уворачиваясь от летящих обломков. Костяжко на карачках полз к дальней стене, там через прорубленную в стене дверь, можно было уйти в хозяйственную пристройку, а через узкий коридор за ней, выскочить во двор. Сашка схватил за шиворот Лавра и потащил бесчувственное тело к выходу. Выбравшись наружу, бросил Лавра на снег, а сам побежал обратно. В корчме оставались люди. Сруб устоял, полностью разрушен был второй этаж, куда провалилась крыша. Перекрытия между этажами частично разрушились и сквозь проломы вниз упала черепица, которой состоятельный хозяин покрыл крышу. Внутри было нечем дышать. Видно стены второго этажа были отштукатурены. Большие и маленькие куски штукатурки со следами росписи валялась на полу, скрипя под ногами.

За соседним с ними столом, уткнувшись лицом в столешницу, лежал человек, из спины которого торчал обломок доски, рядом с ним, на полу лежал еще один горожанин, с

разбитой головой. Он стонал, шевеля руками, пытаясь подняться, но не мог. Ноги придавила упавшая балка. Сашка попытался приподнять ее, но не смог даже сдвинуть с места. Чьи-то руки обхватили балку, и вдвоем они ее чуть-чуть приподняли. Еще один мужик пришел им на помощь и дело пошло. Раненный смог отползти. Его подхватили на руки, подняли и потащили на улицу.

Сашка вытаскивал пострадавших, когда какой-то парень громко закричал:

— Опять летит! Берегись!

Все задрали головы в небо, и кто пошустрей и сообразительней, бросились в рассыпную. Огромный камень падал с небес. Вернее, он казался маленькой точкой, но разнес соседнюю избу, расшвыряв бревна. Если там были люди, то все погибли, так как неслышно было даже криков о помощи.

— Бежим на стену, — сказал Местятка, протягивая Сашке его кафтан и кожу.

— А Лавр? — забеспокоился Сашка.

— А что ему будет? — заскалил Местятка. — Вон он храпит.

Действительно, кузнец продолжал спать, так и не проснувшись. Кто-то из парней оттащил кузнеца к забору, уложив на рогожу и накрыв кожухом. Под голову кузнеца заботливо положили шапку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Черниговское вече — это не шутка. Шумное, многоголосое. По древнему обычаю, от дедов заведенному, народ собирался концами, выставляя впереди себя самых именитых людей. Именно они определяли настрой толпы. В этот раз, боярам даже не пришлось засылать в толпу многочисленных крикунов — народ и так был недоволен своим князем.

Черниговский князь, в окружении любимых дружинников, гордо стоял на высоком помосте, поставленном у входа в храм, невозмутимо выслушивая горькие упреки в свой адрес. Рядом с ним, тоже со свитой облаченной в черные одеяния, чуть сторбившись стоял черниговский владыка. Епископ молился, прося господу, образумить народ и не допустить волнений.

Княжеские уособицы для черниговцев не в диковинку, сами активно в них участвовали. Но рисковать животами народ совсем не желал. Людская толпа яростно бурлила, князь наметанным взглядом вычленял островки, где крикуны заводили людей. Народ и так был зол, но крикуны направляли недовольство в нужное русло. Со всех концов кричали примерно одинаковое:

— Князь, где твоя дружина?

— Почто не оборонишь нас?

Но среди этого многоголосья отчетливо слышны были и другие настроения.

— Кто мне возместит убытки?

— Дом разломали. Жинку убили!

— Амбар разнесло в щепки!

— Микулу зашибло! Кто семью кормить будет? — издалека верещала полногрудая баба, в настежь распахнутой шубе.

Женки вечников по обычаю собирались в сторонке, смотря и слушая издали, но горло драть они горазды, то все знают.

Князь внимательно слушал, примечал все оттенки недовольных выкриков. Думал. Соображал. Не мешал народу спустить пар. Загодя он отправил отроков послушать народ, углядеть тех, кто раздувал недовольство.

Епископ попытался призвать людей к порядку, да куда там... Народ стал шуметь пуще прежнего. То один, то другой, ораторы взбирались на высокий помост, пытаясь донести свою правду до людских ушей.

Князь только усмеялся в седую бороду. Князь Даниил все правильно рассчитал.

Враги устроили "ворох", с которого пороки бросали тяжелые камни. Один такой, разрушивший корчму, привезли на княжеское подворье. Вчетвером еле подняли сей камень. Для каменных стен детинца пороки не страшны, да и для слома деревянных укреплений града они бесполезны. Разве что башни разметать...но то дело не быстрое. Но Даниил измыслил пакость — камни стали метать через стену. Черниговцам такие методы войны оказались не по нраву. В итоге собрали Вече.

Тем временем на помост взобрался дородный корчемник, пострадавший от обстрела.

— Я Игнат Моисеев сын, — представился он. — Все вы меня знаете.

— Знаем. Знаем, — дружно ответила толпа криками, но что-то в интонациях не понравилось князю.

Он наострил уши. Слишком уж активно и дружно кричала толпа, словно кто-то дирижировал ей. Знать бы кто?

— Я уже много лет держу корчму, — продолжал тем временем корчемник. — И никогда не обманывал честной народ.

Тут кто-то рассмеялся, но на него недовольно зашикали окружающие и весельчак, стушевавшись, быстро растворился в толпе.

— Ежели, кому и попадало от меня, — пробасил корчемник, — то уж не гневайтесь. Порядок есть порядок — он низко поклонился народу.

— Знаем твою руку! — закричали в толпе, вызвав всеобщий хохот.

Князь улыбнулся. Он помнил Игната еще славным воем. Когда еще был молод, полон сил и был безрассудно смел. В одной небольшой усобице, Игнат сильно пострадал. Половецкая сабля смахнула пальцы на левой руке, а стрела насквозь пронзила стегно. Гридень чудом остался жив. Князь отсыпал серебра увечному и отпустил с миром. Игнат решил открыть корчму и, община дала на то согласие. Деньги у него водились. Отец оставил серебра довольно, да сам Игнат скопил сколько мог. Дело его процветало.

— И вот теперь я нищ, как церковная мышь, — неожиданно заявил он.

Князь покосился на епископа. Порфирий только лишь усмеялся недобро.

— Жили у меня купцы иноземные, — стал плакаться корчемник. — С разных земель.

— Ты дело говори, — выкрикнули из толпы.

— Вот я и говорю, жили у меня купцы, а теперь съехали! — сказал он, ударив шапкой оземь. — Нету у меня корчмы более. Нету, — и по бабьи запричитал, кулаком вытирая слезу, — Как жить? По миру пустили... сиротинушку...

Князь усмеялся. Насколько он знал, у сиротинушки серебра накоплено — с десятков заведений можно открыть и еще останется.

— Не молчи, княже, — обратился к Михаилу встревоженный епископ.

— Пусть говорят, — безразлично ответил князь.

— Так ведь договорятся до того, что не люб ты им, — предупредил Порфирий.

— Бог милостив, владыка. — смиренно ответил князь.

Вече еще долго шумело. Страсти накалялись с каждым выступающим. Князь сохранял спокойствие, зато его гридни волновались, чувствуя развязку. Они уже просчитывали в уме, как и куда будут уводить князя, если дело дойдет до потасовки. С черниговцев станется —

могут и прогнать князя.

И тут энергично расталкивая толпившийся у помоста народ, объявился ухарь-молодец в длиннополом волчьем тулупе с надвинутой на самые брови бобровой шапке. Михаил Всеволодович посторонился, пропуская его, а тот с ходу скинул с плеч тулуп, низко поклонившись народу.

В глазах черниговского князя мелькнуло узнавание, а молодец уже обращался к народу:

— Низкий поклон всему честному народу черниговскому, — молодец отвесил поясной поклон, искоса бросив мимолетный взгляд на черниговского князя, полный юношеского озорства.

— Мстислав Глебович, — изумленно ахнула толпа.

— Да, это я, — подтвердил он, выпрямляясь во весь рост.

— Князь Мстислав, — обрадовано кричали в толпе и вскоре весь народ подхватил это клич, скандируя. — Князь Мстислав! Князь Мстислав! Князь Мстислав!

Кроткое доселе лицо черниговского князя покраснелось, а потухшие глаза загорели блеском решимости и гнева.

Северский князь поднял руку, призывая к тишине.

— Вели ятить, — потребовали гридни у черниговского князя.

Епископ с беспокойством наблюдавший за князем, поспешил вмешаться:

— Нет!

Князь гордо вскинул голову, устремив грозный взгляд на владыку, но тот смело выдержал его, победив гнев кротостью.

Михаил Всеволодович сердито развернулся, решительно сойдя вниз. Толпа, молча, расступилась, пропуская разгневанного князя...

Сашку, дежурившего на стене, наконец-то сменили. Парень весь горел нетерпением узнать, что решило Вече, но стражник попался неразговорчивый. Сколько Сашка ни спрашивал — тот отмалчивался. Тогда парень решил сбегать в корчму, там все новости как на духу вызнаться можно. И оказался прав. Костяжко, после веча, заглянул в корчму пропустить чарку другую. Народу в корчме — не протолкнуться. Все громко обсуждают решения, принятые на Вече.

— Ну, что решили? — нетерпеливо спросил Сашка, протискиваясь на лавку, рядом с Костяжкой.

— Князю две седмицы дадено, чтобы отвадить врага от града, — возбужденно ответил черниговец.

— Ежели не оборонит — призовем иного князя, — подтвердил сидящий напротив ремесленник.

— Это как? — опешил Сашка.

Вроде бы Чернигов не Новгород, и не в обычае тут искать себе князей...

Зря он это сказал. Люди отреагировали на его невольную реплику бурно. Кричали, стучали кулаком по столу, в горячке не слушая друг друга. Сашка слушал — мотал на ус.

Народ сам не понимал, как так вышло, что горячо любимому князю они отказали в любви. Более того, возлюбили Северского князя, всенародно пообещавшего любить черниговцев, и обещавшего искать заступничества перед князем галицким и киевлянами.

— Этот-то как тут оказался? — изумился Сашка.

— Тайно проник в град, — понизив голос до шепота, сообщил Костяжко, и бросив

быстрый взгляд на соседей, зашептал на ухо. — Есть в граде люди кому мил северский князь...

— Как же так? — испугался Сашка. — А ежели ворота ему откроют?

— Не откроют, — помотал головой Костяжко. — А вот пригласить на княжение могут вполне. Да ты сам слышал, что люди говорят. Князю срок дали...

Людская любовь капризна, еще вчера любимый князь попал в немилость у народа. Дело обычное, в общем-то. Но каков молодец Мстислав Глебович! Все продумал и просчитал. Северский полк в грабежах пригорода не был замечен, со стороны северян не прилетело ни одной стрелы, сам князь, не побоялся явиться на Вече, выступив защитником перед черниговцами. А ведь, и впрямь, договориться с галицким князем, чтобы обстрел города прекратить и через две недели черниговцы сами отворят ворота, призвав себе нового князя. Каков хитрец!

А в это время в дальнем углу корчмы состоялась встреча торгового человека со своим поверенным. Жадко Мануйлович, рано располневший, и оттого страдавший отдышкой вел торговые дела в Чернигове вместо своего умершего отца — киевского купца, переехавшего в Киев из Кракова. Жадко перебрался в Чернигов выгодно женившись на дочке торгового партнера. Черниговский купец вскоре умер, оставив налаженное дело зятю. Торговля шла успешно, тем более при сохранившихся связях с Киевом и Краковом. А тесть вел торговлю с Константинополем, что открывало перед Жадко необычайные возможности. Но большую часть богатства Жадко скопил, пуская гривны в рост. И когда в Чернигове объявились папские посланники — Жадко случайно встретился с ними. В результате они заключили соглашение, выгодное для всех. Жадко пообещали льготы в торговле с Константинополем, а взамен попросили оказать некие услуги, но не сейчас, а в будущем. Он согласился.

Папских посланников, после встречи с черниговским князем, бросили в поруб и, долго держали там. Об этом весь Чернигов говорил. Князь не делал тайны: встретил послов торжественно, в присутствии духовенства и бояр многих. Послы предложили князю перейти в католическую веру, взамен от имени Папы пообещав королевскую корону, что возвысило бы Черниговского князя над всеми князьями Руси. Михаил Всеволодович с гневом отверг предложение, демонстративно разорвав пергамент, растоптав папскую печать красным, шитым золотом сапожком. Посланников Папы Римского бросили в поруб. И с тех пор начались у князя неприятности.

Кто-то помог посланникам бежать из поруба, зарезав сторожа. Как потом стало известно, они бежали к суздальцам, откуда с честью их отпустили. Жадко постарался получить максимум выгоды, организовав побег посланников. Они клятвенно заверили спасителя, что при новом князе брат Жадко, выбравший служение богу в одной из киевских церквей, станет епископом в Чернигове. Вот тогда Жадко развернется, запустив руку в церковную десятину.

И вот по первопутку, явился в Чернигов купец из Константинополя. Привез грамотку с наказами, что нужно сделать. К ним прилагался внушительный кошель полный золота. Что было совсем кстати, так как расходы убытки предстояли не малые.

— Они кричали, что велено, — докладывал поверенный в делах своему хозяину.

Касьян был из местных, задолжавших Жадко большую сумму. Теперь вынужден был отрабатывать долг и не всегда честным способом. Высокий, вихрастый парень поначалу тяготился подобной службой, но постепенно смирился с неизбежным. Такая служба всяко лучше обельного холопства, куда он мог загреметь вместе с женой и маленькими детьми.

— Все кричали? — с подозрением спросил Жадко, поглаживая чисто выбритый подбородок.

— Разве что Семьон не охотно выкрикивал, — немного подумав, сообщил тот.

— Попомню я Семьону, — злобно прошипел Ждан. — Ты присмотри за ним. Как бы не побег к князю с повинной. Если потянут за ниточку — весь клубок распутают.

— Так может... того... — Касьян сделал соответствующий жест.

— А три гривны кун иста ты мне вернешь? — недовольно сказал Жадко, непроизвольно повысив голос.

На них стали оглядываться. Ждан замолчал, сверля гневным взглядом притихшего Касьяна.

— Подослать к нему верного человечка, — предложил поверенный. — Есть у меня такой на примете. Сам дурной, а память хорошая.

— Будет Семьон с дурнеем говорить... — презрительно скривился Жадко.

— С дурнеем — нет, — согласился Касьян. — А вот при нем...

— Если что визнаешь про Семьюна, то тогда... — недоговорил Жадко.

— Дело-то опасное. К вирнику попасть — мало не покажется, — наклонившись вперед, к самому лицу Жадко прошептал Касьян.

— В первый раз, что ли? — также шепотом ответил Жадко.

— Лихву ты мне полностью спишешь, и всю сумму иста простишь, — поставил условие Касьян.

— Так дело не пойдет, — возмутился Жадко.

— Ну как знаешь, — обдав луковым запахом, угрожающе молвил Касьян. — Я могу и повиниться...

— Хорошо, хорошо, — поспешил согласиться, испугавшийся Жадко.

— Тот-то же, — удовлетворенно сказал Касьян, садясь обратно на лавку.

Когда он ушел, Жадко Мануйлович повернулся в пол оборота к зашевелившейся куче в углу. Из-под брошенной на пол шубы выбрался худой половец, бывший у Жадко в холопах уже несколько лет.

— Все слышал? — спросил Жадко холопа.

— Все сделаю, господин, — сказал понятливый Гзак.

— Только смотри, — предупредил Жадко, — что бы никто ничего не заподозрил.

— Я убью его на валу...

— Вот-вот... — обрадовался Жадко. — Стрелу возьми киевскую, что бы подумали на киевлян. Но что бы тебя никто не видел.

— Само собой, господин, — уверил половец хозяина. — А что с Семьюном?

— Спали его к чертовой матери, — зло прошипел Жадко. — Бог с ними, с кунами.

Половец согласно кивнул.

С наступлением темноты в детинце начался переполох. Княжеские бояре, бегали по двору в бронях, оружные, проверяя экипировку собравшихся гридней. Сашка как раз вернулся из дома Оксиньи, куда он заглянул повидать Людмилу. Та опять встретила его не ласково, решительно отстраняясь от Сашкиных объятий. Он не мог понять, что с ней происходит. Торчит каждый день в храме, молится беспрестанно.

Во дворе, куда ни глянь — повсюду раскидана щепка. Сашка недолго покрутился, глазами выискивая приятеля, с которым успел ранее познакомиться, но среди бронных

княжеских отроков и гридней того не узнать. В подворье епископа та же канитель. Складированы вязанки хвороста, плетень за избой в которой жили охотники, весь разломали. Жерди порубили, связав в толстые охапки. Повсюду валялись щепки, как будто недавно здесь кололи дрова.

— Где ты ходишь? — с ходу налетел на него Местятка.

— У Людмилы был, — коротко ответил Сашка.

— Собирайся быстрее, — торопливо проговорил Местятка, поправляя съехавший набекрень шелом.

— Что? Куда? — недовольно пробурчал Сашка.

— Епискуп охотников кликнул — просветил парня подошедший Костяжко, уже полностью готовый к бою. — Князь на вылазку нас поведет. Будем жечь пороки.

— Я быстро, — обрадовался Сашка и уже набегу сообразил остановившись. — Кто на стене нынче стоит?

— Мирошкина очередь, — ответил Костяжко. — А что?

— С кем он? — спросил Сашка.

— Сам собою, — сказал черниговец.

— Веревку можешь найти? — спросил Сашка и уточнил. — Длинную.

— Зачем тебе? — удивился Костяжко. — Ты, давай лучше быстрее собирайся.

— Потом расскажу, — пообещал Сашка. — Так найдешь?

— Где я ее возьму? — растерялся черниговец.

— А зачем тебе веревка? — спросил Местятка, справившись с шеломом.

— Долго объяснять, — отмахнулся Сашка. — А веревку спросите у Василя. Скажите я просил. И это пусть сам придет еще.

Церковный служка, писавший их в охотники, свел короткое знакомство с Сашкой на почве грамотейства. Сашка упросил Василя научить его грамоте. Писарь обрадовался ученику, тем более Сашка тайком играл с ним в шахматы, что церковникам делать категорически воспрещалось, и изредка поил писца хмельным медом. Водился такой грех за писцом.

Пока Сашка облачался в бронь, парни выполнили его просьбу. Привели Василя, но без веревки. Сашка тем временем растолкал спящего Мирошку, и отведя приятелей в сторонку изложил суть дела. Удивительно, но друзья согласились и даже Мирошка не стал возражать, признав старшинство Сашки.

— Ну и голова ты, Александр Борисович, — уважительно сказал он.

Сашка обрадовался, возгордился. Впервые за все время его назвали по имени отчеству. А то все Сашка да Сашка...

— Ну, бог нам в помощь, друже, — сказал он, расправив плечи и гордо задрал подбородок.

Черниговский князь за время сиденья в осаде осунулся, в бороде и на висках прибавилось седых волос, под глазами образовались темные мешки.

— Переживает, князь, — подумал Сашка, глядя на разом состарившегося князя.

Михаил Всеволодович собрал всех своих гридней и вооружил отроков, к ним присоединились охотники на службе епископа. Едва набралась большая сотня. С такими силами атаковать лагерь вольнян с галичанами — сущее самоубийство. Хорошо хоть коней князь выделил для охотников. Сашке было жалко потерять своего коня — слишком он уж дорог, да и пригодиться еще.

— Сладили бы свои пороки, да и разметали бы ворох галицкий, — недовольно пробурчал он, когда они выехали из детинца.

— Не тебе указывать, — резко осадил молодого Степан. — Не твоего ума дело.

— Как же не моего, — совсем тихо пробурчал Сашка. — Раньше надо было вылазку сделать...

Но Степан услышал.

— Сказано — умолкни, — прикрикнул он.

Сашка замолчал. У ворот их ждали. Видно остались в городе люди верные князю. Все они собрались по его зову. Были тут земские бояре, торговые люди и состоятельные ремесленники. Но все равно, их было слишком мало, чтобы рассчитывать на успех. Две с половиной сотни шли на смерть за своим князем. Их лица при свете горевших у ворот костров, касались сосредоточенными и, какими-то одухотворенными, что ли.

Князь Михаил Всеволодович решительно направил коня в створ открытых ворот, за ним под княжеским стягом последовали его немногочисленный двор и оставшиеся верными горожане. Еще с вечера, как стало понятно, что ятить Мстислава Глебовича, так смело объявившегося на вече, не получилось, тот как сквозь землю провалился, князь понял, что пора пришла действовать. Любимый боярин Федор был послан в Резань с просьбой о помощи. Родственники в Резани, как рассчитывал князь, должны помочь. На счет бескорыстия резанского князя, умудренный опытом черниговский князь не строил иллюзий. Резанцы воспользуются сварой в черниговской земле, чтобы оттяпать волость другую. Пускай.

Сейчас главное сжечь пороки, что бы Мстислав Глебович не смог выступить заступником Чернигова перед галицким князем. Иначе, с черниговцев станется — позовут себе на стол нового князя, что им более люб. Если все получится, приспешники Мстислава поутихнут — князь боронит город.

Князь разделил отряд на две части. Сам со своим двором ушел понизу, по дороге стелящейся по дну оврага. Он обойдет стороной вражеский лагерь и ударит во фланг, и тут горожане должны поспеть на помощь князю.

Сашка чуть не прозевал начала атаки. Время тянулось медленно. Он вначале вслушивался в ночную тишину, пытаясь разглядеть атакующих гридней, но кроме завывания ветра ничего не слышно и крупные хлопья кружащегося на сильном ветру снега сводили видимость к минимуму. Даже пороки было не разглядеть, а до них всего-то рукой подать. И вдруг среди завывания ветра сотники услышали какой-то шум.

— Пора, — просто, совершенно буднично сказал Домослав Завидович.

Они атаковали. Всадники ударили первыми. Одни прямо с седел перепрыгивали через оборонительные заграждения поставленными галичанами, другие пытались растащить их, давая дорогу пешим. Сашка сходу перемахнул через опрокинутые на бок сани. Успел заметить движение справа и изогнулся, отворачиваясь от удара копьём. Вспомнив уроки Степана метнулся в сторону, с ноги ударив мужика в длиннополой шубе. Тот упал на спину. Сашка вырвал сулицу из его рук, отскакивая в сторону. Очень вовремя. Бородатый мужик налетел на него размахивая боевым топором. Пришлось ткнуть ему сулицей в лицо и забыть, быстро сместившись в право. Копейщик опять атаковал, целя в Сашкин бок. Пришлось опять проявлять чудеса изворотливости. Удачно ухватился за древко копьё, дернул на себя, и в этот момент сам ткнул сулицей, но не достал противника. Упавший уже поднялся на ноги, заходя Сашке со спины, а мужик с топором наседавал сбоку. Пришлось рискнуть. Выпустив

вражеское копьё, метнулся в сторону копыеносца, плечом сбив его с ног. Сам не удержался — упал рядом. Быстро перевернулся, но пришлось выпустить из рук сулицу. Мужик с топором уже наскочил на него, замахнувшись для удара. Сашка успел попроситься с жизнью, когда мужик пал на колени, выронив топор из рук. Из-за его спины вынырнул Местятка с зажатым в руке луком. Защелкала тетива и еще один враг упал рядом с Сашкой, глядя на парня ненавидящим взглядом.

Копейщик сбитый Сашкой с ног притворился мертвым, и его в суматохе пропустили. Рядом нарисовался Костяжко с обгаренным кровью мечом.

— Ну ты даешь, Александр Борисович, — весело крикнул Костяжко. — Сам собою против многих попер.

— Если бы не вы, парни — лежал бы я тут, — едва переведя дух, сказал Сашка.

— Надо проход сделать, — напомнил Костяжко.

— Ты этим и займись, — Сашка вспомнил, что должен командовать. — А мы прикроем.

Сказал, как накликал. Из темноты вынырнули галичане. Все при оружии и бронные. И очень злые. Местятка метал стрелы, а Сашка подобрал сулицу и топор. Вдвоем они вряд ли остановят врага. За считанные мгновения их сомнут, и Костяжко не успеет впустить подмогу. Но тут раздался зычный голос Степана:

— Стена!

Сашка не сообразил, что от него требовалось. Метнув на бегу сулицу, он, размахивая топором вломился в набегающие ряды вражеских воинов. Удар, отскок, бросок вперед. Присесть, уходя от удара. Самому рубануть по ноге, опять бросок. Удар кулаком, на замах нет времени, тычок топором в бородатую рожу. Успеть отпрыгнуть назад, крутануться на месте, зацепив чей-то локоть.

— Стоять! — сквозь завывания ветра услышал он голос Степана, но сообразить, что к чему он уже был не в состоянии.

Сразу набегают двое. Один с копьем, второй с сулицей поднятой для броска. И не уклониться — слева и справа лежат тела. Чутье подсказывает, что враг подбирается сзади. Остается переть вперед. Бросок топора, рывок. На бегу подобрать щит и вытащить меч. Копейщик атакует, целя в живот. Подставить щит и мощно рубануть по древку, срубая наконечник. Теперь вперед. Кольнуть острием меча в рожу. Враг что-то кричит, но умолкает, пропустив удар. Затылком почувствовал, что позади кто-то есть. Крутанулся на месте, отбиваясь мечом.

— Свои, Александра Борисович! — отпрянув, выкрикнул Костяжко.

— Кто с тобой? — тяжело дыша, спросил Сашка.

— Местятка и дядька Лавр, — ответил черниговец.

— Ну, ты хоробор! — обтирая залитое кровью лицо, похвалил Местятка. — Разметал всех и пер как кабан.

Сашка пытался отдышаться и собраться с мыслями, потому оставил его реплику без внимания.

— Что теперь? — вопрос Костяжки вернул Сашку из задумчивости.

— Что там? — махнув в сторону вороха, оставшемуся далеко позади, спросил Сашка.

— Рубятся, — тяжело вздохнув, произнес Костяжко, обернувшись.

— Князь?

Парни отрицательно помотали головами.

— Что там, черт возьми, происходит? — подумал Сашка.

Степану не удалось построить стену из щитов. Сашкин порыв, когда он побежал на врагов, увлек за собой бойцов. Схватка превратилась во множество индивидуальных поединков. Хорошо еще, что некоторые, наиболее опытные, остались со Степаном и смогли от тиснить врагов за ворох. А тут подмога подоспела. Наиболее горячие головы яростно набрасывались на врага, умирая под ударами копий и мечей, но все же Степану удалось сохранить подобие порядка.

— Что теперь? — спросил он раненного копьём в ногу сотника.

— Где князь? — морщась от боли спросил Домослав Завидович.

— Бог его знает, — крикнул возбужденный Степан.

— Поджигай, — велел сотник.

— Дровно тащите сюда! — громко крикнул Степан.

Из пролома в заграждении полезли черниговцы с вязанками хвороста и поленьями. Кто-то тащил мешки со щепой, кувшины с маслом, чтоб жарче горело.

Огонь не хотел разгораться. Сильный ветер задувал огонь, не давая ему ни единого шанса. Степан ругался бранными словами. Враги, догадавшись, что черниговцы пытаются сжечь пороки, стали яростно атаковать и к ним подошла подмога. Степан вынужден был отступить, громкими криками сдерживая сорвиголов. Развалив строй они обречены на неудачу. А князя все не было. Друг за другом падали сраженные товарищи. Раненные, кто мог, отползали за спины товарищей, а кто не мог оставались лежать на снегу. Жидкий строй или перешагивал через них, и тогда тяжело раненных оттаскивали другие раненные, или делал шаг назад, и тогда судьба раненного оставалась в руках бога.

— Не устоим, — крикнул черниговский боярин, лишившись щита.

Сразу две сулицы пронзили щит, сделав его абсолютно бесполезным. Боярин скинул щит, не обратив внимания на порез на руке.

— Стоим, — с упрямством крикнул Степан.

— Уходить надо, — предложил боярин.

— Князь скоро ударит, — с надеждой в голосе, сказал мастеровой, в кожаном доспехе.

— Жди его... — пробурчал боярин, но мастеровой уже не слышал его.

Арбалетная стрела вонзилась в горло по самое оперение. Мастеровой захрипел и стал заваливаться назад. Товарищи подхватили его, уложив на снег.

— Прими господи душу раба твоего, — быстро сказал один из них, закрывая глаза мертвецу.

— Как же так... — всхлипнул другой. — Нестер, не умирай! — он стал трясти мертвеца. — Ты мне пол сорочка должен!

— Ступай вперед, — велел щуплый дедок, в издавшем виды коротком тулупе. — Скоро бог всем воздаст по делам нашим.

Огонь потихоньку стал разгораться, но если черниговцев сомнут, то галичане быстро затушат пожар. В лагере галичан уже всполошились. Грохотали трещотки, трубили трубы. В лагере киевлян тоже переполох. Скоро набегут и сомнут черниговцев.

К врагам постоянно подходила подмога, и вот уже глубина строя черниговцев ограничилась только одним человеком.

— Нам хана, — произнес в панике охотник, когда сотник пал пронзенный стрелой.

— Сотника убили! — раздался панический вопль.

— Упокой господи душу раба божьего, — Степан быстро перекрестился. — Хороший

был человек Домослав Завидович.

Черниговцы с немногими оставшимися в живых охотников сплотились у бревенчатой стены вороха. Огонь несмело лизал толстые бревна, задуваемый ветром. Ветер относил дым в сторону града, где уже ударили в набат. Зарево пожара поднималось над Черниговым.

— Кажись, пожар в граде, — сказал Степан, отбивая удар копьем.

Враги перешли в атаку и поговорить не получилось. Галичане откатились назад, но Степан понял, что сейчас они вновь насядут и, это будет последний раз. И тут затрубил рог. В строй врага ворвались конные войны, рубя и коля пеших противников.

— Князь! Князь! — обрадовались черниговцы, и перешли в атаку.

— Куда прете черти? — кричал князь, останавливая пещцов. — Сами управимся! Жгите пороки!

Степан увел людей к вороху, они скинули тулупы, закрываясь от ветра. Потухший огонь вновь ожил и через какое-то время стена вороха запылала.

— Наверх надо лезть, — сказал Степан. — Сами пороки еще подождем.

Его малочисленный отряд разделился. Единственный оставшийся в живых из черниговских бояр увел своих людей ко второму вороху, а Степан, оставив двоих поддерживать огонь, полез с охотниками наверх. С высоты площадки, он хорошо видел, как из лагеря прибывала конная гридь. Двор черниговского князя рубился с галичанами не щадя животов. Но врагов слишком много.

— Ладно, — сказал Сашка, поднимаясь на ноги. — У нас своя война.

Он повел парней в сторону лагеря. Проникнуть внутрь оказалось легко, сторожа разметав рогатки, вместе со всеми убежала отражать нападение. Впереди полукругом стояли четыре больших шатра, а перед ними горел большой костер, вокруг которого стояли лавки, укрытые шкурами. Сторожа видно баловалась горячей кашей, так как рядом с костром стоял наполовину пустой котел, а деревянные доски валялись повсюду, брошенные второпях.

— Проверьте шатры, — велел Сашка.

Местятка с Костяжкой нырнули в крайний шатер, а сам он пошел в следующий. Вдруг, откинув полог, из него выскочил человек. Увидел Сашку и закричал на незнакомом языке. Лавр махнул топором и крик оборвался. Человек упал с разрубленным черепом. Вошли в шатер. Ярко пылающие угли в жаровне едва рассеивали мрак. Сашка с трудом рассмотрел какую-то тумбу и лавку рядом с ней. Подхватив уголек из жаровни, Сашка зажег масло в плошке, стоявшей на краю тумбы. Стало светлее. Они осмотрелись.

На утопанном снегу навалены охапки сена, накрытые шкурами. Поверх лежат откинутые одеяла, отброшенные второпях. Из оружия практически ничего нет. На столбе висит полный стрел тул, с откинутой крышкой. Под ним торчит воткнутый в дерево здоровенный нож, для разделки мяса. На полу валяется плотницкий топор. У дальней стены стоит плетеный короб, на крышке которого лежит половина мясной полти.

За лавкой раздался громкий чих. Сашка вздрогнул от неожиданности. Лавр шагнул вперед, подняв топор.

— погоди, — успел остановить его Сашка.

Лавр опустил топор, носком сапога подцепив шерстяное одеяло. Под ним обнаружился, свернувшийся калачиком, дрожащий мужичек укутанный в мятель. Он пытался закрыть лицо руками. Сашка обратил внимание на его тонкие длинные пальцы, унизанные перстнями и кольцами.

— А не простой мужичек попался, — подумал он, а вслух сказал. — Свяжи его и рот

заткни чем-нибудь.

Лавр принялся вязать пленника, а Сашка приметил выдвигной ящичек в тумбе, который оказался заперт на замок.

— Где ключ? — нависнув над пленником грозно спросил он.

Кузнец еще не успел вставить кляп тому в рот, и мужик что-то живо залопотал.

— Ах ты немчура проклятая, — в расстройстве сказал Сашка и был недалек от истины.

Пленник понял, что от него требовали, взглядом показав на связку ключей на поясе, скрытую полрой плаща. Сашка забрал ключи. Один из них подошел к замку, отперев ящик. Там лежали книги в потертom переплете. Сашка достал одну. Листы пергамента очень древние, но хорошо сохранившиеся. Вот только написана она на непонятном языке. Все сплошь какие-то каракули, разбавленные рисунками треугольников, квадратов, кругов. Полистав ее немного, Сашка хотел было закрыть книгу, но вдруг наткнулся на рисунок. Художник изобразил метательную машину, которую они только что пытались сжечь.

— Береги его, — сказал он Лавру, кивнув в сторону пленника, а сам принялся складывать книги в припасенный загодя мешок.

Потом стал показывать попеременно оставшиеся ключи, требуя ответа от пленника. Тот мычал в ответ, так как Лавр успел заткнуть рот кляпом. Зато он мог показывать глазами, где искать. Сундук оказался полон личных вещей мастера и сменной одежды. Внутри нашлась массивная шкатулка, обитая чем-то металлическим. На вес она казалось слишком тяжелой. Открывать замок пришлось Лавру, так как Сашка не мог понять, куда вставлять ключ. Отверстия под него просто не было. Шкатулка оказалось до краев наполнена серебром.

— Не плохой улов, — подумал он, и тут же забыл о нем.

В шатер проскользнули парни, груженные добычей.

— Ничего нет, — сказал недовольный Местятка, бросая мешок к Сашкиным ногам.

Действительно, пожива оказалась не велика. То за чем они пришли отсутствовало.

— Погодите, — велел им Сашка, направляясь к выходу.

Осторожно выглянул. Мимо пронеслась кавалькада, поднимая тучи снежной пыли. Войско Галицкого князя спешит отразить нападение. Он жестом подозвал Лавра, показав на топор. Лавр крепче обхватил рукоять. Когда показались два пеших воина, спешащие к месту схватки, Сашка поднял руку, пальцами показав, что идут двое, и легонько шлепнул себя по затылку. Лавр все понял.

Один из воев тащил два щита, а второй прижимал к груди охалку сулиц. Они очень спешили и не заметили, как за их спинами появились враги. Били обухом по затылкам. Горе вояки кулями упали на снег.

— Помогайте, — крикнул Сашка парням.

Те выскочили, подхватили тела, затащив их в шатер. Лавр собрал сулицы и отнес их следом. Он быстро вернулся за щитами и в этот момент неожиданно появились всадники. Было их трое. Вряд ли они видели, как убивали товарищей, но что-то они заподозрили, остановив коней.

— Кто такие? — спросил один из них, с накинутым на плечи шерстяном плаще украшенном шелковой аппликацией.

— Бей, — вместо ответа крикнул Сашка, бросая щит в лицо дальнего всадника.

Лавр не растерялся, глубоко вонзил лезвие топора в стегно другого всадника. Лошадь взбрыкнула, скидывая седока с перерубленной ногой и умчалась. Сашка не успел ударить, сам получил мечом по голове, благо шелом спас, меч, скользя в сторону, распорол тулуп

на плече, остановившись, столкнувшись с кольчужными кольцами. Второй раз всадник не успел ударить. Костяжко в прыжке повалил его из седла. А Местятка метнул сулицу в третьего. Конь ударил копытами, отбросив парня назад. Лавр сдернул упавшего на шею лошади всадника и вскользь резанул топором лошадиный бок. Лошадь заржала, еще раз лягнулась и убежала.

— Быстрее заносим, — у Сашки хватило соображения затащить тела в шатер.

Костяжко, поймал коней, отведя их к коновязи.

— Кровь быстрее снегом закидай, — велел ему Сашка, когда парень вернулся.

— Уже, — ответил он, склоняясь над бесчувственным Местяткай.

— Да живой он, — нервно крикнул Сашка. — Помогай давай.

Они втроем разоблачали галицких гридней. Лавр милосердно добил раненного с перерубленной ногой. Остальных Сашка намеривался допросить. Но многого они не сказали. Единственная ценность — рассказ о совместных с северским князем рейдах под....

ДОБАВИТЬ.

Упаковав добычу в мешки, они решили выбираться из лагеря. Костяжко отправился посмотреть, что делается с наружи и вскоре вернулся, таща за собой еще одного галичанина.

— Там у коновязи еще один лежит, — сообщил он.

Пришлось втащить и этого. На обоих оказались кольчуги, так что задержались, снимая брони.

Они на удивление свободно покинули лагерь. Погрузив пленника, на которого Лавр надел кольчугу и два тулупа, на лошадь, он вел ее под уздцы. Рядом на второй лошади везли Местятку, все еще пребывающего в бессознательном состоянии. На них никто не обращал внимания, и им повезло выбраться из лагеря незамеченными.

Спустившись в ров, Сашка вздохнул с облегчением, но тут приключилась другая напасть. Очнулся Местятка, и у парня проснулось запоздалое чувство вины.

— Ничего с твоим уйкой не случится, — раздраженно ответил Сашка на причитания парня, порывавшегося идти спасать Степана.

Лавр ничего сказать не мог, но видно и ему не нравилось, что бросили Степана. Судьба черниговского князя волновала только Костяжку, но он благоразумно молчал.

Сашку раздражала злость на Местятку, на себя, на хмурившегося Лавра. Словно он виноват в том, что случилось. Понятно было, что полягут там, у пороков, все без исключения. А он не хотел умирать так просто. Впереди его ждала война, перед ужасами которой меркнут княжеские которги.

Но на сердце было тяжело. Так не кстати вспомнилась Рада... Что он ей скажет? Как посмотрит в глаза? Он пытался оправдать себя, но подленькая мысль все вырывалась наружу, как бы он ее не прятал в глубине сознания — он предал боевых товарищей. Он — предатель. Смириться с этим не было сил. И тогда он решился.

— Поднимем лихо, и вернемся.

Местятка обрадовался. Даже Лавр взглянул на него как-то по-особенному. Сразу стал шагать веселее. Условленное место нашли не сразу, прошли чуток. Хорошо Костяжко обернулся и заметил сигнал, подаваемый со стены. Вернулись. Пришлось тяжело подниматься на вал, таща поклажу на себе. Потом вернулись к оставленным лошадям.

— Ну с богом, — сам себе сказал Сашка.

Они спокойно въехали в лагерь минуя мертвую стражу. Их смерти еще остались не замеченными. Пришпорив коней, пронеслись по лагерю, и выскочили у полыхающих

пороков. Метательные машины, полностью объятые пламенем, хорошо освещали окружающее пространство.

Киевляне с галичанами не отстояли свои пороки, зато теперь хотели отомстить черниговцам. Они окружили их, напирая со всех сторон, тесня к огню. Сашка узнал алое корзно и золоченый шелом князя, бившегося в окружении. Черниговский князь попал в сложную ситуацию. Его оттеснили от основных сил черниговцев и теперь князь, потеряв коня, бился пешим. Рядом с ним, спина к спине, бились его гридни. Сашка видел еще одного князя, гарцующего на коне, и кричавшего на своих воинов:

— Живьем! Только живьем братья!

— Делай как я! — крикнул Сашка и погнал коня в сечу.

Друзья последовали за ним. Сашка налетел на князя, сплеча рубанув по шее. Тот не ожидал нападения со спины, увлеченно отдавая команды. Удар пришелся по затылку, меч звякнул по кольцам бармицы, а Сашка уже пролетел мимо, свесившись с седла, подхватил черниговского князя.

— Тяжел, однако, — подумал он, пытаясь перекинуть брыкающегося князя поперек седла.

Конь налетел на вражеского всадника, поднялся на дыбы, молотя копытами. Сашка еле усидел, вцепившись мертвой хваткой в плащ князя. Конь скакнул вперед, князь стал сползать.

— Свои! Чернигов! — истошно орал Сашка, видя, как черниговские вои встречаются его в копья.

Слава богу, отвели в сторону копья, расступаясь. Он отпустил княжеский плащ. Михаил Всеволодович кулем свалился на снег. К нему уже тянулись руки, поднимая на ноги князя. Сашка обернулся, ища друзей. Костяжко крутился рядом, за его спиной сидел княжеский гридень. Лавр тоже прискакал, таща поперек седла еще одного гридня. Местятка уже спрыгнул с коня, выкрикивая имя Степана.

— Тута я! — отозвался Степан.

— Уйка! — обрадованный Местятка радостно бросился на грудь дядьки.

— Лихо вы! — восторженно шептали губы Степана. — Спасли князя.

Сашка убедившись, что друзья целы и невредимы, поспешил убраться подальше от князя. Тот уже гневно выкрикивал, веля привести удальца.

— Ну его к чертям, — подумал парень, уводя коня подальше от князя.

Осмотревшись, Сашка понял, что князя они спасли, вот только ненадолго. Черниговцы окружены. Позади огонь. Враг настроен решительно и не щадит никого. Бьются смертным боем. По-умному бы посадить князя на коня, да с оставшимися верхами гриднями идти на прорыв. Остальные прикроют отступление. Но тут раздался истошный крик:

— Князя убили!

Сашка испугался, но оказалась кричали враги. Напор сразу угас. Черниговцы смогли передохнуть, а тут со стороны града ударила конная дружина. Сашка узнал тысяцкого, возглавившего крупный отряд.

— Уходи, князь! — кричал он.

— Уходим! — крикнул Михаил Всеволодович, садясь на коня.

Черниговцы отступили. Враг их не преследовал, давая уйти. Сашка совсем случайно наткнулся на своего коня. Удивительно, что на него никто не позарился. Животина все так и стояла, где он ее оставил. Подхватив поводья, Сашка увел лошадь. Вдруг князь спросит за

нее... Денег не малых стоит.

По возвращении в город, князь велел собрать всех лекарей. Люди перебегали от одной группы воинов к другой.

— Тудора не видели? — волнуясь за мужа спрашивала молодая женка, княжеского отрока, нежно обнимавшего старуху мать.

— Флара и Осипа не видали? — срывающимся голосом уже который раз спрашивал потерявший надежду старик отец.

— Убили Флара, — отвечали ему. — А Осипа в ногу копьём ранили, он в поле остался лежать.

Старик не верил и продолжал искать сыновей. Скупые мужские слезы стекали из глаз, индевея на ветру. Он все отказывался верить в смерть своих сыновей.

Повсюду причитали бабы, не вернувшихся из боя воинов. Голосили молодые женки, матери, с малыми детьми на руках, в одночасье превратившихся во вдов, старухи-матери, потерявшие сыновей, сестры и просто любимые, оплакивающие короткий век своих женихов.

Ночная вылазка дорого обошлась черниговцам. Одних только раненных насчитали с полсотни. Тяжелых сразу же погрузили на сани, увезя на подворье епископа, куда давно уже собрали всех лекарей. Легкораненные отправились по домам, в сопровождении любящих родичей, а некоторые, большей частью молодежь, собрались нагрять в корчму отметить свое возвращение.

Сашка вел коней на поводу, устало шагая по скрипучему снегу. Вдруг, вынырнув из толпы выскочила Людмила в распахнутой шубейке. Она ахнула, всплеснув руками и бросилась к Сашке. Парень отпустил поводья, делая шаг ей на встречу. Но девушка промчалась мимо. Сашка обернулся, чтобы увидеть, как она бросается на шею Степану. Стиснув зубы Сашка с понурой головой брел по улице.

— Вот же он, — услышал он голос Костяжки.

— Александр Борисович! — раздался за спиной звонкий голосок Радки.

— Живой. Живой, — всхлипывая приговаривала девчущка, меховой рукавичкой стирая текущие по лицу слезы радости.

Сашка остановился, позволив девушке обнять его.

— Я молилась за тебя, — обдав горячим дыханием, задрав голову и привстав на носочки, сказала она улыбнувшись.

Сашка ничего не успел сказать, как ее губы впились в уста. Парень сначала не смело, потом все решительней ответил на ее поцелуи.

Костяжко заговорщицки подмигнул ему, на что Сашка ответил жестом — мол уходи... и коней уведи...

Добычу делили на следующий вечер. Сашка проводил Раду до дома, на прощание еще раз крепко поцеловав счастливую девушку, а сам отправился в корчму, куда вскорости нагрнула остальная компания. Даже Василь пришел. Церковный служка нервно оглядывался по сторонам.

— Да не бойся ты, — Местятка хитро улыбаясь подтолкнул наполненную медовухой чарку к службе.

Тот опасливо зыркнув глазами по сторонам, перекрестился и быстро выпил густой напиток до последней капли.

Он довольно облизнулся, причмокнув.

— Давай еще по одной, — подмигнув товарищам, предложил Местятка.

Василь согласно кивнул, виновато улыбнувшись. Друзья только рассмеялись, зная пристрастие служки к хмельному.

Они быстро напились, сморенные медами и навалившейся усталостью. Сашка первым уснул прямо за столом. Потом свалился с ног Местятка. Костяжку утром увела пришедшая за парнем сестрица. Мирошка с Лавром затащили парней на второй этаж, уложив на полу, рядом с такими же пьяницами.

Добычу разделили на части. Сашке, за которым все признали старшинство выделили его часть, причем самую лучшую. Василь получил свою долю мехами лисицы. Шкурка лисы ценилась достаточно дорого — по 5 кун. Досталась ему также шубейка, меховые рукавички, сапожки с высокими голенищами и медный подсвечник. От себя лично, Сашка добавил простую и меховые шапки, а еще добротный войлочный плащ. Нарядившись в обновы, Василь стал выглядеть как зажиточный горожанин, даже плечи у мужика расправились, когда он прохаживался туда-сюда по избе в обновах.

Про шкатулку Сашка друзьям не сказал. Еще под стеной он ее вынул из мешка, прикопав в снегу, пометив место. Он собирался во время ночной сторожи незаметно спуститься за стену и найти ее, оставив серебро для своих нужд. Остальное поделили по-честному. Все остались довольны. Каждый разбогател, если считать брони и оружие богатством. Плюс еще им достались кони с упряжью и седлами. Их Сашка решил оставить, продавать коней — цену настоящую не получишь. С начала осады корма выросли в цене. Да и самим пригодятся. Друзья миром порешили, что кони — общая собственность. И прокорм, значит, за общий счет.

У парней кровь бурлила, им хотелось большего. Заводилой выступил Мирошка, уверяя, что сможет привести молодых парней — рискованных и охочих до добычи. Парни уговаривали Сашку самим совершить вылазку, во время ночной сторожи. Сашка отмалчивался, видя осуждение в глазах Лавра. Настроение у парня окончательно испортилось, когда они пришли в церковь, где епископ служил службу по убиенным. На кладбище уже вырыли в мерзлой земле общую могилу, а в церкви свезли убитых в дубовых колодах.

Епископ с самого утра направился к князьям просить вернуть тела. Князь Галицкий, заполучивший громадную шишку на затылке, накричал на Порфирия, но подался на уговоры Северского князя, вставшего на сторону черниговского епископа. Раненных в ночной стычке черниговцев, северский князь взял под свою опеку, приказав оказать им первую помощь. Теперь же он готов был отпустить всех раненных по домам без всякого окупа. Даже доспехи обещал возвратить. Оружие то растащили вои Галицкого князя, а тот в дурном настроении наотрез отказался возвращать взятое с бою.

Епископ Порфирий, окрыленный успехом, предложил посредничество в переговорах князей. Он заверил, что Черниговский князь готов обсудить разногласия с князьями.

— Ничего не знаю, — категорично заявил князь Даниил. — Отворяете ворота и весь сказ.

— Лучше бы миром все решить, — попробовал заикнуться Северский князь.

— Знай свое место, — резко осадил князя Мстислава киевский князь.

Северский князь вспыхнул, готовый сорваться. Епископ поспешил вмешаться, пока из уст горячего Мстислава не прозвучали обидные слова.

— Давайте не будем ссориться, — мягко предложил он. — Мир и спокойствие земли —

вот наша главная задача.

— А чего он... — с обидой в голосе сказал Северский князь. — Я между прочим Черниговский князь! И на стол Киевский у меня прав поболее будет!

— Повтори, что ты сказал? — грозно произнес Киевский князь, вставая с лавки.

— Постой те братья, — князь Даниил тоже поднялся, поспешив вмешаться. — Не время нам котору задавати. Врагу радости давати.

— Миром решим споры ваши, — поддакнул епископ.

Северский князь посмотрел на епископа, кивнул, соглашаясь. Князья вновь сели.

— Мое условие остается неизменным — Чернигов отворяет ворота, — морщась от боли, сказал Даниил Романович.

— Пусть уходит со стола, — все еще злясь на киевского князя, высказался Мстислав Романович.

— Я не могу решать за князя, — смиренно ответил епископ.

— Вече может все решить, — продолжал гнуть свое северский князь.

— Да что тут говорить, братья, — сказал свое слово Галицкий князь. — Мастер у нас есть. Учиним новые пороки и возьмем град на щит.

— Предлагаю заключить перемирие, — после непродолжительного молчания, сказал епископ.

— А чего ждать? — вновь загорячился северский князь. — Мы уже ряд подписали...

— Три дня, — сквозь плотно сжатые зубы, сказал князь Даниил. — Через три дня мы опять станем бить пороками.

— Хорошо, — поспешил согласиться Порфирий. — Через три дня и поговорим. Но прошу пощадить невинные души. Соберемся. Обсудим все миром.

— Хорошо, — за всех ответил Галицкий князь.

Епископ поднялся, собираясь уходить. Князья поочередно подошли к нему, приложившись губами к руке.

— Пусть Михайло Олёну с собой возьмет, — на прощание попросил Даниил. — давнс не виделись...

— Возьмет, — легко согласился епископ.

Черниговский епископ после разговоров с русскими князьями, задержался в их станах. Северский князь пригласил Порфирия к себе, мотивируя тем, что для погрузки раненных и убитых на сани требуется время. Они долго беседовали наедине.

По возвращении в град, Порфирий отдал распоряжения насчет похорон погибших воев и велел свезти тяжелых ратников на свое подворье. Остальных развезли по домам, отдав на попечение ожидавших у ворот волнующейся родни.

Прибыв к себе, епископ первым делом отправил доверенного служку за князем. Михаил Всеволодович прибыл тотчас с двумя своими особо доверенными боярами.

— У тебя есть три дня, — устало сказал Порфирий, когда князь поцеловал протянутую руку.

— Бог милостив, — крестясь на образа сказал князь. — Услышал мои молитвы.

— Сколько людей за зря положил, — вновь укорил епископ князя.

— Ничего не зря, — возразил князь.

— Построит новые пороки Даниил. Грозил через три дни, — Порфирий сердито пояснил причину согласия Даниила на перемирие.

— Как придет срок — будем мириться, — сообщил о своих планах князь и спросил,

пытливо глядя на владыку. — Что Мстислав?

— Согласен на встречу, — прикрыв глаза ответил уставший Порфирий.

— Когда? — сразу последовал вопрос.

— После полуночи. Жди у водяных ворот.

— Встретите и приведете ко мне, — велел боярам князь.

Те молча кивнули.

— Ты, князь, слово давал, — напомнил Михаилу епископ, открывая глаза.

Черниговский князь выдержал этот взгляд, стараясь не выдать своего волнения.

— Целуй крест, — потребовал владыка, протягивая крест.

Бояре князя недовольно засопели, затоптавшись на месте. Князь бросил на них быстрый, полный недовольства взгляд. Однако бояре промолчали, не смея перечить владыке.

— Клянусь не причинить вреда Мстиславу. На том целую крест, — торжественно произнес князь, приложившись губами к кресту.

— Иди с богом, — отпуская, владыка перекрестил князя. — Мне нужно помолиться.

Ночью бояре Варфоломей Кормиличич и Максим Лукинич ожидали у ворот Северского князя. Давно миновала полночь, но Мстислава все не было.

— Не придет, — уверенно сказал боярин Максим. — Испугался.

— Придет, — не согласился с ним Варфоломей Кормиличич. — Не таков он. Не побоялся же на вече явиться...

— Так может... — предложил Максим, показывая спрятанный под скутом боевой топорик.

— Не может, — отрезал Варфоломей Кормиличич, вынужденный исполнять волю князя.

Оба боярина точили зуб на северского князя, не собираясь прощать ему нападение на дороге. У обоих в той брани полегли вои, да и сами они спаслись благодаря помощи посланной епископом.

Они еще долго обсуждали решение князя, встретится с северским князем. Пока, наконец, не появился долгожданный князь. Был он не один. Сопровождали князя воевода и один из северских бояр, хорошо знакомый Варфоломею.

— Вот как пришлось встретиться, — вместо приветствия сказал черниговец.

— И не говори, кум, — согласно кивнул северец.

— Это не ты ратился с нами давеча? — хмуро спросил Варфоломей боярина

— Неа, наши в стане все остались, — тихо ответил боярин. — Князь не дозволил кровь проливать русскую.

Так, за разговорами, они добрались до владычегго подворья. Северского князя принимали в трапезной сам владыка черниговский и Великий князь, за последние дни сильно осунувшийся и исхудавший.

— Чего ты хочешь? — спросил князь Михаил, едва Мстислав переступил порог.

— Стола Черниговского! — дерзко ответил Северский князь.

— Ты брат мне, а я тебе отец! — разгневался Михаил Всеволодович, бросая испепеляющий взгляд на Новгород-Северского князя.

— Право имею, — ответ Мстислава был смел, но только подлил масла в огонь.

— Ятить меня хотел! Кровь русскую пролил, — Михаил Всеволодович бросая упреки в адрес брата, горячился, и неожиданно потянулся рукой к поясу, где в дорогах затейливых ножнах висел кинжал — подарок польского короля.

Бояре князя, присутствовавшие на встрече, напряглись, покрепче ухватившись за рукояти мечей.

Дрочила Прокопьевич, воевода северского князя, потянулся к рукояти сабли, но был остановлен жестом своего князя.

— Ты позвал меня, чтобы убить? — сузив глаза, холодно спросил Мстислав Глебович.

Черниговский князь яростно сверкнул очами, вперив взгляд в наглеца. Князья молча стояли, пытаясь переглядеть друг друга.

В установившейся тишине шелест обнажающегося оружия довел напряжение до высшей точки. Бояре глазами ели противников, в уме просчитывая шансы.

— Сядьте, дети мои. В ногах правды нет, — мягкий, увещающий голос владыки разрядил обстановку.

Князья вышли из оцепенения, усевшись на лавки, друг против друга. Варфоломей Кормиличич облегченно вздохнул, переглянувшись взглядом с кумом. Максим Лукинич, досадливо поджал губы, но руку от меча одернул. Он демонстративно встал за спиной своего князя, бросая яростные взгляды на северского князя. Он специально провоцировал Мстислава на конфликт. Князь Михаил не внял его советам. Смерть северского князя решала бы многие проблемы. Но князь упорствовал.

— Старшинство не отдам, — сказал черниговский князь, когда все немного успокоились.

— Вече заставит, — усмехнулся Мстислав, — али галицкий князь с киевским...

— Град им не взять, — убежденно сказал Михаил, — Не бывало еще такого на свете.

— Пороки... — начал было северский князь, но Михаил перебил.

— Пустое все. Избы в предградье разметали — то не беда...

Князь замолчал. Мстислав насупился.

— Старшинство не отдам, — повторил Михаил Всеволодович и неожиданно закончил. — А стол Черниговский... забирай.

На лице северского князя, сменяя друг друга, отразились чувства: упрямство, удивление и радость.

Воевода Мстислава открыл рот от удивления.

Князья договорились. Михаил Всеволодович оставляя за собой старшинство и волости, согласился оставить Черниговский стол северской ветви черниговских князей. Дольше спорили о владении землями, захваченными Мстиславом Глебовичем. Города Стародуб, Сновск, Сосница и Хоробор открыли свои врата перед северским князем. Камнем преткновения оказался Сновск и крепость Синин Мост. Однако, черниговский князь уступил и здесь, согласившись на это.

— Мир стоит до рати, а рать до мира, — с пафосом сказал черниговский князь, целуя крест.

Мстислав Глебович ушел из Чернигова довольный. Через несколько дней он войдет в град полноправным хозяином. Он заключил с Михаилом выгодное соглашение, скрепив его крестным целованием. Теперь останется избавиться от галицкого и киевского князей и можно княжить спокойно. Это самое трудное. Князьям придется заплатить.

— Будь готов, — предупредил он воеводу по возвращении в стан. — Выбери самых лучших.

— Исполним в лучшем виде, — заверил князя Дрочила Прокопьевич.

После ухода северского князя черниговский владыка остался сидеть, устало

откинувшись на высокую спинку резного стульчика, выносившегося в трапезную в особо торжественных случаях. Михаил Всеволодович нервно вышагивал вперед-назад, ругаясь в полголоса.

— Если я раздам все имение мое... а любви не имею, нет мне в том никакой пользы, — процитировал владыка слова Священного Писания.

— Аки волк вцепился в меня братец, — пожаловался князь владыке.

— Зачем уступил ему?

— Уступил стол — это не беда, — тряхнув головой, вдруг рассмеялся князь.

— Волости уступил, — напомнил владыка.

— Как отдал, так и назад отберу, — князь рубанул рукой воздух.

— А дальше что? — спросил владыка. — Побежишь к Конраду?

— Не решил еще, — ответил князь.

— А дружина твоя? — уже в который раз спросил владыка.

— Разбежалась, наверное, — уклончиво ответил князь.

Владыко сделал вид, что поверил.

— Время надо потянуть, — подходя к епископу попросил князь. — Я знаю ты можешь.

— Не сегодня завтра Вече кликнут, — предупредил Порфирий.

— Сам знаю, — более резко чем следовало ответил князь. — Потому и прошу — помоги. Христом богом прошу.

— Помогу чем смогу, — ответил владыка. — Все в руках божьих. Молись.

Глава 7. Бегство

Сашка все дни старался занять себя делом. Ходил в караулы, упражнялся с мечом и саблей, стрелял из арбалета. В одну из ночей, поддавшись на уговоры парней сходили к вражескому стану. Осторожно проникли в лагерь, жадно прислушиваясь к разговорам. Киевляне по словам галицких воев построили мощные тараны, и все гадали, когда князья назначат штурм. Парни осторожно вернулись назад, по пути скрали одного горе-вояку перепившего пива. Галицкий лагерь гудел от веселья, и никто не заметил, как смельчаки обчистили один из шалашей. Храпящий на охапке валежника, пьяный галичанин даже не проснулся, когда Костяжко стянул с него меховые сапоги и снял пояс с кошельем. Парни забрали кольчугу и четыре добрых меча с двумя самострелами. Местятка прибрал себе лук и два берестяных тула со стрелами.

Вернувшись в город, парни отправились в корчму отметить успех, в кошелье у галичанина нашлось немного кун, которые решено было пропить на радостях. В корчме, где было особеннолюдно, несмотря на позднее время, они встретили Сашкиного приятеля из княжеских слуг. Молчаливый Устин привечал парня после случая с нападением северского князя.

— Бежать тебе надобно, — шептал он на ухо Сашке. — Скоро Мстислав войдет в град.

— Эка новость, — пожал плечами Сашка. — Об этом весь Чернигов говорит.

— Ты не понимаешь, — зашептал Устин. — Мстислав запомнил тебя.

— И что с того, — Сашка вновь пожал плечами.

— А то! Он хоть воин смелый и отважный, но зло помнит, — сказал Устин, сделав характерный жест.

Сашка призадумался. Если князь решит с ним расправиться, тут и епископ не поможет. Утопят в проруби или просто глотку перережут...

— Куда бежать? — растерялся он.

— Есть у меня мысль, — придвинувшись поближе к Сашке, сказал Устин. — Попросись к князю нашему на службу.

Совет Устина пришелся очень кстати. Обида на подругу все сильнее разъедала сердце. Попытки поговорить с ней оказались бесплодными. Девушка просто не хотела встреч с ним. Степан сторонился Сашки, и только Рада всегда радовалась встречам с ним, тайком от отца бегая на свидания.

— Ты что-то говорил про парней согласных поискать удачи, — напомнил он Костяжко при встрече.

— Есть такие, — подтвердил черниговец.

— Кто такие? — спросил Сашка.

— Ратмир, — начал перечислять черниговец, смешно загибая пальцы. — Он один как перст. Родители его четыре зимы назад от голода померли. Ратьша тоже семью в голод потерял. Сбыслав еще есть. У него отца медведь задрал прошлой зимой, а братья именье все себе забрали. Осип вот давно хочет от воли отца уйти...

Сашка с ними встретился, угостил медовухой, внимательно слушая бахвальство парней. Самому старшему из них едва исполнилось двадцать лет, а младшему не было и семнадцати. В Чернигове их ничего не держало. Оружие и брони, которыми ему пришлось одарить

парней решили дело. Теперь его никто не назвал Сашкой. Все обращались к нему по имени отчеству.

С черниговским князем Александр Борисович встретился не сразу. В первый раз пришлось прождать до вечера, а князь так и не соизволил поговорить с ним. Лишь на третий день парня пригласили к князю. Михаил Черниговский еще больше почернел лицом, осунулся, но по-прежнему сверкал глазами, особенно когда серчал. Сашку не забыли, князь хорошо запомнил его и даже знал, кому обязан жизнью, в ту злополучную ночь, когда бились с галичанами.

— Как звать то тебя? — спросил князь Сашку, стоило парню переступить порог горенки.

— Александр Борисович Шемяка я, — придавая себе солидности, представился парень.

— Шемяка говоришь? — усмехнулся князь, взглядом оценивая парня.

Сашка гордо расправил плечи, памятуя, что по одежке встречают. С портами у него полный порядок. Обновил гардероб за счет трофеев, взятых с галичан.

— А ну, согни! — князь бросил Сашке подкову.

Парень ловко поймал ее на лету, покрутил в руках и повторил трюк, которым любил удивлять друзей в прежней жизни — отведя руки за спину, согнул подкову.

— А и верно, Шемяка, — уважительно сказал князь, разглядывая предьявленную подкову.

— Хотел в дружину твою, князь попроситься, — решительно начал Сашка. — Со мной с десяток воев добрых.

Князь ничего не сказал, продолжая вертеть в руках изогнутую подкову. Пауза затягивалась. Сашка начал нервничать, внешне оставаясь спокоен. Бояре княжеские усмехались в бороды, но молчали.

— Оружены вои-то? — наконец спросил князь.

— Мечи, сабли, шелома и брони у всех, — с достоинством ответил парень, под одобрительные кивки бояр.

— А самострелы есть? — вопрос князя застал парня врасплох.

— Самострелы... — протянул парень, соображая куда клонит хитрый князь. — Четыре штуку есть.

— Как найдешь остальные — приходи в четвертом часу ночи во двор. Боярин мой посмотрит на вас, там и решим. — веско сказал князь.

Сашка понял, что пора откланяться. Выйдя из терема, он столкнулся с поджидавшим его Устином.

— Ну, как? Взял князь тебя на службу? — поинтересовался парень.

— Сказал ночью приходить, смотр учинит нам боярин, — сообщил ему Сашка.

Позади скрипнула дверь. Сашка обернулся. Один из бояр черниговского князя вышел на крыльцо в накинута на плечи длиннополой шубе.

— Как придете, он вас ждать будет, — сказал он, указывая на Устина. — Там посмотрим...

Сашка поспешил с княжеского двора. Нашел Местятку, велел собрать всех к указанному часу, а сам побежал торговать недостающие самострелы, гадая зачем они понадобились князю. За них пришлось отдать приличную сумму, но дело того стоило.

На обратном пути он заскочил в пекарню, купив несколько хлебов. Устин успел шепнуть, что князь собирается отъехать из города. Куда и зачем — Сашке дела не было.

Главное, оказаться подальше от Мстислава Глебовича.

До назначенного часа время еще было. Сашка решил навестить Людмилу, предупредить об отъезде. Ему в доме Оксинья не обрадовались. Сама хозяйка дома смотрела на парня с сочувствием, но за стол не пригласила. Людмила ужинала, напротив нее за столом сидел Степан, бросавший на гостя хмурые взгляды. Девушка поднялась из-за стола, но к гостю не вышла.

— Я давно хотела тебе сказать, — торопливо сказала она. — Я выхожу замуж.

— За него? — спросил Сашка, кивнув в сторону Степана.

— Люб он мне, — просто ответила она.

— А как же я?

Сашка сам понял, что сморозил чушь, но ничего не смог с собой поделывать. Обида на подругу разрывала сердце.

— Степан теперь сотником будет у епископа. Вместо Домаслава Завидовича. Епископ деревню ему дал на прокорм...

— Так ты теперь боярыней будешь? Помещицей? — с обидой в голосе произнес он.

— Пойми, так лучше всем нам будет, — сказала Людмила.

— Тогда примите от меня свадебный подарок, — сказал Сашка, подходя к столу.

Матерчатый сверток глухо стукнулся об доски. Сашка развернул его, демонстрируя содержимое — приличную горку серебра, все, что у него оставалось.

— Будьте счастливы, — сказал он на прощание.

Степан нагнал его во дворе.

— Ты, не серчай на меня, паря, — сказал он Сашке. — Люба она мне.

— Живите, — с трудом проглотив ком в горле, ответил Сашка.

— Что я могу для тебя сделать? — спросил Степан.

Сашка махнул рукой, уходя, но обернулся, вспомнив.

— Пленник есть у меня. Его бы подержать где, чтоб не убег, и никто о нем не знал бы...

Потом вернись за ним.

— Сделаю, — пообещал Степан.

— Тогда, прощай, — сказал Сашка.

В урочный час все парни собрались на княжьем дворе, где слуги княжеские грузили добром многие сани. Один за другим, из терема выносили тяжелые сундуки, коробья, тюки дорогих тканей. Парни глазели на такое богатство открыв рты.

Боярин Варфоломей Кормиличич пришел не скоро. Заставил парней потоптаться на снегу. Он высоко оценил справу молодых воинов, удовлетворенно крякнув. Внимательно осмотрел каждый самострел. И только потом сказал:

— Сопроводите обоз князя до места, а там видно будет, брать вас в дружину, али не брать.

Сашка молча кивнул. Это его вполне устраивало. Связывать свою жизнь с черниговским князем он не собирался.

— Теперь идите за Устином, и делайте, что он велит, — сказал боярин.

И ушел. Парни пошли за княжеским слугой, молчаливо шагавшим впереди. Он привел их на подворье епископа. Указал на сани, стоявшие у стенки амбара, пояснив:

— Самострелы взведете, и укладываетесь тут. Оружие под руку положите. Как скинут полог, бейте всех, кто рядом окажется.

— Ты толком скажи, что князь удумал, — попросил Сашка.

— Говорить не велено, — сухо ответил Устин.

— Не велено, так не велено, — проворчал Сашка, укладываясь на сани.

Княжий обоз выехал за ворота, но вскоре, возницы завернули к воротам епископского подворья, откуда выехали им навстречу несколько саней. Они разминулись на узкой улочке. Всадники, сопровождавшие обоз, пристроились спереди и позади поезда.

Сам епископ вышел проводить князя, перекрестив на дорожку. Потом ворота затворились и слуги быстро стали разгружать обоз, перетаскивая тяжести в глубокие подвалы.

В ночной тиши зимнего леса, на поляне у небольшого костерка поочередно грелись бронные люди. К ночи ударил мороз и некоторые из воев тайком от старшего прикладывались к припрятанным на теле баклажкам.

— Сколько нам тут сидеть, — тихо ворчали они, протягивая озябшие ладони к огню.

— Столько, сколько нужно, — ответил закутавшийся в меховой плащ боярин Захарий.

Он после бегства из Чернигова перешел на службу к северскому князю, надеясь еще вернуться в родной город, где осталась его семья.

— Чу, — внимательно вслушиваясь в ночные звуки зимнего леса, сказал один из сторожей. — Кажись едут.

— Я не слышу, — ответил его товарищ от усердия вытянувший шею и скинувший шапку.

— Беги к боярину, — велел сторож. — Поднимайте людей.

Долгожданная весть всполошила лагерь. Воины вскочили, разминаясь. Высокий плечистый воин скинул волчий плащ, в свете полной луны блеснули посеребренные чешуйки пансыря. Он принял из рук слуги шелом, водрузив на войлочную шапку, изнутри отделанную красным шелком.

— Первым делом убейте князя, а потом... — тихо сказал он, делая паузу садясь на коня. — потом порешите этих...

Гридень понимающе кивнул.

Головные всадники ехали не спеша, опасности они не ждали. Северский князь сдержал слово — пропустил черниговского князя и его людей. Мстислав Глебович сам был на заставе, обняв брата на прощание. Михаил Всеволодович душевно попрощался с братом, даже прослезился от волнения.

Треск падающего дерева испугал лошадей. Всадники остановились, пытаясь усмирить беснующихся животных, испуганных леденящим душу волчьим воем, раздававшимся со всех сторон.

Из леса повалили темные тени, размахивающие мечами и топорами. Княжеские слуги спешили, образовав круг вокруг князя. Бояре и часть гриди усмирив коней остались верхами, разя врагов пиками поверх голов слуг.

Возница только и успел скинуть грубую ткань, покрывавшую сани, как был зарублен огромным бородатым мужиком, раскроившим голову возницы на две половинки. Сашка успел разрядить арбалет, прежде чем секира не опустилась ему на ноги. Короткий стальной болт, ломая кости, вонзился в лицо мужика, насквозь прошив голову и железный шишак. Прямо перед ним мелькнула тень, тускло блеснула сталь наконечника сулицы, направленной ему в живот. Сашка испугался, рука сама нащупала рукоять пистоля, засунутого за пояс. На мгновение вспышка озарила лицо нападавшего, искаженное молчаливым криком. Лошади

испугавшись грома выстрела отпрянули в стороны. Сани перевернулись. Сашка едва успел соскочить, вырвав сулицу из рук нападавшего. Рядом рубился Сбыслав. На него нападали сразу двое. Парень отбил один удар, второй, сам рубанул сплеча и открылся. Короткое копье глубоко вонзилось в ногу. Парень болезненно вскрикнул. Но успел подставить меч под удар второго противника. А первый тем временем вновь кольнул копьем в бочину. Сашка метнул сулицу в подставившуюся спину. Меченошец упал на колени. А Сбыслав повернулся к копейщику, но не успел ничего предпринять. Сильным ударом в грудь копейщик добил парня. Сашка подхватил лежащий на снегу меч и налетел на убийцу, рубанув по древку, рассекая меховую рукавицу. В ответ раздался вопль. Выбросив вперед руку, он вогнал меч в бородатое лицо. Из леса выскочили еще двое, утопая по колени в снегу, они спешили к нему. Один метнул сулицу. Сашка увернулся. Вдруг, кто-то дернул его за рукав. Сашка быстро обернулся. Василь трясущимися руками протягивал ему заряженный самострел. Сашка схватил арбалет в упор застрелив добравшегося до него мужика, а второго огрел самострелом по голове, когда тот замахивался топором. Этот отчаянный удар не мог спасти Сашку, но нападавший потерял равновесие, топор опустился в пустоту, увлекая противника за собой. Сашка прыгнул на него, уронив на снег. Руками крепко вцепился за голову, резко дернув назад. Отчетливо раздался хруст позвонков, тело сразу обмякло.

Нащупав рукоять топора убитого, Сашка поднялся на ноги. Повсюду раздавалось сопение, звон железа, и отчаянные крики боли, когда железо врубалось в живую плоть.

Лавр, как скинули полог, сразу выстрелил в неясную тень, и схватился за топор. Взмахнул пару раз, разгоняя застоявшуюся кровь, и принял бой с налетевшим на него воем. Тот сдуру кольнул коротким копьем в живот, да просчитался. Лавр перехватил копье у самого железка, отвел в сторону и мощно дернул на себя, опуская топор на голову воя. Вдруг, откуда ни возьмись, на бывшего кузнеца налетели сразу двое, как и он с топорами. Лавр встретил их, и сумел кольнуть копьем одного в лицо, а второй связал кузнеца боем, не давая добить подранка. Лавр рубился с ним долго, без всякого результата. Противник достался ему под стать — хороший боец. Они кружили у саней, утопав снег под ногами. Подранок тем временем оклемался, обтер снегом кровь и схватился за оружие, напав сзади. Лавр почувствовал опасность, но ничего не мог поделать, противник обрушил на него град ударов. Кузнец мог только обороняться, отступая. Но удара в спину так и не последовало. Его противник вдруг выронил в замахе топор и рухнул на снег. Лавр подошел поближе. Из глазницы убитого торчало оперение короткого железного болта.

Местятка с Костяжкой ехали на последних санях. Продрогли до костей и когда на обоз напали ночные разбойники обрадовались возможности размять косточки. Первый и единственный залп из самострелов вывел из строя только одного нападавшего. Ратмир промахнулся, а Костяжко забыл про самострел, сразу взявшись за меч. У Осипа самострел стрелял обыкновенными стрелами и бронь спасла его противника. Парень отбросил бесполезный теперь самострел, вооружившись саблей. Местятка единственный кто смог поразить насмерть врага. Болт попал в лицо, располосовав бородатую щеку. Нападающий перестал завывать, повалившись лицом в снег. Бегущий за ним тать споткнулся об ногу упавшего и тоже свалился, но тут же попытался подняться. Местятка подлетел, махнул мечом, опуская его на заголившуюся шею. Радостно крикнул, подпрыгивая рядом с обезглавленным телом. А потом схлестнулся с еще одним татем и опять парню повезло. Тот тоже споткнулся об оброненный самострел и пропустил удар местяткиной сабли располосовавшей лицо.

— Йохо! — громко вопил Местятка в боевом экстазе, бросаясь на противника Осипа. Вдвоем они одолели его и когда повернулись к Ратмиру, то бросились на помощь. Парень проигрывал схватку. Левая рука висела плетнем вдоль тела, а правая едва отводила удары мечей. Раздвинув мечников против Ратмира выступил здоровяк с боевым топором. Парни едва успели. Осип ударил по ноге одного меченосца, рассекая ногу до кости, а Местятка налетев всей массой сбил с ног другого. Он едва успел кольнуть в затылок топорщика. Ратмир уже попрощался с жизнью, когда увидел занесенный над собой топор. И вдруг топор упал у его ног, а топорщик рухнул на парня, придавив своим телом.

Княжьи слуги под ударами неизвестных воев падали один за другим. Вот уже и сам князь рубился, опуская меч на головы врагов, пытавшихся стянуть князя с лошади. Обученный конь защищал князя не подпуская врагов. Но вот кто-то умудрился вогнуть копье в бочину и лошадь пала. Князь Михаил едва успел спрыгнуть и сразу попал под удары мечей. Чешуйчатая бронь выдержала все удары, но левая рука безвольно упала плетью. Князь стоя на одном колене, кольнул мечом в ногу одного противника, понимая, что второй сейчас рубанет по голове. Удара, однако, не последовало. Боярин Максим Лукинич пришел на помощь, отвел своим клинком вражий удар.

— Уходить, князь, надо! — крикнул он, отесняя врагов от князя.

— Куда? — быстро спросил князь, поднимаясь на ноги.

— В лес, — пыхтя как паровоз, ответил Варфоломей Кормиличич, вставший рядом с князем.

Грудь боярина тяжело вздымалась, дыхание напоминало кузнечные мехи. Боярин припадал на раненную ногу, но продолжал биться.

— Беги, князь, — прохрипел он. — Мы прикроем.

— Никуда я не побегу, — заупрямился князь. — Отобьемся.

— Нет, — крикнул боярин Максим, срубив своего противника. — Много их. Одного срубишь — двое на его место встают.

Вдруг враги стали падать, сраженные стрелами и болтами. Справа раздался яростный вопль и сбоку на врагов налетела ватага, размахивающая мечами и саблями. Князь обернулся. Увидел, что со спины тоже идет помощь, воодушевленно крикнул:

— Бей паскудников! — и очертя голову бросился в бой.

Его порыв подбодрил гридней, они перешли в наступление, тесня противников. И вот те разом, как по команде бросились бежать. Гридни последовали за ними, разя беглецов.

Дрочила Прокопьевич слушал звон железа, пытаясь определить ход схватки. По его мнению, бой слишком затягивался. И когда из леса на поляну вынырнул раненный гридь, прижимавший рукой рану в боку, боярин быстро спешил.

— Ну?

— Порубили всех, — тяжело дыша ответил раненный.

— А князь? — тревожно спросил боярин.

— Не достали мы его, — последовал ответ.

— А Захарий?

— Говорю же — всех порубили.

— Как же так? — воскликнул воевода.

Тут он увидел бегущие в лесу фигуры, они падали под мечами преследователей. Драчило обнажил саблю, отведя руку назад.

— Боярин, ты чего? — гридень почувствовал недоброе.

Вжик! И сабля отделила голову от тела.

— Дурни! — в сердцах выкрикнул боярин. — Ничего поручить нельзя!

Он вскочил на коня и ускакал по протоптанной тропе, когда гридни Михаила Черниговского уже выбирались на поляну.

Парни радовались жизни, обирая мертвецов. Им досталась богатая добыча. Среди нападавших простых мужиков было мало, но даже они имели кольчатые брони. Пускай с заплатами и сробленными во времена царя Гороха, в пятнах ржавчины, но все же брони. Один Сашка сидел, понурился головой. Невеселые мысли навивали тоску. Князь твердо знал, что нападение случится, иначе не заставил бы их мерзнуть в санях под дерюгой в полном воинском облачении и с самострелами в руках. Те точно знали, что в возках везут княжеское серебро и иное добро. Он сам видел, как все это грузили в сани. Поезд незаметно подменили и вместо казны с малочисленной охраной, нападающие нарвались на вооруженный отпор. Получается князь специально подставил Сашку и его парней.

Михаил Всеволодович обошел всех мертвецов, каждому заглянул в лицо, качая головой. Над одним распростертым телом постоял особенно долго, тяжело вздыхая:

— Эх, Захарий, Захарий...

К князю подошел его боярин. Максим Лукинич тоже опознал убитого, приходившимся ему дальним родственником.

— Дозволь, княже, похоронить Захарку по-христиански? — попросил он.

— Не ожидал я от него такого, — сухо ответил князь. — Делай, что хочешь.

— А что с пленными делать? — спросил боярин.

Князь напрягся, лицо словно окаменело.

— Вырезать, — со злостью сказал он сквозь плотно сжатые зубы.

В первой же деревне, князь оставил своих убитых и раненных. Сбыслав, которого Сашка посчитал мертвым, оказался жив и даже не сильно ранен. Броня остановила острое железо, но на месте ударов остались здоровенные синяки. И вообще убитых, в той ночной стычке было мало, все-таки брони хорошо защищали от ударов. Когда князь покидал деревню на кладбище у деревянной часовни добавилось четыре могильных холмика, а по избам сидели полторы дюжины раненных.

— Дня через два, — наставлял Максим Лукинич землепашцев, — свезете тело Захария в град. Сани все себе оставите за труды, князь дарит. А тех, что в лесу лежат, погребите по-христиански. Что с них возьмете — ваше.

Боярин замолчал. В зобу дыханье сперло. От волнения он не смог больше выговорить ни словечка, только махнул рукой, тайком стирая набежавшую слезу. За что бог наказывает Черниговскую землю?

Выйдя к пределам черниговщины, князь остановился в одной из приграничных деревенок. Людям и коням нужен отдых. Затопили баньку, попарились. Парни пользуясь случаем почистили брони от крови и ржавчины. Сашка одно знал точно — вооружение у его парней далеко не полное. Кольчужные штаны — одни на всех и их решено было отдать Лавру, как самому лучшему бойцу. Шеломов с бармицей — две штуки. Их отдали Местятке и Костяжке. Перстатые перчатки достались им же. В арсенале десятка еще оставалось много лишнего оружия и брони. Все это добро решено было продать и купить недостающее.

А тем временем, люди отдыхали, сытно ели, много спали. Пока не прискакал гонец с весточкой из Чернигова.

— Князь, весть худую принес я тебе, — с понурой головой обратился воевода к северскому князю.

— Брат мой мертв? — в притворном ужасе всплеснул руками князь Мстислав. — Какое горе!

— Это... — замялся воевода.

Северский князь бесшумно ступая по дощатому полу крестьянской избы, в которой он остановился после переноса лагеря, подошел к своему воеводе.

— Ты не томи. Говори давай, — сказал Мстислав, положив руки на плечи боярина и пристально глядя в глаза.

— Порубили всех, — выдохнул воевода.

— Прими господи душу раба твоего, невинно убиенного, — князь повернулся к иконе в красном и трижды перекрестился. — Убийц нашли?

— Так это... — воевода засопел, переминаясь с ноги на ногу. — У Захария всех людей порубили...

— Так, чего ты молчишь!!! — меняясь в лице, взволновано вскричал князь, хватаясь за сердце.

— Так я и говорю, — попробовал оправдаться боярин.

— Захарий жив? — ловя воздух ртом только и мог вымолвить князь.

— Может лекаря позвать? — озабоченно предложил воевода, видя, как покраснело лицо князя.

— К черту лекаря! — закричал князь. — К черту тебя! Захарий жив?

— Не ведаю я, — честно признался боярин.

— Не ведаю я, — передразнил воеводу князь и выкрикнул грозно. — А чего ты ведаешь?

— Михаил ушел и серебро вывез, — тихо ответил боярин.

— Это я без тебя понял, — заорал Мстислав.

— Даже если Захарий жив, то его слово против твоего...

— Слово, — фыркнул с презрением князь.

— Моего лица никто не видел, — зашептал воевода, — А людишек убить князя я послал иноземцев. Никто их не видел и не знает...

— Думай, что говоришь!!! — зашипел князь, схватив за грудки воеводу. — Какое убийство? Ты, о чем? Ведать ничего не ведаю, и тебя там не было!

Воевода кивнул, соглашаясь.

— А эти... людишки твои... не расскажут? — вдруг спросил князь.

— Так срубили их, — заторопился с ответом воевода. — Последний ранен был. Так я его сам...

— Точно срубили? — упершись горячим лбом в потный лоб воеводы спросил князь, обдав жарким дыханием.

— Сам видел, — соврал Дрочила Прокопьевич. — Вот те крест.

Мстислав Глебович, северский князь, после ухода боярина долго и жарко молился. С одной стороны — бог отвел от греха, брат остался жив. С другой стороны — скотницы ему не видать, Михалко все серебро и золото вывез. Это плохо. Очень плохо.

— Нужно действовать. И немедленно, — подумал князь.

Разбуженные слуги резво разбежались, созывая княжеских и земских бояр и любимых

дружинников на совет.

— Что делать будем? — задал вопрос князь Мстислав, когда все собрались, рассевшись согласно чину по лавкам.

— Точно Михайло бежал? — спросил боярин Дмитр теребя бороду.

— Точно, — видя, что князь молчит ответил Дрочила Прокопьевич.

— Откель ведаешь? — быстро спросил Афанас, старый битый жизнью боярин, отличавшийся прямо-таки маниакальной подозрительностью.

— Сказывал холоп Захария, — не сразу ответил воевода, глядя на князя.

Лицо северского князя оставалось беспристрастным, и воевода решительно продолжил:

— Захарий людишек своих поднял и тайно напал на княжеский поезд...

— О господи! Как так? — заволновались бояре.

— Чем дело то вышло? — подал голос боярин Дмитр.

— А откель тысяцкий прознал про бегство? — прищурившись, тихо спросил Афанас.

Князь нервно заерзал на своем походном табурете. Это заметил Афанас и спросил, обращаясь к князю:

— Что скажешь князь?

— Знают, — холодея от ужаса, подумал князь с досадой.

— Михайлу я лично пропустил на заставе, — признался воевода.

Мстислав бросил гневный взгляд на воеводу, продолжая нервно ерзать.

— Наш князь встречался с Михайлой, — продолжал откровенничать воевода. — Да пусть сам все обскажет, — сказал он, кивком подавая знак князю.

Мстислав Глебович, еще мгновение назад страшившийся учинивших дорос бояр, решился и разом преобразился. Он встал, гордо расправив плечи и посмотрел свысока на бояр.

— Урядился я с Мхайлой намеренно отпустить его вольно, — твердо сказал он. — Стол свой он мне передал.

— А старшинство? — вопрос Афанаса поубавил у князя спеси.

— Старшинство не уступил, — признался князь.

Тяжело дались ему эти слова. Сильно били они по княжеской гордости. Как по живому резали.

— Почто с боярами совет не держал? — слова Афанаса в тишине прозвучали как приговор.

Князь смирил свою гордыню, поник головой. Понимал, не то что стол черниговский без северских бояр не удержат, города захваченные и те не удержит.

— Что с Захарием? — спросил Дмитр.

— Порубили их всех, — поспешил с ответом воевода.

Это он знал точно. Вернувшись к заставе, он отправил пару лучших своих следопытов к месту схватки, и они уже вернулись, подтвердив гибель всего отряда и отсутствие тела Захария. Воевода боялся, что Захарий попал в плен и мог указать на него. Одно утешало — посланные им люди порублены в бою. Не соврал Свен. Упокой господи его душу. Воевода послал следопытов обратно, пройти по следам черниговского князя и убить Захария, если он еще жив.

— Скотницу, значит, князь вывез... — сделал вывод Афанас.

— Как есть вывез, — подтвердил воевода.

— Вече черниговское надо собирать, — вынес вердикт Афанас. — Сесть тебе надо

князем в Чернигове быстро, пока кыяне с галичанами не проведали про бегство Михаила.

Черниговцы еще только вставали с постелей, когда гонцы разнесли весть по концам — собирают Вече. Ругаясь и гадая о причинах созыва Веча, люди потихоньку выходили на улицу, присоединяясь к соседям. Ближе к площади людские ручейки сливались, превратившись многолюдную реку выплескивая на площадь у храма все новых и новых любопытных. Вечники собирались не долго, собираясь вокруг своих старшин.

Весть о бегстве своего князя народ встретил недовольными криками. Наиболее горячие головы призывали народ идти громить дворы княжеских бояр и тиунов. Обида на князя, которого они сами собирались изгнать, о чем народ уже и не помнил, вылилась в избиение княжеских сторонников. Епископ вовремя вмешался. Долгой речью, взывая к милосердию, он остановил готовое случится кровопролитие. Черниговцы немного успокоились.

Мстислав Глебович сел-таки на Черниговский стол. Горожане успокоились. Остаться без князя, когда враги стоят у ворот — дело немыслимое. Мстислав споро взялся за дело. Почти сразу же после вече пригласил союзных ему князей в гости. Устроил многодневные пиры по случаю вокняжения, открыл погреба для народа. А сам тем временем искал серебро, велел разграбить дворы бояр и слуг Михаила Черниговского. Завладев их имуществом, князь, все равно, остался не доволен. Серебра набралось с тысячу гривен, этого едва ли хватит чтобы выплатить откуп князьям. Князь Даниил решение черниговского вече не признал. Вместе с киевским князем он требовал признания старшинства за собой, а это значит, княжение в Чернигове Мстислав Глебович получит из рук галицкого князя.

Мстислав искал совета у епископа Порфирия. Владыко внимательно выслушал князя, но совета не дал, сказав на прощание:

— Все в руках божьих.

Совет многомудрых бояр постановил с князьями не сориться. Заключить с ними мир, согласившись на все их условия. Мстислав скрепя сердцем пошел на это, скрепив договор крестным целованием.

Забрав тысячу серебра, большие табуны коней, нагрузив возы многочисленной добычей галицкий и киевский князья ушли восвояси, оставив Мстислава на столе Черниговском. На следующий день после их ухода Мстислав поссорился с епископом, вздумавшим набрать собственную дружину. Замена Михайловых тиунов и мытников на своих людей, народ черниговский встретил радостно, но надолго ли хватит любви людской — это еще вопрос.

Глава 8. Заговор бояр во Владимире

День клонился к закату, белые пушистые снежинки мягко садились на бобровый мех тяжелой шубы боярина Нефеда, на высокую меховую шапку, путались в коротко подстриженной бороде, тая у самых губ от теплого дыхания. Дородный боярин тяжело сполз с лошади, бросив поводья. Расторопный слуга Ерошка, среднего роста удалец с невинными как у младенца голубыми глазами, острым как у птицы с небольшой горбинкой носом и тонкой почти девичьей шеей, доставшейся ему от матери гречанки, подобрал поводья. Его старший брат Сидор, статью вышедший в отца, старшего дружинника боярина Нефеда, не смотря на свой огромный рост, плавно стек с коня, подав поводья брату, три раза пнул по дубовым доскам ворот.

— Не шуми, — испуганно оглядываясь по сторонам, повелел боярин.

— Кто? — требовательно спросили за воротами.

— Дед Пихто, — Сидор слишком громко произнес условленную фразу, отчего боярин вновь зыркнул глазами по сторонам.

Улица, по-прежнему, оставалась безлюдной, быстро погружаясь в темноту зимнего долгого вечера. Ворота отворились. Боярин важно прошествовал во двор, отмечая про себя, что во дворе боярина Матвея Андреевича, происходившего из очень древнего рода местных князей, задолго до прихода Руси правивших на этих землях, снег аккуратно выметен. Эта аккуратность раздосадовала боярина Нефеда, недовольно поджав мясистые губы, он медленно поднимался по ступенькам высокого крыльца боярского терема. Дворовая девка метнулась к нему помогая подняться, но боярин с силой оттолкнул ее от себя. В сенях стоял дюжий молодец, с лицом убивца, пропустивший боярина внутрь.

В хорошо протопленной просторной горнице на лавках вдоль стен, обливаясь потом, сидели бояре, ведя неспешные беседы. Нефед поздоровался и как все не стал скидывать шубу, под которой у него была надета кольчуга тонкого плетения, сработанная известным болгарским мастером. Времена ныне неспокойные, не ровен час, прознает владимирский князь — быть беде.

— Господа володимирская, — раздался зычный голос боярина Якуна. — Я собрал вас думу думать, как нам обустроить жизнь нашу.

Разговоры сразу смолкли. Якун не то чтобы пользовался уважением владимирских бояр, но его боялись. Бывший новгородец перешел на службу к князю и пользовался его доверием. Но несколько лет назад, между ними словно черная кошка пробежала. Боярин остался недоволен решением князя отдать управление части Коломны, отнятой у рязанцев своему сыну. За спиной Якуна стояли выведенные из Новгорода бояре. Великий князь Владимирский тайных недругов своих предпочел держать поближе к себе, они находились под присмотром верного человека — Якуна.

— Князь Юрий мягко стелет — да спать жестковато, — продолжил Якун, обведя тяжелым взглядом собравшихся бояр.

Кто-то выдержал немигающий взгляд боярина, известного своим крутым нравом, а кто-то и отвел в сторону, или потупил взор. Якун примечал недовольных. Многие пострадали от его, Якуна, рук, но по велению великого князя.

— Истинно говоришь, — загомонили бояре.

В горнице стало невыносимо душно. Пот лил ручьем по лицам бояр, но они продолжали сидеть в шубах и шапках. Якун усмехнулся. Известное дело — шубы скрывают кольчуги и оружие. Не доверяют бояре, боятся.

— Все вы пострадали от произвола нашего князя, — вновь начал вести речь Якун.

— Произвол творил ты, боярин Якун, — подал голос один из бояр, сидевший не на самом почетном месте, а ближе к краю.

— Верно, — легко согласился новгородец. — Так режьте меня! Вот он я!

Боярин единственный, не считая хозяина терема, был без шубы. Рванул за ворот кафтана, так что добротная заморская ткань затрещала, а медные пуговицы разлетелись в стороны. Боярин стоял, расправив плечи, открытой грудью бросая вызов недовольным. Гордо поднятый подбородок, плотно сжатые губы и жгучий взгляд произвели впечатление на бояр. Никто из них не посмел достать оружие. На это он и рассчитывал. Подослать убийц, как бывало уже не раз, бояре вполне способны, но при видаках, да еще на трезвую голову, никто не рискнет связываться с Якунов. Себе дороже выйдет. Седина в волосах не мешала Якуну валить ударом кулака быка, на кулачках новгородец мастерски бился.

Боярин наслаждался произведенным впечатлением, когда Борис Жидиславич, из бывших суздальских бояр, перебравшихся во Владимир во времена отца нынешнего князя, выкрикнул тонким голосом, никак не вязавшимся с его комплекцией. Был боярин высок и могуч, обладал крутым нравом и большой спесью, как все потомки князей, лишившихся титула. Он старший в своем роду насчитывающем восемь братьев с их сыновьями, да у самого боярина четверо взрослых сыновей, да родня в Суздале осталась, да в Ростове родичи сидят. Сильный род, с которым нельзя не считаться.

— Князь пришлых привечает! Одаривает златом серебром, — фальцетом выкрикнул боярин Борис.

Бороды скрыли усмешки бояр, но начало было положено. Раздались выкрики:

— Хочет князь правит самовластно, как не к ночи будь помянут князь Андрей.

— А у меня Рогатинские сеножати отнял!

— Так взамен иную землю тебе дали! И по более.

— За тридцать верст!

— Бояр притесняет!

— Советов не слушает!

Якун дал боярам выговориться и лишь когда страсти поутихли, произнес:

— Господа володимирская сама может управлять княжеством, — Якун замолчал, делая паузу и сказал, как отрезал. — Князь нам не надобен!

В горнице повисла гнетущая тишина. Страшные слова сказаны. Бояре переглядывались, втянув головы в плечи.

— Как бы беды не накликасть... — осторожно произнес боярин Судислав.

И началось:

— Вот-вот, Игоревичей повесили в Галиче и что вышло...

— Князя Андрея убили...

Боярин Нефед оцепенел. Среди убийц князя Андрея были его родичи, поплатившиеся жизнью за содеянное зло. Брат убитого князя жестоко отомстил убийцам. Не сразу, но отомстил. Дворы разметал, добро на поток пустил. Дядья успели серебро спрятать в надежном месте, доверившись младшему брату. А отец Нефед — старый хитрован. Боярин подозревал, что отец, вымаливая прощение, сам погубил братьев. По их души он сделал

большие вклады в церкви, и на закате жизни постригся в монахи. Но то дела минувшие. Давно уже нет самовластного князя Андрея, ущемлявшего боярскую вольность, а дело его живет...

— Грех на душу брать не будем, — поспешил уверить бояр Якун. — Скажем князьям — путь чист. Станем приглашать на княжение того, кто нам люб.

— Правильно! Как в Новгороде, — впервые подал голос хозяин терема боярин Матвей Андреевич.

— Киевляне не боятся прогонять тех, кто им не люб, а мы что, хуже? — пропищал боярин Борис.

Бояре загалдели. Очень заманчивую перспективу нарисовал боярин Якун. От веку так шло, что боярские вольности — незыблемы.

И никто не вспомнил, что бойню устроить в Исадах подговорили своих князей бояре, что раздор среди князей подогревался боярами. Тот же Якун нашептывал князю на рязанских князей, подговаривая проучить рязанцев. Но князь предпочитал решать дело миром.

— А что люди скажут? — среди гомона, вопрос боярина Мирона грянул как гром среди ясного неба.

В горнице наступила гнетущая тишина. Народ любил своего князя и не считаться с этим — опасно.

Хозяин терема первым нашелся что ответить:

— Ты, Мирон милостыню раздавай поболее, вклады в церковь делай — серебра не жалей.

— Легко сказать — не жалей, — скривился боярин. — А где его взять?

— Не приbedняйся, Мирон, — укорил боярина Якун. — Все знают, что богатства — несколько храмов построить можно.

— А ты чужое богатство не считай! — оцетинился боярин. — У тебя самого поболее будет!

— Верно, — согласился Якун. — Потому и говорю, что завтра сделаю вклад в храм и серебра не пожалею. Триста гривен пожалуй!

Кто-то из бояр присвистнул от удивления. Бояре, поднявшиеся с лавок, стояли, переминались. Речь зашла об очень больших суммах, к такому повороту они не были готовы.

— На том и порешим, — с улыбкой произнес Якун, хорошо знающий прижимистость бояр. — Серебра не жалеете, потом с торицей окупится.

Бояре стали расходиться. Якун задержался, дождавшись, когда последний боярин уедет со двора, он спросил Матвея, обращаясь к боярину уважительно по отчеству:

— Матвей Андреевич, кого не было? Кто отказал нам?

Боярин не торопился с ответом. Достал из шкафчика кувшин, кубки серебряные, разлил заморское вино. Протянул наполненный вином кубок Якуну и только потом ответил:

— Как мы и думали — Лазарь и Горислав.

Якун обдумывал услышанное. Все приглашенные в той или иной мере были ущемлены великим князем, копя обиды на великокняжескую власть. Но кто знает, как поведут себя бояре? Не побегут к князю с доносом? Якун не мог рисковать.

— Кажется, Лазарь чинил обиды Богуславу?

— Это которому? — уточнил Матвей Андреевич.

— Не из новых, заезжих, а из старых суздальских.

— Отнял полон во время похода на мордву.

— И сказывают, что повздорил с молодым князем Федором Ярославичем...

— И-иии, — замахал руками Матвей Андреевич. — Пустое мелют.

Боярин осторожно подкрался к дверям, резко распахнул их, убедившись, что никто не подслушивает. Выглянув в сени, он вернулся назад, подозрительно глядя на Якуна.

— Боишься послухов в своем доме? — усмехнулся Якун.

— Опасные речи ведешь, боярин, — предупредил Матвей Андреевич.

— Девку ту, что питье подавала княжичу, — медленно произнес Якун пристально глядя в глаза боярина, — помнишь? Кажется, ее звали Ульянкой?

— Откуда мне знать? — ответил боярин, отведя глаза в сторону.

— Ее еще потом нашли на пожарище, — напомнил Якун.

— Нашли и нашли... Что с того? — Матвей Андреевич не хотел вспоминать те события.

Федор сын князя Переяславского Ярослава Всеволодовича, брата нынешнего великого князя, умер перед самой своей женитьбой на княжне Феодулии, дочери князя Михаила Черниговского. Было ему всего тринадцать лет, а невесте шел двадцать первый год. Смерть княжича выглядела весьма подозрительно. Ходили слухи, что его отравили. Подозрение падало на псковских и новгородских бояр. Михаил Черниговский отказывался признавать старшинство свояка. Псков также не признавал старшинства владимирского князя. Сам же Юрий Всеволодович хотел с шурином решить споры мирно. Не всем это нравилось. Потом поползли слухи, что к смерти княжича приложили руку старое суздальское и ростовское боярство.

— Так жива она! — на выдохе, максимально понизив голос, произнес Якун.

— Ить, как жива? — опешил боярин.

— Жива, — все так же шепотом ответил боярин, сверля взглядом испуганного Матвея Андреевича. — И много чего интересного рассказала.

— Врет! Все врет! Наветы на меня наводить вздумал? — опомнился боярин.

— Может и врет, — слишком легко согласился Якун. — Князь Ярослав сам решит.

Боярин задумался, забыв про вино.

— Ты вот, что... — сказал Якун примирительно. — Бояр тех, что не явились сюда пореши. И не медли. Поручи это Богуславу сделать. Да своих людей пошли, для верности.

— Нет моего согласия на это! — твердо ответил боярин, сумевший взять себя в руки.

— Так узнает князь про Ульянку, — пожал плечами Якун. — И то, что ты злоумышлял против великого князя, то тоже известно будет.

— Ты не посмеешь! — сквозь зубы процедил боярин.

— Еще как посмею, — твердо ответил Якун. — А про мое участие... так это я злоумышленников на чистую воду выводил. Князь мне поверит, — с убежденностью произнес он.

Боярин в это время тихонько отступал к дверям и когда между ним и Якуном образовалось приличное пространство, заорал:

— Яким!

Слуга боярина ворвался в горницу, с мечом в руке.

Якун испуганно поднял руки, выставив открытые ладони:

— Боярин, ты, что удумал? Не бери грех на душу!

— Грех я отмолю, не велик грех-то, — усмехнулся боярин.

Слуга боярина, прятанный в сенях, был облачен в кольчугу. Видно Матвей Андреевич

не доверял полностью Якуну, или это вечная боярская осторожность, позволявшая дожить до седых волос.

— Не бери грех на душу, — еще раз попросил Якун, опуская дрожащие руки.

Мечник, видя испуг боярина медленно наступал.

Якун резко выбросил правую руку. Из рукава вылетел свинцовый орех, на тонкой бечеве. Тяжелый снаряд попал под нижнее веко, выбив глаз. Якун тут же метнулся к Якиму, ударив кулаком в лоб. Мечник рухнул на пол. Якун подобрал меч, но добивать слугу не пришлось — он был мертв.

— Только пискни! — предупредил Якун боярина, вжавшегося в стенку. — Сделаешь, как я сказал!

Он отбросил меч в сторону, спокойно надел шубу, шапку и на выходе обжог взглядом перепуганного боярина, произнеся на прощание:

— И не вздумай подсылать ко мне убийц.

Матвей Андреевич после того как дверь за боярином захлопнулась, вытер пот с лица.

— Прости меня господи, — сами прошептали губы.

Бессмысленный взгляд боярина уставился в одну точку. Дворовая девка из обелей, заглянувшая в горницу, подняла крик, на который сбежалась остальная полная челядь. Боярина совместными усилиями привели в чувство. Матвей Андреевич, бледный, как сама смерть, глотнул вина, быстро собрался и, в сопровождении полудюжины воев выехал со двора, оставив челядь гадать, что могло случиться в горнице.

Днем, Матрена, девка дворовая, бегала на торг к своему миленку, там она услышала новости, которыми с удовольствием поделилась с дворней по возвращении в усадьбу. Разбойники ночью напали на усадьбы двух бояр, вырезав всех подчистую вместе с дворней. А боярин, бывший вчера у хозяина, убит был у самого княжьего терема. Подружки ахали да охали, когда воротился боярин. Матвей Андреевич сорвал злость на привратнике, за нерасторопность мужика, замешкавшегося с отворением ворот. Потом велел дворовым служкам собираться в дорогу. Стефан, молодой и страсть как красивый боярский мечник, по которому сохли все девки округи по секрету сообщил всполошившимся девам, что боярин скоро поедет в дальние свои земли, а им надобно приехать туда загодя, чтобы навести порядок в усадьбе. Успокоившись, челядинки быстро собрались в дорогу.

— Живота не лишай. Пусть живут дурехи. Накажи там Косарику — пусть приглядит за ними, — напутствовал боярин своего дружинника.

Выпроводив обоз, Матвей Андреевич заперся в горнице, долго молился перед образами, замаливая еще один грех, взятый на душу. На следующий день он сделал вклад в церковь.

Глава 9. Папская резиденция в Риети. Италия

Его святейшество папа римский Григорий IX в своем почтенном возрасте походил на доброго старца с добрым взглядом и мягкой отеческой улыбкой. Эти ранним утром он молча восседал на резном кресле с высокой спинкой обитой красным бархатом. Папа с отсутствующим взглядом заслушивал доклад человека уже много лет руководившего тайной службой его святейшества. Он давно знал этого человека, более сорока лет служившего папе. Его святейшество хорошо помнил их первую встречу. С той памятной ночи, когда на узкой залитой мраком улице Рима в районе церкви Сант-Эустакио на кардинала-дьякона Уголино деи Конти де Сеньи, кузена папы Иннокентия III, напали неизвестные в масках, прошл много лет. Громкие крики разбудили человека, спящего прямо на улице, он пришел на помощь Уголино и с того самого дня носил имя Ангелус, то есть ангел. Он постарел, его волосы поседели, но ум оставался по прежнему острым, и рука не потеряла свою твердость. Ангелус постепенно поднимался по карьерной лестнице, достигнув высот вместе с господином. Теперь он отвечал за тайные связи папы, мечтавшего подчинить мир своей власти.

Ангелус хорошо изучил своего господина отличавшегося феноменальной памятью. Но даже он, лично отправлявший монахов-доминиканцев с тайной миссией на Русь, вряд ли бы опознал в изможденном больном человеке монаха Отто, единственном, кто выжил в этом путешествии. Бедный Отто в миру бывший безземельным немецким рыцарем, даже не подозревал какую миссию он выполнил. Он до последнего вздоха был уверен, что искали они прародину венгров — Великую Венгрию.

— Он доставил послание, — сказал Ангелус, протягивая пергамент его святейшеству. — Это расшифровка.

— Он точно не сболтнул ничего лишнего? — озабочено спросил Григорий.

— Он прожил всего неделю. Бредил. Монахи записали все, что он говорил, — уточнил Ангелус.

Папа пытливо посмотрел на своего начальника тайной службы.

— Они мертвы, — бесстрастно ответил тот, выдержав пристальный взгляд.

Его святейшество страдавший дальновзоркостью, отодвинул свиток подальше и стал читать. Послание отличалось лаконичностью. Монахи попали под подозрение, еретики не поверили в поиски Hungaria Magna и установили за подозрительными монахами слежку. Но все же им удалось выполнить поручение. Правитель Чернигова и его соперник князь Владимирский получили предложение папы принять королевскую корону взамен признания его власти. В Чернигове их бросили в поруб, откуда они бежали с помощью тайных сторонников. Его святейшество отложил пергамент в сторону, внимательно смотря на Ангелуса.

— У нас есть там верные люди среди их знати, — пояснил тот, догадавшись, что интересуется господина.

— Это хорошо, — удовлетворенно кивнул папа римский, вновь принимаясь за чтение.

Во Владимире его тайные посланники получили уклончивый ответ. Но зла монахам не сотворили, дали провожатых до земель Булгар. На этом послание обрывалось.

Его святейшество вернул свиток, взамен взяв другой, где были записаны слова

умирающего монаха. Ознакомившись с его содержимым, он задумался.

— Татары, — наконец произнес он.

— Да, я уже докладывал вам, — напомнил Ангелус. — Великое и могучее племя.

— Я помню, помню, — покачал головой папа Григорий. — Они могут нам быть полезны...

— Полезны? — переспросил начальник тайной службы.

— Да, полезны — покачивая головой, задумчиво произнес папа. — Если натравить татар на Русь, их князья станут более сговорчивы.

— Мы не знаем их намерений.

— С этим все просто, — его святейшество уже принял решение. — Жажда власти — вот что правит миром.

— Послать еще людей?

— Да, пошли, — велел папа.

Его губы плотно сжались, как всегда бывало, когда он решался на опасное предприятие. Ангелус слишком хорошо знал своего господина и улавливал его желания.

— Опять доминиканцы?

— Да. Подбери молодого и глуповатого парня. Пусть ищет свою Великую Венгрию. С ним пошли проверенных людей, в качестве слуг. Я должен знать все о татарах!

— А что с князьями Руси?

— Мы напишем им очередное послание. Если они заостенели в своем язычестве, то с помощью татар мыотрежем их от никейских еретиков.

— Замечательный план, — восхитился начальник тайной службы. — А если татары нападут на христианские земли?

— Что ж, в этом случае нам будет только польза. Император обещал Константинополь еретикам. Новая угроза отвлечет его от этих глупых мыслей.

— Однако положение очень серьезное, а татары — это только химера.

— Ты прав, мой верный Ангелус, ты прав, — согласился его святейшество. — Мы отлучим от церкви сенатора Луку Савелли и весь общинный совет.

— Это не остановит Капитолий, — возразил Ангелус.

— Нет, конечно. Но это лишит их поддержки. Многие бароны и города Лациума придут нам на помощь.

— Отлучение разъярит римлян.

— Я этого добиваюсь. Тебе стоит направить эту ярость на наш Латеранский дворец и дома кардиналов.

— Тогда кардиналы...

— Да. Ты правильно мыслишь.

— Но император?

— Император нам поможет, — с отеческой улыбкой произнес его святейшество.

— Как? Император?

— Ты хорошо послужил нам. Генрих выступил против своего отца. Если мы поддержим его союз с ломбардами, то власти императора придет конец. Фридрих умный человек, он откликнется на нашу просьбу прислать войска нам в помощь.

— Но вы обещали Генриху поддержку.

— Что поделать, обстоятельства сильнее нас.

— Гениальный план! — восхитился Ангелус. — Заставить врага помогать вам!

— Мы еще вернемся в Рим, — пообещал Папа. — А пока мы отправим легата в Ригу. Пора сменить епископа Николая на верного нам человека.

— Но канонам, право избирать архиепископа принадлежит Домскому капитулу, — возразил Ангелус.

— Епископом Риги мне нужен доминиканец! — повысил голос его святейшество.

— Не лучше ли будет назначить своего человека епископом Эзель-Викским, взамен его предшественника, аббата цистерцианца Готтфрида из Дюнамюнде?

— Мне нужны доминиканцы в Риге.

— Одно другому не мешает. Если не получится сместить епископа Риги, мы всегда можем вынудить его передать имущество доминиканцам.

— Говори! — заинтересовался его святейшество.

— Легат может принудить епископа Николая, подарить братьям доминиканского ордена свой каменный замок — дворец с прилегающими земельными участками, находящимися у реки.

— И все завоеванные земли мы припишем к Эзель-Викскому епископству, — закончил за него мысль его святейшество.

В конце декабря 1235 года от рождества Христова в городе Пеште случилось заурядное событие незамеченное летописцами. Через широко отворенные двери в монастырь въехали всадники, в чьем облике несмотря на их скромное одеяние монастырский служка легко опознал воинов. Лишь один из них богатым одеянием выделялся на фоне неприметных спутников и, наглостью с которой он потребовал проводить их к настоятелю. Служка отправил монашка сообщить об незваных гостях, и настоятель на удивление принял их незамедлительно.

Свет проникал в маленькую келью через небольшое оконце в стене. Гости молча расселись на грубо сколоченные табуреты и так и сидели, не проронив ни слова, пока в келью не вошел молодой монах, облаченный в ветхую рясу. Его худоба, обтянутые кожей скулы, резко контрастировали с тучностью настоятеля.

— Брат Юлиан, — настоятель представил гостям тщедушного монаха.

Гости критически рассматривали Юлиана, никак не выражая своих впечатлений о нем. Только один из них, тот, что был чисто выбрит, с сомнением спросил:

— Вы уверены, что это тот, кто нам нужен?

— Он в совершенстве знает греческий, арабский и немецкий языки. Говорит на наречии куманов и русов, брат Яков, — сообщил настоятель.

Один из гостей заговорил с монахом сначала по-немецки, удовлетворившись ответом, перешел на арабский. Монах бойко отвечал, нисколько не смущаясь.

— Он нам подходит, — удовлетворившись ответами, сказал брат Иоанн.

Высокий, широкоплечий, заросший щетиной он совсем не походил на монаха, скорее на воина.

— Что ты знаешь о прародине мадьяр? — спросил монаха другой брат, которого настоятель называл Яковом.

— В древних книгах написано, что из некоей земли некогда вышли со своими родами семь мадьярских вождей, потому что их земля из-за многолюдства уже не могла вместить всех жителей.

— Хорошо, — брат Яков удовлетворенно кивнул.

— Брат Юлиан научит вас наречию куманов и русичей, — торжественно произнес настоятель. — А тебе, сын мой, — обратился он к монаху, — выпала великая миссия отыскать нашу прародину.

Глаза Юлиана радостно вспыхнули.

— По повелению нашего князя Белы, ты отправишься в далекое путешествие, чтобы нести свет христианства язычникам.

Четверо бородатых, заросших космами всадников в мирской одежде покинули монастырь в Пеште ранним утром, когда жители города еще спали и лишь монахи творили молитвы в это раннее время. Вряд ли кто узнал бы в крепком молодом человеке, уверенно сидящем в седле монаха Юлиана. За несколько месяцев молодой человек поправился, нарастил мышечную массу ежедневными изнурительными тренировками. Его спутники несколько не изменились, разве, что на вид стали еще свирепее и страшнее. Монастырская братия, встречаясь с новоявленными монахами, каждый раз испуганно крестилась. Эти страшные люди исчезли так же неожиданно, как и появились. Вместе с ними исчез Юлиан, с тех самых пор, как появились странные монахи, переставший разговаривать с братьями. Исчезновение Юлиана с звероподобными монахами перестали обсуждать уже к вечеру, напрочь забыв о нем.

Всадники держали путь в пределы Болгарского царства. В переметных сумках надежно спрятаны охранные грамоты и тайные послания его святейшества. Только Юлиан не мог знать о последних, искренне радуясь, что именно ему выпала возможность отыскать принести крест на прародину мадьяр. Через месяц путешественники достигли Константинополя. Юлиан с содроганием вспоминал болгарские земли. Многочисленные разбойники покушались на имущество и жизнь путешественников неоднократно. Господь защитил путешественников. Братья Иоанн и Яков еще с вечера заподозрили неладное. Хозяин таверны, где путешественники остановились на ночь, не внушал им доверия. Братья обратили внимание на его загорелые руки, крепкие со следами застарелых мозолей. Трактирщик отвел им скромных размеров комнатку на втором этаже с маленьким оконцем, сквозь которое едва мог втиснуться человек, если бы надумал бежать. Внутренний запор двери оказался сломан, о чем трактирщик с хмурым видом заранее предупредил, посетовав на буйство бывших постояльцев. Из мебели в комнатке наличествовал табурет, грозивший непременно развалиться, если им воспользоваться по назначению. Постели — обычные соломенные тюфяки, занимавшие практически все пространство пола. Брат Яков по очереди откидывал тюфяки в сторону исследуя доски пола. В одном месте он даже поскреб пальцем доску, переглянувшись с братом Иоанном. После молитвы братья дружно улеглись спать. Юлиан, утомившись за день, уснул быстро и спал так крепко, что не сразу проснулся, когда братья бесшумно поднялись с постелей. Яков заслышав осторожные шаги на лестнице, разбудил остальных братьев. В их руках появились кинжалы и, они замерли в ожидании. Дверь отворилась без скрипа, на что еще с вечера обратили внимание братья. В крошечной тьме не разглядеть, кто где лежит, но ночные гости хорошо знали расположение тюфяков в комнате. Человек уверенно ступил за порог, ударив копьём туда, где должен был лежать постоялец. Братья не стали ждать. Яков нанес удар, попав в горло, а брат Иоанн оттолкнул тело, бросаясь вперед. Он сбил с ног второго разбойника, обратившись к третьему, стоявшему в двух шагах от него со свечой в руке. Его несколько не смутило, что этим разбойником оказалась жена трактирщика, прислуживавшая им за ужином. Иоанн наступал на нее с намерением прирезать, когда из-за спины женщины выглянул пацан с арбалетом в

руках. Брат Иоанн изогнулся всем телом, когда господь предупредил его, что сейчас раздастся сухой щелчок знаменующий выстрел. Во всяком случае, потом он уверял братьев, что сам господь уберег его от смерти. Короткая арбалетная стрелка пронеслась мимо, с глухим стуком войдя в глинобитную стену. Брат Иоанн, бросился вперед, одной рукой вонзая кинжал в живот женщины, а другой, перехватывая свечу. Парень бросил арбалет, намереваясь удрать по лестнице, но кинжал брошенный братом воспрепятствовал его бегству. Брат Герард благоразумно остался в комнате вместе с забившимся в угол проснувшимся братом Юлианом. Остальные братья привели в чувство оглушенного разбойника и приступили к допросу. Герарда попросили присмотреть за Юлианом и не выпускать его из комнаты, пока не позовут. Пленник оказался родным братом жены хозяина таверны. Жил он неподалеку в своем доме. Семья промышляла разбоем несколько лет. Грабили избирательно и, до сего дня господь миловал — все проходила на редкость удачно. Яков при упоминании господя поморщился. Монахов интересовали ценности. Пленник упрямялся, пока Яков не вонзил кинжал ему в ягодицу. Брату пришлось несколько раз повернуть в ране узкое лезвие, прежде чем пленник сломался. Выкопав схрон, состоящий в основном из различных монет, и небольших кусков серебра, в том числе разрубленной на неравные части драгоценной посуды, братья прирезали пленника. Тела спрятали за стойку и, лишь после этого позвали остальных братьев. Юлиан, поскользнувшись на кровяных разводах на лестнице, побледнел. Молодой монах предпочел не спрашивать о судьбе хозяев, торопливо покинув помещение. Братья оседлали коней, спеша оказаться подальше от негостеприимного заведения.

В другой раз их остановили на дороге. Всадники долго расспрашивали — кто они, откуда и куда идут. Грамота, предъявленная им, полетела в дорожную пыль. Самый молодой из бандитов полез проверять дорожные сумы. Яков позволил ему развязать суму и, когда тот увлекся ее содержимым, метнул кинжал в ближайшего к нему всадника. Бросок сопровождался подсечкой, которой молодой бандит, рывшийся в суму, был повержен на землю. Удар ногой сломал упавшему шею. Брат Иоанн метнул свой кинжал одновременно с Яковом и, пока другой всадник тянулся к сабле на поясе, монах стащил его с лошади, свернув шею. Брат Герард тем временем необычайно ловко расправился со своим противником, с молитвой перерезав тому горло. Брат Юлиан не успел даже глазом моргнуть, как все было кончено. Трупы обыскали, забрав только найденные монеты.

— Не густо, конечно, но все же лучше чем ничего, — сказал брат Яков, пряча серебро в кошель.

Несмотря на опасности, путешественники благополучно достигли Константинополя в последние дни мая. Остановились на дворе братьев-доминиканцев. Брат Юлиан остался под присмотром брата Герарда. Формально главным был Юлиан, но за молодостью и неопытностью он уступил старшинство братьям. Однако монахи относились с большим почтением к нему, всячески демонстрируя, что именно он главный.

Иоанн и Яков исчезли на пару дней, не давая о себе вестей. Юлиан решил провести время с пользой, получив разрешение посетить библиотеку, вернее, то что от нее осталось. Франки содрали золото и серебро с древних книг, многие манускрипты погибли в огне, были растоптаны во время погрома, растащены уличными торговцами для фасовки орешков продаваемых в розницу. Состояние библиотеки расстроило брата Юлиана. Он сколько мог, вынес под рясой древние манускрипты, надеясь на благополучное возвращение в родной монастырь.

Братья объявились так же неожиданно, как прежде исчезли. Они принесли с собой мешки, в которых Юлиан нашел добрую одежду, более приличествующую богатым купцам, чем путешественникам. Переодевшись, братья спустились вниз, где их ждал скудный обед. Перекусив, они направились в бухту. Яков уверенно шел по пристани, отыскав среди прочих нужную им галеру.

Портовые грузчики таскали на нее тюки с тканями, корзины, ящики.

— Мы теперь купцы, — предупредил товарищей Яков. — Имена остаются прежними.

Юлиану оставалось только гадать, откуда появились деньги на дорогие товары. Больше всего его смутило, что галера отправляется в плавание. На улицах только и разговоров было о появлении флота Ватаци. Говорили, что взял он много приморских городов: Каллиуполь, Сист, Кардианы и другие, находившиеся поблизости, — одни силою и приступом, другие с их собственного согласия. Ходили слухи, что загорский царь обручил свою дочь Елену с сыном царя, Федором. Союз могущественных соседей поставил франков в опасное положение. Асень, до этого признававший власть папы, римского, решил отомстить за učinённую ему обиду. Загорский царь, опираясь на своих сторонников в Константинополе хотел стать опекуном при малолетнем Болдуине. Латинские бароны предпочли венгерскому королю его зятя, болгарского короля. Что бы соблюсти формальности они намеревались обручить Болдуина с дочерью Асеня. Однако не все латинские бароны поддержали такой план. Нашлись противники, которые, в конечном счете, и победили. При поддержке папы римского они протолкнули кандидатуру бывшего иерусалимского короля Иоанна Бриеня, изгнанного Фридрихом Гогенштауфеном и служившего начальником папских войск против Фридриха. В результате старик громадного роста, слывший опытным воином, был избран императором-соправителем, а его дочь должна была стать женой Болдуина по его совершеннолетию.

Все это Юлиан узнал от простых горожан, судачивших на улице. Монах просто ошалел от того, что вот так запросто сплетничают об сильных мира сего. В библиотеке старый служка рассказал еще про церковные новости. Про то, что в прошлом году после смерти архиепископа Василия, болгарский Архиерейский собор остановил свой выбор на Иоакиме, простом монахе, прошедшего до этого много времени на Святой Горе, — Юлиан уже слышал. До монастырей такие новости доходили. И про то, что выбор Собора был одобрен царём, Юлиан тоже знал. Иоаким отправился в Nikeю, где была совершена его хиротония, ознаменовавшая окончательный разрыв Болгарии с римской курией. Но буквально совсем недавно на церковном Соборе в Лампсаке за Тырновским архиепископом Иоакимом I было признано патриаршее достоинство. Новому патриарху помимо Тырновского и Охридского диоцезов были подчинены 14 епархий, 10 из которых возглавлялись митрополитами. Тырново давно уже превратилось в неприступный город-крепость. В тырновской сокровищнице в церкви Вознесения храниться большой патриарший крест из чистого золота и, имел он в середине частицу Честного Древа. Говорят, что сей крест, был сделан самим равноапостольным Константином. Юлиан внимательно слушал, как губка, впитывая информацию. Крест этот попал к болгарам в качестве трофея, когда они вместе с куманами разбили войска византийского императора Исаака II Ангела. В Тырнове церковью и кафедральный собор Вознесения и, множество мощей: преподобного Иоанна Рыльского, мощи святых Михаила Воина, Илариона, епископа Могленского, преподобной Филофеи Темницкой и преподобного Иоанна, епископа Поливотского. Все это свидетельствовало о политике загорских царей сделать Тырново Новым Царьградом.

Все это Юлиан вспомнил, глядя на удаляющийся Великий Город, где судьбой предначертано было ему побывать. В качестве сувенира молодой монашек увозил с десятков рукописей, украденных им из библиотеки. Грех этот Юлиан намеревался отмолить по возвращении из путешествия.

Глава 10. Битва под Торческом

Выслушав рассказ вестника, Михаил Всеволодович, отправил едва стоявшего на ногах от усталости огнищанина отдыхать, вручив ему за верную службу новые порты, а сам затворился с боярами и дружинниками на совет.

Утром князь проснулся рано и велел собираться. Его маленький отряд отправился в путь, не смотря на начавшийся снегопад. Через несколько дней они повстречали небольшой конный разъезд, оказавшийся половецким. Всадники покрутились вдалеке и ускакали прочь. Через несколько часов они вернулись, приведя подмогу. Михаил велел изготавиться к бою, но выжидал, неизвестно на что, надеясь. Сашка заметно нервничал и, его волнение передавалось его десятку.

От отряда половцев отделилась маленькая группа всадников. Вскоре они остановились в пределах слышимости. Один из них крикнул громким голосом:

— Кто такие, и куда путь держите?

— Ты вначале сам назовись, — выкрикнул княжеский воевода.

Половец в ответ рассмеялся.

Видя, как всадники потянулись за стрелами, Сашка поднял самострел на уровень груди. Парни последовали его примеру, а княжеские дружинники опустили копья, изготовившись для удара.

— Не хочешь говорить? — крикнул дерзкий половец. — Так мы тебя мигом заставим!

Его товарищи рассмеялись, полагая удачной шутку своего предводителя.

— Да как ты смеешь угрожать мне? — князь выехал вперед, держа в руке обнаженный меч. — Я Великий князь Черниговский Михаил, а ты сучий потрох, прах под копытами моего коня!

Половец мгновенно переменялся в лице. Вместо надменности натянув маску угодливости:

— Прости князь, обознался я, — сказал он, делая знак своим товарищам убрать оружие.

Он подскакал к черниговцам, остановившись напротив князя.

— Мы идем в поход на киевские земли, — сообщил он почтительно. — Дозволь проводить тебя к брату твоему?

— А что дружина моя? — спросил князь.

— С нами идет, — ответил половец.

— Сами дойдем, — буркнул князь недовольно.

Половец в ответ кивнул, но все равно выделил несколько всадников в провожатые.

Черниговский князь, воссоединившись со своей дружиной, возрадовался. Князь Изяслав, изгнанный со своего стола в Каневе галицким князем не подвел, привел с собой дружину и половцев. Вместе с ним пришли два половецких хана — родичи князя.

Канев открыл ворота без боя. Последние из Ростиславовичей, сыновья покойного Мстислава Мстиславовича Удатного затворились в Торческе, послав гонцов в Киев.

Торческ город стольный, с крепкими стенами, глубокими рвами и высокими валами. Половцы даже не собирались идти на штурм. Рассыпались по округе, занявшись грабежами. Богатое княжество уже несколько лет принадлежало Даниилу Галицкому и приносило хороший доход. Многочисленные стада скота достались половцам очень легко. Братья,

затворившиеся в городе, даже не помышляли мешать налетчикам. Пленников угоняли на глазах торческой дружины, не смевшей выйти за ворота.

Крестьян сгоняли к лагерю Михаила черниговского. Его воины в половецких забавах не участвовали. Князь повелел копать ров, перегородив им все пространство между двух древних курганов. Именно здесь Михаил намеревался дать бой.

Половецкие ханы, разграбив округу, собрались у Торческа, развлекаясь вызовом на поединки местных богатырей. Время от времени, кто-то из торческой дружины принимал вызов и тогда все население города собиралось на стенах, переживая за своего поединщика. В Торческе очень надеялись на помощь князя Даниила или Киевского князя. И каждый день, проведенный половецкими ордами под стенами града, приближал миг возмездия.

Наконец, в половецком лагере всполошились, степняки спешно седлали коней, готовясь к битве. Шло время. В Торческе князя спешно собрали дружину, кликнув охотников в помощь, терпеливо выжидая удобного момента, чтобы ударить в тыл половцам. На стенах обрадовано закричали, замахали руками, разглядев появившиеся на горизонте войска. Помощь пришла вовремя, запасов хлеба в граде хватило бы ненадолго, а половцы все никак не уходили.

Михаил Всеволодович верхом на коне объезжал ряды своей пехоты. Прямо перед рвом в первой шеренге он поставил всю молодежь, а за ними стояли опытные, закаленные в боях воины с длинными пиками в руках. На флангах князь разместил отряды конницы. Враг до поры не мог видеть всадников, укрывшихся за курганами.

Сашка со своим десятком стоял в первой шеренге, вооруженный длинной пикой и щитом, обтянутым кожей, окрашенной в красный цвет. Вой стояли, переминаясь с ноги на ногу, пытаясь хоть как-то согреться. Резкие порывы ветра хлестали по лицам, пронизывая хладом до самых костей.

— Скорее бы уж... — слышалось повсюду.

— Уф, как холодно... — стуча зубами, пробормотал безусый парень и уже громче спросил. — Долго нам тут стоять еще?

— Пока яйца не отморозишь! — звонким голосом выкрикнул кто-то.

— Гы-гы-гы, — нервным смехом ответили товарищи.

— Ты попрыгай давай, попрыгай, сынок — посоветовал парню, более опытный воин, притоптывая на снегу и хлопая себя по бедрам. — Как замерзнешь — прыгать уже бесполезно станет. Окоченеешь совсем.

— Семьон у нас свои яйца для врага бережет, — продолжали шутить молодые парни. — Ждет, когда ему их отстрелят.

— Я не хочу умирать, — в шеренге, совсем не далеко от Шемяки, вдруг захныкал другой парень.

Его товарищи всполошились: кто-то схватился за языческий оберег, кто-то прижал к груди ладанку, шепча молитвы, а пожилой черниговец из охотников похлопал парня по плечу, утешая словами:

— Смерть близка. Смирись. Смирение — добродетель.

Парень всхлипнул, кулаком размазывая сопли по лицу.

— Что там впереди? Рай? Вечное блаженство? Никто точно не знает, — истерично выкрикивал он, пиная свой щит, лежащий у ног. — Одно я знаю точно — там, впереди, — он нервно взмахнул рукой в сторону неприятеля, — меня ждут мучения, страшные раны, увечья. Зачем? Почему? Я не хочу умирать!

— Послушай меня, — ласково обратился к парню старший товарищ. — Я во многих сечах побывал за свою долгую жизнь. И не поверишь — ни одной раны не получил.

Парень с сомнением посмотрел на него.

— Не веришь? — усмехнулся воин. — Богородица видит, что правда сие. А знаешь почему не берут меня ни стрелы каленые, ни мечи острые?

Парень энергично закивал головой.

— Венчан я со смертью, — торжественно произнес воин.

— Это как? — спросили изумленные товарищи, прислушавшиеся к их разговору.

— А вот так, — довольный произведенным эффектом, ответил тот старательно стяхивая облепившие бороду снежинки. — Смерть обмануть можно.

— Да неужто? — ахнул кто-то удивленно.

— Она костлявая кого наперво забирает? — задал вопрос воин и сам же на него ответил. — Кто боится ее и противится ей. А ты не бойся. Смирись с ней.

— Все равно убьют, — сказал и, тяжело вздохнул парень.

— А зачем ты косою нужен? Если ты и так уже ее? — весело рассмеялся воин. — Она может и обождать. Меня вон, почитай тридцать лет все мимо обходит. А почему? Потому, что я ей не интересен.

— А я вот заговор знаю, — молвил еще один ветеран.

— Скажешь тоже, — насмешливо фыркнул молодой. — В сече верный помощник — это меч. Вот мой, — он обнажил свой меч, — он человек, как и я. Берегу его пуще сапог. Пока он в моей руке — со мной ничего не случится.

— Поди еще имя у него есть? — рассмеялись товарищи.

— Есть, — согласно кивнул он. — Только не скажу его, как не просите.

— А вот меня мой амулет спасает, — сказал до сего момента молчавший воин с изуродованным сабельным ударом лицом.

— Ты на себя посмотри, — рассмеялись товарищи.

Странно, но все эти разговоры об амулетах, заговорах и иных талисманах, затеянные опытными воинами из второй шеренги, благотворно подействовали на молодежь. Она успокоилась, получив надежду остаться невредимой.

С появлением князя разговоры смолкли. Михаил Всеволодович остановил коня, обратившись к воинам с речью:

— Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы на сопротивных даруя и Твое сохраняя крестом Твоим жительство, — Михаил закончил свою короткую пламенную речь словами молитвы.

Ожидание битвы не легко давалось молодежи. Нервный смех звучал повсюду, шутки так и сыпались одна за другой. Даже Костяжко, молот всякую чушь. Сашка чувствовал нервное напряжение, проявившееся в дрожании пальцев. От страха начали стучать зубы. Он плотно сжал челюсти, надеясь, что его слабость прошла незамеченной, но товарищам до его слабости дела не было. Им самим страшно.

И когда впереди показались бегущие сотни половцев, страх никуда не ушел, он остался с парнями, вот только проявился он по-разному.

— Мама... — кто-то всхлипнул совсем по-детски.

— Твою жжешь мать... — сквозь плотно сжатые зубы, процедил другой, крепче сжимая древко пики.

— Господи, прими душу раба твоего, — бормотал третий.

Каждый боролся со своими страхами по-своему. Стоять и ждать, когда на тебя налетит кованная рать — нет ничего на свете страшнее. Сашка бросил на землю щит и пику, схватившись за самострел. Парни последовали его примеру. Вот половцы, готовые ворваться в шеренги черниговцев, разом резко повернули в стороны, промчавшись мимо строя, а за ними ненамного отставая неслись на взмыленных конях воины галицкого князя.

Вжи-и-и-х, в небо взметнулась целая туча стрел. Лучники за спинами молодых княжьих слуг вступили в бой, взяв первую кровь. Не меньше десятка всадников полетели с коней, но остановить налетевший вал стрелы не смогли. Сашка выстрелил, тут же отбросив самострел. Нервно схватил пику и щит, едва успев прикрыться им. Он непроизвольно подался назад, когда перед ним выросла громада несущегося всадника с выставленной далеко вперед пикой. Сашка чуть отступил и почувствовал, как в спину уперлось, что-то острое.

— Колоть лошадей, — вдруг вспомнилось наставление сотника.

Всадник и Сашка почти одновременно выбросили руки вперед. Сильный удар чуть не опрокинул Сашку. Всадник для увеличения силы удара привстал на стремянах, толкнув пику вперед на всю длину руки. Тонкое четырехгранное лезвие легко прошло щит, уйдя под мышку. Сашкин же удар смазлся. Парень совсем забыл слова сотника и видел только глаза своего противника. В них и целил, но сила тяжести увела древко вниз, наконечник пики вонзился в бедро всадника, пройдя насквозь. Прежде чем конь разметал шеренгу, всадник глубоко насадился на утолщающееся древко, отчего мышцы и кожа с противным хрустом порвались, высвобождая из страшной рваной раны обгаренное кровью древко. Коня и всадника завалили бойцы второй шеренги.

— Стоять! Держать строй! — услышал Сашка истошный крик сотника.

Он с большим трудом поднялся на ноги. Всадник, сбивший его, лежал у ног, еще живой, громко вопя от боли. Сашка ударил ногой в висок, тот сразу умолк.

Костяжко, когда налетели всадники, сделал все правильно. Он не стал укрываться щитом, против хорошей пики щит не выдержит, да и силой он уступал Сашке — не мог удержать пику одной рукой. Взявшись за древко обеими руками, он поднял вверх руки, нанеся удар по лошади. Копье пройдя через основание шеи, пронзило ее насквозь, вонзившись в бедро всадника. А потом последовал мощный удар в грудь, выбивший весь воздух из грудной клетки и опрокинувший Костяжку на спину. Лошадь рванулась вперед, перепрыгнув через парня и пала замертво. Всадника сразу же изрубили бойцы второй шеренги.

Местятка помог подняться Костяжке. Парень еле стоял на ногах, пытаясь вздохнуть. Рядом с ним валялась злополучная пика со свернутым набок наконечником.

— Повезло тебе, паря, — сказал Местятка, глядя на нее. — Железо попало мягкое...

— Бог помог, — с трудом, едва дыша, ответил Костяжко.

Младший брат Черниговского князя, совсем не походил на Михаила. И ростом выше на полголовы, в плечах широк, как богатырь и силушкой бог не обидел. А лицом вылитая мать — дочь польского князя Казимира. От матери ему достались черные как смоль густые шелковистые волосы и прямой с маленькой горбинкой ястребиный нос. Коротко подстриженная широкая борода князя Андрея делала его похожим на деда — польского князя и, скрывала небольшие ямочки в уголках губ, которые в детстве так любила целовать его мать. Старший брат, как две капли воды похожий на своего отца, очень завидовал младшему и частенько поколачивал малыша из ревности. Но с возрастом ревность прошла, и Михаил часто выручал брата из разного рода неприятностей в которые младший из-за своей

бешабашности частенько попадал.

Братья наблюдали за сшибкой со склона кургана, откуда им хорошо видно все, а сами они оставались вне видимости противника.

— Выстояли! — радостно прокомментировал Андрей первый успех.

— Погоди радоваться, — остудил порыв младшего брата черниговский князь. — Это еще цветочки. Ягодки попозже будут.

Действительно, два десятка вырвавшихся вперед всадников не представляли грозной силы. Без брони, практически налегке, они далеко оторвались от своих товарищей. И ударили розно, понадеявшись на удачу. Лучники, стреляя против ветра, смогли сбить только двоих из них. Хотя Сашка мог бы поклясться, что атаковала их целая сотня и лучники сбили не менее трети всадников. У страха как известно, глаза велики. Князя смотрели на сшибку со стороны и страха не испытывали. Из двух десятков, атаковавших строй пешцев, назад откатилось лишь семь и то у двоих пали лошади, когда они доскакали до второй волны преследователей. Киевляне, а это были именно они, остановились, поджидая отставших товарищей. Ими командовал Ивор Юрьевич — смелый, отважный боярин киевского князя, но слишком горячий и безрассудный.

— Брат, — обратился Андрей к Михаилу, — мы должны быть там!

— Остынь, — ответил ему Михаил Всеволодович. — На твой век славы хватит.

— Зря я послушал тебя, — сказал Андрей возбужденно. — Эх, как бы я хотел оказаться там, в самой гуще сечи!

— Не будет сечи, — ухмыльнулся черниговский князь. — Мы их перебьем как быков на живодерне.

Братья видели, как киевский боярин отдавал приказы. Полусотня развернулась, намереваясь атаковать в сомкнутом строю. Ивор Юрьевич повелительно махнул рукой, и всадники пустили коней рысью, шагов за триста перейдя на галоп и, когда до строя пехоты осталось не больше ста шагов, всадники зычно гикнули, пустив коней в карьер.

— Хорошо идут, — восхищенно прокомментировал Андрей, страстно желавший прямо сейчас оказаться в гуще сечи.

Сам того не замечая, он горячил коня, жадно всматриваясь в разворачивающуюся битву.

Ивор Юрьевич мчался на врага, предвкушая сладостный момент сшибки. В битве, он больше всего любил эти мгновения атаки, когда горячая кровь прилиwała к голове, в висках стучало, а горячее сердце бешено колотилось в груди. Он взял пику на изготовку, наклонившись вперед, отведя локоть правой руки с тупым концом пики назад, а кисть крепко обхватила древко ногтями пальцев в верх, прижимаясь к груди на уровне соска. Вот он этот сладостный момент! Рука резко выбрасывается вперед и, граненый наконечник пики вонзается в грудь пешца, разрывая звенья кольчуги! Не зря он отдал за эту длинную полоску стали молодую кобылу, доставшуюся от убитого им пару лет назад утра.

Сашка, успел отойти от шока и уже спокойно выцеливал всадника на белом коне. Выстрелил и тут же бросил самострел рядом с разбитым щитом. В этот раз он взялся за пику правильно, высоко подняв руки над головой. Всадники налетели железным катком, в последний момент слаженно изменив направление атаки. Они разделились на две части, по косо ударив по флангам. Сашка ударил, вонзая пику в брюхо мчавшейся мимо лошади. Вообще-то он целил в шею, но удерживать длинную пику на весу могут только очень сильные люди. Силой бог его не обидел, а вот мастерство приходит с годами, после многочисленных изнурительных тренировок. С этим у парня были проблемы. Хорошо, хоть

попал в лошадь, которая кстати не пала, а продолжала скакать, врезавшись в шеренгу, сминая подвернувшихся пешцев.

— Держать строй! — вновь истошно завопил сотник.

Куда там... Киевляне прорвали шеренгу в нескольких местах. Сашка обернулся в пол-оборота, бросив быстрый взгляд на лежавшего на снегу Костяжку. Крови не видно, видно, удар злополучной пики, сломал ребра, не иначе. Сашка ободряюще кивнул ему, но парень не обратил на него внимания, глядя куда-то в сторону. Сашка посмотрел туда же и увидел, как чертовски ловко всадники орудуют своими длинными пиками, нанося не только колющие, но и рубящие удары. Один из отроков пал на колени с распоротым горлом.

Все перемешалось, его парни куда-то исчезли и, только Лавр стоял твердо на ногах, держа в руках свои топоры. Сашка бросился вперед, всадник, высоко подняв руку, сделал укол, но Сашка смог поднырнуть под пику, и сам ударил, почувствовав, как стальное жало вспарывает матерчатый налатник. В боку у лошади торчали как минимум две стрелы и один обломок пики, а она все не падала, даже молотила копытами, кусалась, не подпуская к себе. Всадник, успел сразить еще одного гридня, убеленного сединами опытного воина, потерявшего в пылу брани шелом. Гридень вонзил свою пику в шею коня, и в этот момент, всадник заколол его быстрым уколом в шею. Смерть товарища позволила Сашке подобраться ближе, он с силой вонзил саблю в брюхо лошади, с оттягом возвращая оружие назад. Из вспоротого живота выпали кишки, лошадь болезненно заржала, скакнула вперед и стала заваливаться в сторону Сашки. Всадник ловко спрыгнул с убитого коня. Сашка, не раздумывая, ударил саблей по шелому, тот и обмяк, свалившись под ноги.

— Строй держите, сучье племя! — продолжал орать сотник.

Оглянувшись, Сашка заметил, что пустоты в первой шеренге, заткнули бойцы из второй. Раз так, он потащил обмякшее тело назад, уложив его рядом с Костяжкой.

— Стереги, — велел он парню, связывая снятым поясом руки пленника, уже начинавшему приходить в себя.

В этот момент, дозорный на холме замахал стягом, сигнализируя, что появились основные силы преследователей.

— Скачи к ханам, — велел брату князь Михаил Всеволодович. — скажи, пусть обходят курганы стороной и зайдут в тыл.

— А если Даниил не клюнет? — озабоченно спросил Андрей.

— Клюнет, — убежденно ответил Черниговский князь. — Я его боярам столько золота отвалил...

— Так ты специально нас сюда послал? — удивленно спросил Андрей, глядя с восхищением на брата.

— А ты думал просто прогуляться? — со злостью в голосе ответил Михаил. — Я, брат, Чернигов отдал Мстиславу, столом пожертвовал, чтобы разом прихлопнуть Даниила. И ты, брат не подведи меня. Смотри, что бы никто живым не ушел. Бейте всех и полон не берите.

— Ну, брат, ты и голова... — с восхищением произнес князь Андрей и переспросил. — Неужто Чернигов отдал?

— Бояре градские давно на сторону Мстислава тянули... — признался князь. — Но не будем об этом. Как отдал, так и назад заберу, тем более старшинство за мной осталось. Спешь теперь.

Младший брат развернул коня. Михаил вдруг его остановил словами.

— Постой! Пусть ханы разделятся. Одна часть обойдет Торопец и переймет всех, кто

бежать вздумает, а в сам град оставьте коридор...

— Так затворятся в граде... — возразил Андрей.

— Пусть... — легко согласился старший брат и добавил со злостью. — Главное галицких переймите и, всех убейте.

Князь Андрей ускакал, и Михаил Всеволодович был уверен, что брат выполнит поручение...

Шеренги выровнялись, убитых и тяжело раненных отнесли назад, переправив их по мосткам через ров. Костяжко ушел сам, своими ногами, охая и кривясь от боли при каждом шаге. Порывы холодного ветра, трепали бороды, мокрый снег летел прямо в лицо.

— Метель скоро начнется, — убежденно сказал Ратмир, стряхивая снег с налатника.

— Начнется, — согласился с ним Сбыслав. — Но прежде мы поляжем все тут...

Действительно, впереди показались основные силы противника. Их было много. Очень много. Все конные. Самые зоркие даже разглядели стяги княжеские.

— Галицкий князь пожаловал, — сообщил Местятка, всматриваясь в даль. — А вона стяг киевского князя...

— Не устоять нам против такой силищи... — стуча молодыми и крепкими зубами, толи от холода, толи от накотившего страха, произнес Осип, крепко вцепившись в древко пика.

— И зачем нас тут поставили? — спросил Сбыслав. — Понятно же сразу, что против кованной рати нам не выстоять.

— А ты не трусь раньше времени, — крикнул Сашка, стараясь наигранной веселостью спрятать свои страхи. — Смотри, я сейчас всех распугаю!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он, сам не зная зачем, и почему он это делает, отдал пику соседу, повернувшись спиной к противнику. Развязал завязки штанов и спустил их, демонстрируя галичанам оголенный зад. Его примеру с веселым хохотом последовали многие отроки и даже оробевший Осип расхрабрился — заголил тощий зад, выкрикивая оскорбления в адрес врага.

Сашка ахнул, третья шеренга уходила по мосткам через ров.

— Вот суки, бросили, — подумал он со злостью.

Быстро натянув штаны, повернулся лицом к врагу и замер от ужаса. Всадники пришли в движение, набирая разгон. Атаковали они в сомкнутом строю, что делало атаку страшной до зубной боли. Расстояние отделявшее их быстро сокращалось. Сашка обернулся и увидел за спиной сотника с пикой в руках. Вторая шеренга уходила вслед за третьей...

— Спокойней сынок, — сказал сотник, заметив, что Сашка смотрит на уходящих бойцов. — Главное выстоять!

— Твою мать... — в сердцах выругался Сашка, и заорал что есть мочи, широко раззявив рот. — А-а-а-а-а...

Погоня за разбитыми половцами увлекла галицкого князя. Степняки даже толком не сражались, налетели пару раз на выстроившиеся для битвы полки, постреляли немного и бросились бежать, бросив обоз с награбленным добром и пленников.

Князь верил, что степняки от него не уйдут. Ведь половцы бежали, бросив заводных коней, а галицкие и киевские всадники их нагонят еще до темноты и тогда никто из степных разбойников не уйдет. И вот неожиданно для всех им заступили дорогу вои Изяслава, изгнанного им из Канева. Даниил видел его стяг, развивающийся на ветру. Князь осадил коня, поджидая отставших дружинников.

Вскоре подъехал киевский князь со своим сыном и боярами. Даниил торопился

наказать половцев, но боялся засады. Войско Изяслава не представляло серьезной опасности, наверняка большинство воев в нем — простые горожане. У Изяслава и в лучшие времена дружина была не велика — от силы полусотня, да вооруженных слуг, с десятка три-четыре, мог он выставить, не больше. Но надо же... стоит, преграждая путь...

— Что посоветуйте бояре? — спросил князь.

— Разведать бы надо, — предложил дядька, волынский воевода Мирослав, опытный и осторожный воин, служивший еще его матери.

Злые языки поговаривали, что после смерти старого князя, боярин справлял и особую службу, согревая ночами вдовью постель, пока мать не решила принять монашеский постриг. И даже теперь, Мирослав был частым гостем в монастыре. Но не было преданней человека на свете чем воевода Мирослав.

— Эх, уйдут половцы, — с сожалением произнес дружинник Волдриса.

— Как есть уйдут, — поддакнул боярин Григорий Васильевич.

— А если засада? — возразил Мирослав.

— Половцы бегут без оглядки, — возбужденно размахивая рукой, сказал другой старший дружинник Ивор Молибогович. — Веди нас князь и, мы разобьем этих пахарей!

— Что скажешь, Владимир Рюрикович? — обратился к киевскому князю Даниил.

— Послать бы на холм людей... — предложил осторожный Киевский князь.

— Зря время потеряем, — смело возразил его сын, Овручский князь.

— Веди нас князь и, мы разобьем этих пахарей! — необычайно громко, так что бы его слышали стоявшие неподалеку воины, вновь воскликнул Ивор Молибогович.

— Веди, князь, — вторил ему боярин Григорий Васильевич.

— Веди нас, княже! — воодушевленно кричал дружинник Волдриса.

Их необычный порыв поддержала вся дружина, дружно скандируя.

— Веди нас, князь!

— Будь рядом с князем, — тихонько шепнул волынский воевода тезке, верному Мирославу.

— Так, князь велел с киевлянами мне быть, — возразил дружинник.

— Глеб Зеремеевич сам управится, — настаивал воевода. — Чует мое сердце, не к добру это.

Воевода все-таки смог убедить князя не атаковать напролом. Часть киевлян ушла в обход кургана, чтобы зайти в тыл Изяславу, а сам воевода первым поведет сотни, но не атакует, а повернет перед воями Изяслава, проскакав вдоль шеренг. Если на флангах у Изяслава укрыта конница, то он свяжет ее боем, пока киевляне заходят в тыл, а если нет, то сомнет фланги пещев. Сам князь атакует центр, в последний момент сменив направление атаки ближе к флангам, а вторая волна конников сомнет центр. Волыняне останутся в резерве. Торческие князья, горя желанием мести, вызвались участвовать в атаке. Даниил великодушно разрешил им биться с ним рядом.

Михаил Всеволодович наблюдал за галичанами затаив дыхание. Вот обнесенные снегом всадники разъехались по сотням, готовясь к битве. Кружившие перед строем пещев разведчики быстро вернулись к своим сотням. Кони медленно набирали разгон. И вот уже тяжеловооруженные всадники перешли в карьер, по звуку рога слаженно повернув в стороны. Маневр удался на славу, вот только встретили их дружинники Изяслава и воины черниговского князя. Они сошлись в отчаянной рубке, но постепенно шаг за шагом, волыняне стали теснить дружину Изяслава. И тут воевода привстав на стременах углядел

вырытый ров за спинами пешцев, и понял, какая страшная опасность поджидает его князя.

Даниила нужно срочно предупредить, но пока старый воин отбивался от наседавших дружинников Изяслава, драгоценное время было упущено. Выпустив из руки рукоять меча, Мирослав потянулся за рогом, но рука нащупала только обломок. Воевода вздрогнул. В горячке боя он совсем не заметил удара, перерубившего рог. Он перевел взгляд на идущих на таран всадников, с болью смотрел, как дружинники князя с оглушительным грохотом врезались в поредевший ряд пешцев. Мощь боевых коней не остановят жалкие ряды редких пик. Пешцев разметали по сторонам, стоптали конями, пронзили пиками, и богатырские кони рухнули в глубокий ров, насаживаясь на врытые в землю заостренные колья. Те, кто смог остановить безумный бег, столкнулись с другой опасностью. Чудом выжившие пешцы, побросав бесполезные теперь пики, набросились на всадников, вспарывая животы лошадей, подрубая ноги, разя всадников и стаскивая их с коней.

Галичане отбивались, яростно рубя противников направо и налево, но стрелы лучников, выстроившихся за рвом, превращали битву в настоящее безумие. Утыканные стрелами, раненные мечами и саблями, обезумевшие кони вставали на дыбы, молотя копытами друг друга. И в этом аду демонами из преисподней, залитые кровью с ног до головы носились отроки Мстислава Черниговского, одержимые только одной мыслью — убивать. Даже получив смертельную рану, они продолжали биться, стараясь забрать с собой своего врага. Совсем молодой парень, с рассеченным сабельным ударом лицом, атаковал спешенного галичанина столь яростно, что смог сбить опытного воина с ног. Всадник, оказавшийся рядом, махнул саблей и кисть отрока отлетела в сторону, продолжая сжимать затупившийся меч. Тогда отрок упал на колени и зашелся в яростном крике, молотя фонтанирующим обрубок по лицу галичанина. Они так и остались лежать на залитом кровью снегу, обнявшись — полумертвый гридень галицкого князя и совсем еще безусый отрок Михаила Черниговского.

Сашка не понимал, что он делает. Громко кричал выставив перед собой пику, и успел попрощаться с жизнью, когда лавина всадников чуть не врезалась в него. Причем, казалась, что опущенные пики направлены именно в него, и всадники жаждут пронзить, растоптать именно Сашку, а не соседа, подпиравшего плечо. Резкий звук рожка, глубоко печатался в память парня, продолжая звучать в голове.

Всадники, вдруг резко повернули в стороны, разделившись на два отряда. Они врезались во фланги, а вместо них, когда все пешцы, как один, вздохнули с облегчением, побросали пики, творя молитву господу, налетела вторая лавина. Сашка закричал, предупреждая товарищей, но те и сами все видели. Молодые парни в панике забыли об оружии, бросились в рассыпную, стараясь уйти из-под удара.

Выбирать не приходилось. Один в поле не воин.

— За мной! — выкрикнул Сашка, бросаясь к всадникам, прорвавшимся на фланге.

Ему казалось, что он принял правильное решение, умирать не хотелось, а оставаться на месте — смерти подобно. Сердце бешено колотилось в груди. Вес и мощь скачущих во весь опор лошадей заставили многих потерять голову. Кто-то, бросив пику, спрыгивал в ров, кто-то, как Сашка с товарищами, устремился на фланги, вступая в бой с остановившимися всадниками. И лишь самые удалые и отчаянные, сбившись в кучки, встретили врага ошестинившись редкими пиками, но смельчаки были сметены налетевшими всадниками.

Сашка без оглядки бежал по утопанному снегу. Один из всадников, справившись с утыканной стрелами лошадью, повернул назад и Сашка как назло оказался у него на пути.

Галичанин, выставил пику, прищпорив коня, вдруг просвистела стрела, вонзившись в спину всадника. От удара, дружинник с пронзенным сердцем рухнул на шею коня. Сашка пробежал мимо, атакуя еще одного всадника, пытавшегося справиться с взбешенной лошадью. Счастливо избежав удара копытами, Шемяка уклонился от удара мечом, в свою очередь рубанув по шее коня. Ударил и отскочил, уворачиваясь от клинка другого всадника промчавшегося рядом. Первый же повернул коня, и Сашка оказался зажат между ними. Крутясь юлой отбил рубящий удар, другой и пропустил колющий. Броня остановила клинок, но Сашка почувствовал тупую боль в спине. Он резко повернулся, успев крепко схватить галичанина за запястье. Резко дернул на себя, одновременно ударив рукоятью меча в лицо. Второй всадник в этот момент снова рубанул и Шемяка едва успел прикрыться телом галичанина, выдернутого им из седла. Всадник снова рубанул, заставив Сашку выпустить тело и отпрянуть назад. Конь, оставшийся без седока, мотнул головой, сбивая парня с ног. Падая, Сашка успел заметить, как, стрела пронзила грудь гридня. Всадник сторяча выдернул ее. Слабый стон дружинника никто не услышал, но Афанасий, оказавшийся неподалеку, заметил, как воин качнулся, судорожно вцепившись в переднюю луку седла. Он хищной птицей метнулся к всаднику, конь заржал, предупреждая хозяина об опасности, словно предчувствуя беду. Всадник сплюнул кровь, поднимая руку для удара, но силы покинули его, меч выпал из слабеющих пальцев. Цепкие, полные силы руки выдернули из седла, и смерть пришла за мгновение, когда Афанасий сильным ударом вонзил острый нож прямо в висок гридня.

Конское ржание, звон железа, яростные крики атакующих, нечеловеческий вой искалеченных в битве — все перемешалось. Сашка, как многие, перестал соображать, впад в безумие, убивая и калеча, больше не обращая внимание на вражеские удары. И каждый из них мог быть последним. Об этом он не думал, не до того было. Слух притупился, Сашка не слышал, как протрубил рог, подавая сигнал к атаке. Не видел он сотни Михаила Всеволодовича, летевшие по склонам холмов, зажимая полки галицкого князя в клещи. Весь ход сражения для Шемяки сузился до нескольких квадратных метров, до противостояния с одним или двумя противниками. Даже смерть Сбыслава, павшего от меча опытного галицкого воя, оставила Сашку равнодушным. Он только крепче сжал рукоять меча, решительно атакуя убийцу парня. Шемяка не чувствовал ненависти, просто так случилось, что они оказались по разные стороны и в живых должен остаться только один. Вонзив клинок в горло врага, Сашка уже привычным движением провернул его вытаскивая из раны и оставив убитого шел дальше в неизвестность...

Отважный галицкий князь всегда был на острие атаки, ведя за собой дружину, личным примером воодушевляя воинов на победу. И в этот раз Даниил Романович был как всегда впереди. Пешцы врага в испуге разбежались, князь плеткой нахлестывал гнедого коня, торопясь сразить врага и, лишь чудом избежал смерти, когда верный боевой товарищ споткнулся и, проскакав еще несколько метров тяжело рухнул. Князь перелетел через голову коня, ударившись о землю. Ему повезло, скакавшие следом дружинники заметили падения князя и расступились, обходя по сторонам. Раненный конь с переломанными ногами жалобно ржал, глядя на князя умными глазами. Верный Мирослав оказался как всегда рядом, остановив лошадь. Дружинник видел, как товарищи попали в ловушку, а потом услышал сигналы боевого рога, не предвещавшие ничего хорошего. Мирослав убедился, что князь жив и цел. Дружинник поднял бесчувственное тело князя на спину смиренно стоящего коня и успел-таки вывезти князя в безопасное место, прежде чем ловушка захлопнулась. Его

пытались преследовать, но бросили это дело, когда от полков киевского князя отделилась большая группа всадников, поспешив на помощь.

— Что с князем? — выкрикнул Глеб Зеремеевич, поравнявшись Мирославом.

— Слава богу все нормально, — ответил Мирослав. — Господь уберег нашего князя.

— А почему он... — начал было спрашивать боярин.

— Ошеломило князя знатно, — перебил его дружинник.

Доскакав до своих, Мирослав остановил коня, позволив гридням опустить князя на землю. Кто-то из них заботливо постелил снятый с себя плащ, под голову Даниила положили скатку. Стали натирать снегом лицо. Князь очухался, схватившись за голову.

— Живой князь! — раздались радостные крики.

— Что? Почему? — вопрошал галицкий князь, крутя головой.

— Коня под тобой подстрелили, а тебя ошеломило при падении, — сообщил ему Мирослав.

— Мы победили? — задал Даниил, сильно волнующий его вопрос.

— Нет, княже, — просто ответил дружинник.

— Так что вы тут стоите? — возмущенно воскликнул князь, делая попытку подняться.

— Бежать надобно, — глядя в лицо с трудом стоящему на ногах князю, сказал Ивор Молибогович.

— Мне? Бежать? — воскликнул князь гневно. — От кого?

— Черниговский князь прелесть сотворил, — смело ответил боярин. — Вон его стяг развивается...

— Да как смеет Мстислав слово свое нарушить! — сверкнув очами воскликнул князь

— То не Мстислав, — с усмешкой произнес боярин.

— Не Мстислав? — повторил князь с удивлением.

— Михаил Черниговский, — сказал до сего момента молчавший киевский князь.

— Так чего ты тут стоишь? — вскипел князь Даниил.

— Жду, — ответил Владимир Рюрикович.

Галицкий князь возмущенно мотнул головой и потребовал:

— Коня мне!

Ему подвели коня, уступленного дружинником. Князь, отринув помощь гридней, самостоятельно сел в седло, и обратился к воям со словами:

— Воину, устремившемуся на брань, или победу прияти, или пастися от ратных.

Больше князь ничего не сказал. Развернул коня, и поскакал туда, где шла лютая сеча. Глеб Зеремеевич повел свою сотню в бой, вслед за князем. И только отряды некоторых галицких бояр остались на месте.

— Уходим? — спросил княжеский дружинник Волдриса, злоумышлявший против князя вместе с братьями Молибоговичами.

— В Галич, — велел Ивор Молибогович, поворачивая коня.

Отряды галицких бояр уходили на виду у киевского князя и его дружины.

Молодой Овручский князь волновался, горячил коня в ожидании приказа атаковать противника. Но отец медлил, выжидал. И дождался. На горизонте появились скакавшие во весь опор всадники. Они принесли дурную весть:

— Разбиты! Агаряне там нас поджидали, — тяжело дыша, сказал едва державшийся в седле раненный десятник.

— Сколько их? — быстро спросил побледневший киевский князь.

— Тьма тьмушая, — ответил десятник и повалился с седла без чувств.

— перевяжите ему раны, — велел Овручский князь и повернулся к отцу.

— Что скажешь, Великий князь? — официально обратился к отцу Ростислав.

— Уходим, — совсем тихо ответил Великий князь Киевский.

Его бояре облегченно вздохнули. Вязываться в заведомо проигрышную битву никому не хотелось. Киевские полки развернулись и начали отступать, сохраняя порядок. Неожиданно они были атакованы налетевшими как саранча половцами, следовавшими рядом с отступающими киевлянами. Киевляне теряли коней, людей, но сохраняли порядок. Дружина овручского князя прикрывала фланг, неся наибольшие потери. Когда справа от киевлян показались половецкие всадники, первым их заметил киевский боярин Ивор Юрьевич.

— Князь! — окликнул он Владимира Рюриковича. — показывая рукой на появление новой угрозы.

Киевский князь обернулся и посмотрел, куда указывал боярин. Печать страха опустилась на чело Великого князя, он до боли закусил губу, и вдруг, в его руке появился кинжал. Он срезал тесемки на броне и сбросил доски наземь. Затем пришпорил коня, пуская в галоп. Следом за князем скидывали брони его бояре, скакавшие рядом, и вот уже киевляне расстроили порядки. Отступление мгновенно превратилось в бегство, чем непременно воспользоваться половцы, сблизившись до опасного расстояния. Теперь их стрелы наносили максимальный урон, впиваясь в незащищенные тела, пробивая кольчуги, разя лошадей. Все больше всадников падало оземь, сраженные стрелами, раненные лошади теряя силы останавливались или просто валились. Отставшие дружинники провожали тоскливым взглядом пронесившихся мимо товарищей. Редко кто останавливался, чтобы подобрать соратника. Животный страх завладел душами киевлян.

От жгучей обиды и бессилия Овручский князь прокусил губу, он видел, как рядом падали его дружинники, и когда первая стрела хищно впиалась в бок его лучшей лошади, князь принял решение.

— За мной! — громко крикнул он, бросаясь на половцев.

Его слышали, за ним пошли. Поредевшая Овручская дружина пошла в атаку на половцев. Князь бросил последний мимолетный взгляд, надеясь отыскать в мешанине скачущих во весь опор всадников отца, но не смог найти его. Видимо шелом и ярко красный плащ последовали за досками брони.

Вытащив пику из кожаного стакана, Ростислав мчался на врага, одержимый только одной мыслью — убить как можно больше половцев и дать отцу убежать. Он прекрасно понимал, что преследование вот-вот превратиться в резню и жертвовал собой и своей дружиной, чтобы спасти отца, спасти киевлян.

Половецкий хан заметил отделившийся отряд и быстро прокричал команду. Его люди, повинаясь приказу, не стреляли во всадника в ярко красном плаще и золоченом шеломе скакавшего далеко впереди своих людей. Когда молодой князь оказался совсем близко, половцы вдруг рассыпались и князь, увлеченный атакой, не сообразил, что попал в западню. Стоило ему миновать расступившихся половцев, как они разделились, встретив в пики мчавшихся за князем дружинников. А сам князь так и не успел сразить ни одного врага. Его конь дико заржал от боли, от утыкавших тело стрел. Он совершил большой скачок и остановился, когда перед ним оказался половецкий всадник, шутя отбивший пику овручского князя. Громадная палица опустилась на лошадиную морду. Лошадь от испуга

опрокинулась навзничь, и князь вместе с нею упал на землю. Затем она вскочила и ускакала, а Ростислав остался стоять окруженный врагами.

— Хороший сегодня день, Ростислав, — довольно скалясь, шепеляво обратился по-русски половецкий хан Тугоркан к князю.

Ростислав не ответил, вместо этого он схватился за саблю.

— У тебя есть выбор, — продолжил говорить хан, сделав предупреждающий знак воинам.

Половцы натянули свои тугие луки, следя за движениями князя, поворачивающегося за ханом, кружившим как коршун вокруг своей жертвы.

— Сдавайся или умри, — Тугоркан обозначил нехитрый выбор для князя.

— Отец отомстит за меня, — выкрикнул гордый князь.

Ответом ему стал издевательский смех.

— Ты не посмеешь, — уже не так уверенно сказал Ростислав.

— Надеешься на отца? — рассмеялся Тугоркан и резко оборвал смех.

Его худое морщинистое лицо стало серьезным, большие серые глаза смотрели на молодого князя с презрением.

Воины добивали последних дружинников отважного, но глупого князя.

— Отец обязательно вернется, — выставив саблю перед собой, сказал Ростислав.

Он хотел в это верить, надеялся, что гибель дружины не напрасна.

Половецкий хан широко улыбнулся, демонстрируя выбитые в молодости передние зубы.

— Тебе не удалось перенять отца, — в словах Ростислава чувствовался вызов.

Тугоркан вновь рассмеялся.

— Мышь сама бежит в мышеловку! — сказал хан сквозь смех.

Ростислав взмахнул саблей, но лучники не стреляли.

— Сдавайся или умри, — повторил хан перестав смеяться.

— Отец обязательно узнает, — упрямылся князь.

— Да? — на мгновение на смеющимся лице хана проявился волчий оскал. — А кто ему расскажет? Может он? Или он? — Тугоркан тыкал толстым пальцем в своих воинов.

Те по очереди открывали рот, демонстрируя отсутствие языков, что сильно забавляла хана.

— Поганые измаилитяне, — с ненавистью буркнул себе под нос Ростислав, бросая саблю.

Хан направил коня на князя и тому пришлось отскочить, когда конь боднул головой. Тугоркан пнул ногой в лицо князя, свалив его на землю.

— Свяжите его и охраняйте, — велел он воинам.

В этой битве черниговский князь вел себя не совсем обычно. Он не сражался в первых рядах, как было в пору его молодости и даже совсем недавно под стенами Чернигова. Но там другое дело — поручить это другому значило потерять лицо, а князю важно было воодушевить воинов. Теперь все иначе. Свирепый Изяслав так и рвался в бой, так отчего не пойти ему навстречу. Его воины погибли первыми. Сам Михаил пожертвовал только отроками, да охочими землепашцами, вооруженными за счет князя. Их не жалко. Да и не все они погибли. С высокого места князь осматривал поле битвы, отдавая команды. Это было не привычно. И приносило плоды. Князь Даниил попал в расставленную ловушку как неразумная птица в силки.

— Стрельцы, — отдал очередное распоряжение князь.

Лучники, повинувшись команде, стали спускать вниз повозки, реквизированные ранее у населения — черных клобуков. Когда повозки дотащили до места, лучники быстро разобрали лежащие в них луки с бобровыми тулами. Князь не случайно отбирал только лучших стрельцов, на них возлагалась важная задача. Обозники забрались на повозки, положив щиты на плечи. На них посадили стрельцов, вставших в полный рост. С высоты своего положения, для стрельцов враги были как на ладони. Защелкали тетивы, смертоносные бронебойные стрелы пробивали кольчуги, и дощатые брони. Опустошив тулы, стрельцы спрыгивали, и на их место заступали другие со свежими силами. Среди галичан и вольнян нашлись свои лучники, и арбалетчики, они даже сумели сбить парочку черниговских стрельцов, но быстро были подавлены ответными выстрелами.

— Пора, — в нараставшем возбуждении произнес черниговский князь, протягивая руку за шеломом.

Отрок подал шелом, другой подвел княжеского коня, покрытого кольчужной сеткой. Князь сел в седло легко и непринужденно, недовольно оттолкнув сунувшегося было помочь отрока. Обернулся, чтобы посмотреть на дружину. Все уже в седлах, приготовились к атаке. Лица полны решимости умереть за своего князя. Михаил отобрал самых опытных из старшей и младшей дружины. Они — лучшие, в лучшей броне, на лучших конях, покрытых кольчужными сетками и железными налобниками. Большая сотня — сто и еще двадцать воинов, каждый из которых в бою стоил пятерых.

— Труби! — велел он трубачу.

Долгий протяжный звук рога возвестил о намерении князя атаковать. Там, внизу, его услышали. Спешенные дружинники, перестали атаковать, уйдя в оборону. Князь послал коня вперед, начиная разгон. Трубач вновь протрубил сигнал. Лавина всадников неслась по склону холма во весь опор. Ноздри князя трепетали в предвкушении битвы. Рука крепко сжимала выкрашенное в красный цвет древко пики. Михаил страстно желал сразиться с Даниилом и раз и навсегда решить давний спор ольговичей с романовичами за Галич. Михаил, как старший в роду ольговичей вот уже двадцать лет ждал этого момента.

Даже попав в окружение войско Даниила продолжало сражаться. Черниговский князь отдал должное галицкому князю — его полки не дрогнули. Набранные из среды горожан, в основном это были младшие сыновья ремесленников, хорошо вооруженные и одоспешенные, они в военном отношении значительно превосходили городское ополчение, но уступали профессиональным воинам. Это, можно сказать, была мобильная пехота. И если бы не случайность — пехота оставила свои самострелы в обозе, то сейчас у Даниила был бы шанс на победу. Галицкие вои видя поспешный отход дружинников черниговского князя, пошли в атаку, стараясь разорвать кольцо окружения. Усиленные всадниками, они почти-что прорвались, и даже смогли расширить место прорыва, заплатив за это дорогую цену. Галицкий князь, бившийся в первых рядах, увидел надвигающуюся опасность. Он громко кричал, отдавая команды.

Пехота выстроила заслон, закрывшись щитами и оцетинившись короткими копьями, вперемежку с длинными пиками, подобранными на поле боя. С десятков воев бросились к повозкам, намереваясь посесть черниговских стрельцов. У повозок сразу завязались одиночные схватки. Обозников частью посекли, остальных разогнали. Конная лава прошла мимо повозок, оставив вступивших в рукопашную схватку стрельцов в стороне.

Конная атака отборной черниговской сотни все изменила в один миг. Заслон прорвали,

и битва распалась на многочисленные групповые и одиночные схватки. Буквально за мгновения до столкновения, от галицкого войска отделилась небольшая группа всадников, умчавшись прочь от битвы. Уходить они могли только в одну сторону, вдоль тылов черниговцев по направлению к ловушке, а там им пришлось резко свернуть вправо, уходя от черниговских всадников, заметивших их и бросившихся на перерез.

Уставший воин брел по утопанному множеством ног снежному полю, перешагивая через поверженные окровавленные тела. Кровь была повсюду, на снегу, на брошенном оружии, расколотых щитах, на людских телах, изуродованных войной. Отрубленные пальцы, кисти рук, ноги, размозженные головы и искалеченные тела, усеявшие поле битвы, оставляли его равнодушным. Тусклый ничего не выражающий взгляд скользил от одного тела к другому. Слабые крики раненных о помощи изредка привлекали его внимания, он подходил к ним, только чтобы добить очередного несчастного.

— Это вам за Сбыслава! — безумно бормотал Сашка опуская топор на голову бедолаги. — А это за Ратьшу...

Перед взором парня все еще стояли удивленные и не верящие с случившееся глаза Ратьши, когда он склонился над раненым, чтобы перевязать рану. Все-таки все они русские люди, христиане, а еще рек Господь наш "И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними". Раненый отблагодарил по-своему — вонзил кинжал в грудь парня. Тут Сашка, стоявший рядом, и слетел с катушек.

— Все, все... Хватит! — крепкие руки Местятки, незаметно подошедшего сзади обняли Сашку, удерживая от удара.

Раненый торк, уже попрощавшийся с жизнью, не верил в свою удачу, смотрел широко открытыми глазами на возвышавшихся над ним забрызганных с ног до головы воинов.

— Я сдаюсь, — по-русски, но с небольшим акцентом выкрикнул он. — Я хорошо заплачу.

Сашка сверлил пленника безумным взглядом, и был этот взгляд страшен. Пленный видел в нем свой приговор и только руки второго воина, цепко удерживающие безумца, могли спасти от смерти. Сашка сделал попытку вырваться. Местятка держал крепко, шепча на ухо успокаивающие слова. Постепенно их смысл стал доходить до Шемяки, и он выпустил топор из руки, без сил опустившись на снег рядом с пленником. Местятка отряхнул от снега поднятую тут же высокую черную шапку, очень похожую на папаху, нахлобучив ее на голову Сашки, и занялся ранами пленника.

К ним подошли Лавр с Осипом, ведя перед собой еще одного пленника в некогда богатом доспехе, теперь значительно посеченном. Кузнец потерял один из своих топоров, получив ранение в левую руку. Тряпица, которой он перемотал рану, насквозь пропиталась кровью. Доспех зиял многочисленными прорезами, но кузнец твердо стоял на ногах. Он первым заметил скачущих всадников, и быстро толкнул Сашку, привлекая внимание. Всадники мчались прямо на них и явно были врагами.

Торк тоже заметил всадников и ухмыльнулся злорадно. Местятка ударил его по лицу латной рукавицей и просипел угрожающе:

— Лежи тихо — не то прирежу.

Они разошлись по сторонам, как будто пропуская всадников, и когда те приблизились, разом метнули сулицы. Всадники промчались мимо. Один упал с коня, сбитый метким броском, второй остался в седле, но был ранен, припав к гриве коня, а третий не успел соскочить с павшей лошади, и был придавлен всей ее массой. Остальные прорвались, даже

не обернувшись посмотреть на товарищей. Лавр метнул топор в спину всадника. Последние всадники проскакали мимо них. Сашка последовал примеру кузнеца, впрочем, не надеясь на попадание. Однако сумел попасть в последнего всадника. Тот проскакал еще несколько метров и завалившись на бок, выпал из седла. Парни, радостно вскрикнули приветствуя меткие броски. Бросок Лавра, как и Сашкин, был точен. Парини бросились ловить коней, пока конные преследователи беглецов не отобрали их законную добычу.

Дружинники черниговского князя, преследуя врага, предвкушали победу. Беглецам бежать было некуда — впереди ров. И каково было их удивление, когда те совершили отчаянный поступок — попытались перескочить ров. Результат был плачевный. Лишь один всадник, чей конь оказался более свежим и не отягощен кожаной попоной, предохраняющей от сабельных ударов и стрел, сумел совершить невероятное. Его конь перепрыгнул ров и, всадник, раз другой, рубанув мечом по головам нескольких раненных черниговцев, вставших у него на пути, быстро ускакал. Черниговские дружинники пустили ему вслед несколько стрел, да видно промахнулись.

Сашка уже только потом узнал, что этот счастливчик был сам князь Даниил. Без него битва скоро закончилась. А всадник, сбитый с коня метким броском, оказался его воеводой.

Глава 11. Раздача слонов

Разобравшись с галицкими полками, Черниговский князь поспешил к Торческу, где укрылись войска киевского князя. Михаилу уже сообщили о пленении Ростислава. Сам Владимир Рюрикович укрылся в граде.

Торчеськ, как все степные города, больше походил на становище кочевников, в русской его части имея крепкие стены и башни. За крепкими стенами града и укрылись киевляне, набившись в него, как сельди в бочке. Они потеряли множество людей и коней, и все свои товары доставшиеся половцам.

О сыновьях Мстислава управлявших градом, вестей не было. Может погибли, а может попали в плен. Киевский князь возглавил оборону города, но быстро понял, что дело это бесполезное. Запасов провианта, как ему сообщили, хватит на три дня, максимум на неделю. Попытка прорваться из города оказалась не удачной. Их ждали. Воины гибли один за другим и вот уже сам князь бился в окружении. С ним оставалось совсем не много воинов и, князь попробовал прорваться, так как половцы не стреляли по ним, намереваясь пленить. Он вырвался из окружения один, нахлестывая коня, стараясь уйти как можно дальше. Но раненный стрелой конь терял силы и вот уже половцы окружили князя. Пришлось князю сдаться в плен... И кому? Поганым измаилитянам, беззаконным половцам!!!

В маленькой палатке, доставшейся Сашкиному десятку в качестве трофея было тесно. В ней разместили раненных пленников, способных заплатить за себя выкуп. Один из них был очень плох. Волынский воевода Мстислав, пестун галицкого князя, обезножил. Топор ударил обухом в спину, повредив позвоночник. И преклонные года воеводы вызывали у Сашки большие сомнения в его выздоровлении. Был бы тут рентген, да врачи хорошие... а так, приведенный Осипом лекарь только глянул на Мстислава и покачал головой, признаваясь в беспомощности. Сашка зашел навестить воеводу, рассказывавшего удивительные истории из своей долгой и полной опасностей жизни. Эти рассказы проливали свет на многое. Сашка слушал внимательно, стараясь запоминать имена и события. В Галиче не все так просто. На сильное и богатое княжество претендовали многие. Суздальские князья часто вмешивались в разборки, но не явно, а все больше оказывая помощь одной из сторон. Венгерская партия имела большой вес. Многие их бояре прочно осели в Галиче, породнившись с местной элитой. Были еще польская партия и черниговская. И даже северские князья претендовали на галицкий стол. Отец союзника Михаила Черниговского даже княжил в Галиче, что давало его сыну право на княжение. Право-то давало, да сил у него не было. В Галиче бояре заправляли всем. И если хочешь стола Галицкого — умеи договариваться с боярами. Мстислав только плевался, когда речь зашла о предательстве галицких бояр в бою. Сашка высказал предположение, что он бы легко справился с боярской вольностью. Это вызвало смех у старого воеводы, относившегося к нему с отеческой теплотой.

— Казнить неудобных бояр можно, — сказал он, отсмеявшись, — Ужо пробовали ольговичи...

— И что? — разом насторожился Сашка.

— Кхех... — старый боярин закашлялся.

Сашка терпеливо ждал. Справившись с кашлем, воевода начал очередной рассказ.

Три брата, северские Игоревичи взяли жесткий курс на репрессивную политику по отношению к местному населению, прежде всего, к боярству. Пострадали многие: одних братья казнили, другие разбежались, спасая свои жизни. Они вскоре вернулись. В военном походе против Игоревичей приняли участие венгерские войска короля Андрея, отряды Сандамирского правителя Лешко Белого и дружины некоторых русских князей. Венгры пленили двух братьев, а третий, Владимир, правящий в Галиче и более всех ненавидимый народом, бежал. Народ на Вече постановил выкупить у угров пленников и подвергнуть суду. Более всего от жестокости князей пострадали галичане: именитые бояре и простые горожане, но и пригороды Галича страдали от злодеяний князей, заключавшихся в жестоких расправах над неугодными, конфискации их имущества, насилии по отношению к женщинам.

Воевода чуть сгущал краски, скорее всего, северские князья просто взяли под свой контроль управление волостью, направив поток доходов из карманов бояр в свои собственные. За что и поплатились. Вече санкционировало кровную месть — князей подвергли ритуальному избиению и повесили на дереве.

История интересная и весьма поучительная, но дослушать ее до конца не дал Местятка, примчавшийся с известием, что князь Михаил требует Сашку к себе. И не просто требует — прислал двух гридней!

— Пойдешь? — с тревогой спросил Местятка.

Сашка задумался. С одной стороны не всякого десятника могущественный князь желает видеть. С другой — зачем гридни? Больше походит на арест. За что? Добычу они взяли по праву, по уговору с князем. А то что много ее — так и бились они славно, живота не жалея. Разве вызнал князь про волынского воеводу? Нет не должен. То, что это воевода знает только он один, да пленники, лежащие рядом с волынянином. А их стерегут. Тогда что?

— Пойду, — ответил он решительно. — Говори где гридни.

— Так вон они, — махнул рукой Местятка. — Тебя дожидаются.

Княжеские дружинники, которых он сразу окрестил как "старый" и "молодой", очень уверенные в себе вои, болтая с Ратмиром спокойно дождались, когда десятник оседлает лошадь и отвяжав коней от коновязи, не касаясь стремян лихо взлетели в села. Сашка так не мог. Он прикусил губу, поймав насмешливый взгляд разудалого гридня, ещё раз окинул взглядом парней, провожавших его и, хлестнул плёткой коня. Гридни умчались следом за ним.

В Торческе не протолкнуться, город буквально кишил воинами: русские, половцы, ковуи. Несколько дней назад тут начали хоронить погибших. Их было не так уж и много. Сашке казалось, что погибшие должны исчисляться тысячами, а на деле погибло не многим больше три с половиной сотни. И это с обеих сторон! Зато раненных — тьма тьмущая... Проехали мимо церкви, там как раз погребали очередных бедняг, скончавшихся за ночь. Каждый день кто-нибудь да умирал. Кладбище у храма увеличивалось в размерах, и это при том, что хоронили в общих могилах.

Добравшись до детинца, они спешили, оставив коней у коновязи. Молодой гридень резво взбежал на высокое крыльцо, исчезнув за обшитыми медными листами крепкими дубовыми дверями.

— Верно не бедное княжество, — подумал Сашка, оглядываясь по сторонам.

Ждать пришлось долго. Гридень появился внезапно, все также бегом спустившись по ступенькам резной лестницы.

— Велено ждать, — сообщил он, усаживаясь на лавку рядом с товарищем.

— Раз велено — подождем, — со всей невозмутимостью, на какую оказался способен, ответил Сашка, равнодушно пожимая плечами.

Время текло медленно. Сперва он гадал, зачем его хочет видеть князь. Слишком уж мелкая он фигура, что бы сам черниговский Великий князь хотел его совета. Для этого у князя есть бояре многомудрые. Тогда, может быть, поступит предложение перейти на постоянную службу? Нет. Для этого вызывать к князю нет необходимости. Воевода мог решить этот вопрос самостоятельно. Остается одно... У Сашки засосало под ложечкой от предчувствия чего-то нехорошего.

Громко хлопнула дверь, во дворе залаяла собака, остальные псы, до этого мирно лежащие на снегу, громко вторили ей, собравшись у подножья крыльца. Зазевавшиеся псари бросились удерживать злых псов, когда, громко ругаясь, по лестнице стал спускаться коренастый степняк в лихо сдвинутой набекрень папахе и, черной косматой бурке, накинутой на плечи.

— Да пропади оно все пропадом! — выкрикнул он, со злостью пиная рвущегося к нему пса.

— Гляди-ка, — неожиданно сказал молодой товарищу. — Осерчал князь...

— Этот половец князь? — подавшись вперед, спросил Сашка.

Действительно, когда незнакомец посмотрел в их сторону, стало видно, что он не степняк — загорелое лицо с изрезанным глубокими морщинами лбом, гладко выбритая голова, с оставленным клоком волос над левым ухом, густая, не свойственная половцам поседевшая борода наполовину скрывала несколько припухший бордовый шрам, протянувшийся наискосок через все лицо, отчего искалеченный фиолетовый нос выглядел очень ужасающе.

— Князь, князь, — закивал головой дружинник, после того как половец отвернулся от них.

— Так вроде ханы у них, а не князья, — заметил Сашка, глядя в спину удаляющегося князя.

Тот, дойдя до коновязи, неожиданно остановился, да столь резко, что слуга следовавший за ним, нечаянно налетел на князя, за что получил плетью по спине.

— Из резанских князей он, — с интересом наблюдая за избиением слуги, ответил гридень.

А его молодой товарищ добавил:

— Константином звать, — и чуть помедлив, дал исчерпывающую оценку князю. — Злодей он.

Старый гридень скорчил гримасу отвращения:

— Одно слово — изгой.

Сашка окинул взглядом двор, обратив внимание, что почти вся княжеская дворня побросала дела и с интересом наблюдала, как князь-изгой остервенело лупит плетью своего слугу. Смотреть на издевательства не было сил и, Сашка расправив плечи двинулся вперед.

— Он в своем праве, — предупредил его молодой. — В наказании раба вины нет.

Сашка резко остановился, но было поздно. Высокий воин, в точно такой же папахе как у князя, заметил его, тыча плеткой в сторону Сашки. Константин сильно пнул, валявшегося у ног слугу, свернувшегося клубочком и тихонько постанывавшего от боли. Посмотрел на смельчака сердитым оценивающим взглядом, остановив взор на заткнутом за пояс кинжале.

Расплылся в довольной улыбке. Тут с крыльца окликнули Сашку:

— Шемяку князь кличет!

Гридни уже поднявшиеся с лавки, встав за спиной парня еще раз предупредили:

— Не надо. Не связывайся, — в голос сказали они и потянули его за собой.

— А это кто с ним рядом стоял? — поинтересовался Сашка пока они поднимались по ступенькам.

— А еще один изгой, — последовал быстрый ответ.

— Их у князя много, — угрюмо согласился старый дружинник.

— Не любишь ты их, — заметил Сашка.

— Не люблю, — угрюмо согласился дружинник, — Такие изгои хуже зверя лютого, наводят половцев...

Разговор прекратился сам собой, когда они вошли в терем, где гридни очень вежливо отобрали у Сашки саблю, но оставили кинжал. Князь сидел в просторной, но низкой горнице за широким дубовым столом, положив руки на столешницу. Перед ним лежала книга в кожаном переплете богато украшенном золотом и камнями. Пальцы, униженные перстнями, нервно постукивали по ней в каком-то особом, то затухающем, то убыстряющемся ритме.

— Звали? — спросил Сашка, видя, что князь в глубокой задумчивости никак не обращает на него внимания.

Михаил Всеволодович находился в плохом настроении. Долгожданная победа над давним врагом не принесла радости. Даниил выскользнул из рук. Воеводы его или бежали, или сидят под крепким замком. Киевский князь убежал в Киев, а сын его попал в руки половцев, и те, возомнили о себе не весть что... Продолжают грабить землю, жгут поселения и угоняют скот и уже пленили массу народа. Изяслав спит и видит, как вокняжиться в Галиче и жаждет мести. Михаилу с большим трудом удалось уговорить мстительного князя уступить галицких пленников. За это пришлось отдать часть своей добычи.

Изгои совсем с катушек слетели. Константин обнаглел — потребовал отдать ему торчешское княжество. Пришлось осадить зарвавшегося князя, которого, собственно и князем назвать трудно. Скорее бек половецкий.

Князь мысленно вернулся к событиям дня. Юрий Мстиславич, сын покойного Мстислава Мстиславича Удатного признал старшинство Михаила и просил оставить ему Торчешское княжество, естественно, как наместнику, а не как удельному князю. Мысль оставить за собой княжество неотступно преследовало князя, но нельзя просто так взять и присоединить его к Черниговщине. Распоряжается княжеством киевский князь.

— Киевский князь... Киевский князь, — напряженно думал Михаил Всеволодович. — Взять Киев и сесть самому на столе? А удержу?

— Так, что насчет просьбы моей? — дерзко спросил пленный князь.

— Признаешь меня отцом? — пытливо глядя в отливающие зеленою очи князя, задал важный вопрос Михаил.

— Охотно, — нисколько не колеблясь ответил князь Юрий.

Черниговский князь усмехнулся в бороду.

— Вот так же охотно, ты три зимы назад признал старшинство Ярослава Владимировича получив из его рук Псков, а через год, когда тебя поперли из него, ушел под руку князя Даниила, — думал Михаил Всеволодович.

Черниговский князь медлил с ответом, наблюдая за реакцией Юрия Мстиславича, стоявшего напротив с гордо поднятой головой. Михаил медлил. Налил вина в кубки, жестом

приглашая Юрия выпить. Тот не стал отказываться, выпил до дна, пристально глядя на Михаила.

— Нахал, — заключил Михаил Всеволодович.

Смелость сына Мстислава нравилась князю. Решение было принято. Осталось озвучить его, но что-то удерживало князя.

— Мой брат убит злодейским образом, — решительно сказал Юрий Мстиславович. — Я требую суда!

— Он погиб в битве, — заметил князь ровным голосом.

— Не правда! — чересчур резко возразил Юрий. — Он был ранен и был без оружия.

Говоря это, он подался вперед, поднеся руку к груди. Глаза князя полыхнули недобрый огнем, пальцы крепко сжали серебряный кубок, смяв тонкие стенки.

— Он погиб в битве, — настойчиво повторил черниговский князь.

— У меня видаки есть, — ослепленный гневом, выкрикнул Юрий Мстиславович.

— Приводи их завтра. Выслушаю, — согласился Михаил Черниговский.

После ухода Юрия Мстиславовича, в горнице собрались бояре: великие и не очень. Князь позвал их чтобы изложить суть дела, прося совета.

— Не можно пустить Изяслава в Галич, — первым высказался боярин Варфоломей Кормиличич.

Остальные бояре и старшие дружинники, присутствующие на совете, согласно закивали головами.

— А если Изяслава посадить на Киевский стол? — предложил Максим Лукинич, самый молодой из бояр черниговского князя.

Михаил Всеволодович сам уже думал об этом. Изяслав в Галиче наломает дров, мстя за своих дядьев и потеряет княжение. Сам же Михаил должен сделать выбор между столь желанным Киевом и Галичем, где ольговичи имели свои интересы. Терять уникальный шанс Михаил не собирался, но не заручившись поддержкой своих бояр и дружины рисковать не имело смысла.

— Торческ хочу под себя забрать, — ввернул Михаил, когда бояре спорили насчет похода на Галич.

— Торческ принадлежит Киеву, — заметил Варфоломей Кормиличич.

— Ну и что? — мягко возразил Максим Лукинич. — Владеет-то им Даниил.

— Владел, — поправил боярина князь.

— Дозволь, княже слово молвить? — спросил один из любимых дружинников князя.

— Говори, — разрешил Михаил Всеволодович.

— Мыслю я, надо идти на Киев и брать всю землю Киевскую.

— С половцами Киев взять — на раз — поддержал дружинника Максим Лукинич. — Кьяне сами позовут тебя князь.

— Как позовут, так и выгонят, — вставил свое слово другой дружинник, уже более двадцати лет верой и правдой служивший черниговскому князю.

— Что-то я не узнаю тебя Глеб Сигурдович, — ехидно заметил Максим Лукинич. — Али состарился?

— Рука моя тверда! — жестко урезонил молодого боярина старый воин.

Глеб Сигурдович сын известного в свое время бойца, обладал отцовской силой и хитростью северян, помноженной на половецкое коварство. Мать его — дочь половецкого хана, убитого Сигурдом в честном поединке.

— А коли не веришь — готов доказать на деле, — с ничем не прикрытой угрозой в голосе сказал Глеб Сигурдович.

— Да ладно тебе... пошутил я — поспешил примириться молодой боярин.

— Шутники все на полке стоят, — проворчал Сигурд.

Максим Лукинич побледнел. В Чернигове всем известно пристрастие Глеба к черепам поверженных в поединках богатырей. Из них он делал чаши и любил бережно перебирать их долгими зимними вечерами, рассказывая детям и внукам увлекательные истории из своей бурной молодости.

— В Киеве садить на стол надо Изяслава, — убежденно заявил дружинник. — Без наших мечей он там долго не усидит...

— И отдаст Торческ князю! — продолжил за дружинника Варфоломей Кормиличич.

— А самому в Галиче сесть, — закончил мысль князь.

— Звали? — видя, что князь находится в задумчивости и никак не обращает на него внимания Сашка настойчиво повторил вопрос и видя, что князь наконец-то заметил его, поприветствовал. — Буди здоров, князь.

— Ты почто князя убил? — сухо спросил Михаил Всеволодович, поворачиваясь к Сашке.

— Я? Какого князя? — ошарашенно спросил парень.

Глава 12. Птица вольная

Небольшой отряд всадников выехал из лагеря черниговцев под Торческом ранним утром. Впереди на пегой кобыле скакал молодой парень в половецком платье. Впрочем, большинство его товарищей мало чем отличалось от половцев — все те же япончицы, кривые сабли на боку, зачехлённые луки и тулы со стрелами притороченные к седлам, походные сумы полные припасов на дорогу, свернутые одеяла и другие полезные в пути вещи. В середине колонны ехали привязанные к седлам пленники. С обеих сторон их сопровождали молодые парни, добродушно беседующие с пленниками. За ними следовали сани полные добра, укрытым рогожами. Замыкал колонну воин в меховом налатнике зияющем огромной прорехой на спине, через которую была видна добрая кольчуга. Шелом воина болтался левом боку лошади, а справа висела огромная секира, рукоять которой любовно поглаживала рука всадника.

Один из пленников вырвался вперед, поравнявшись с передним всадником.

— Там, за рощей, начинаются моя земля, — сказал он с тревогой в голосе.

Сашка вздрогнул. После встречи с черниговским князем он питал неприязнь к дубовым рощам. Облыжно обвиненный в убийстве одного из сыновей Мстислава Удатного, он остался жив благодаря великодушию и справедливости князя. А ведь вполне могли и повесить в священной роще на ветвях столетнего дуба. Они как раз проезжали мимо этой рощи, где испокон веков совершались ритуальные казни злодеев. Принцип талиона в древнерусском обществе понимался двояко. Иногда в буквальном смысле. На Сашку, как на убийцу, указывал кинжал, висящий на поясе. Он ему достался от убийцы Ратьши. Кто знал, что тот воин был не простой, а самый настоящий князь. И вел он себя подло, не покняжески. Нашлись видаки, свидетельствовавшие против Сашки. Якобы убил он уже сдавшегося и безоружного князя. Естественно видаки — все поголовно люди брата покойного князя. И болтался бы он в петле, если бы не парни, свидетельствовавшие в его пользу, да пленный торк Чурнай, служивший покойному.

Михаил Всеволодович рассудил, по справедливости. Сашку признали не виновным, но бояре князя настоятельно советовали на время исчезнуть. Юрий Мстиславич затаил обиду и от мести не откажется. И черниговский князь ему не указ. Юрию подсластили пиллюлю, пообещав оставить Торческ, где пока управлять останется княжеский наместник.

Сашка решил убраться подальше от кровника. Чурнай предлагал выкуп за себя, но за ним надо было ехать.

Повсюду земля несла на себе следы набега половцев, разоренные селения славян сменялись зимними кочевьями черных клобуков, где уже успели побывать налетчики. Несколько раз им встретились окоченевшие трупы. Торк Чурнай мрачнел, глядя на замерзших соплеменников, скрипел зубами и тяжело вздыхал, переживая за свою семью. Будучи кошевым он нес ответственность за сохранение рода. Половцы угоняли скот и пленников, причем к пленным они относились хуже, чем к скотине. Из полусотни молодых и здоровых парней, попавших к ним в руки через несколько суток едва пара-тройка могла передвигать ноги. Остальные замерзали на холодном ветру или погибали от сабли половчанина, когда тот видя, что пленник обессилил, мимоходом сносил ему голову.

Предчувствие торка не обмануло. Налетчики добрались и до его становища. Это было видно по свежим следам, на которые они наткнулись. Местятка вызвался на разведку и

принес плохие вести.

— Половцы! — сообщил он по возвращении. — Там за курганом роща, в ней просека широкая прорублена, прямо вдоль ручья. Становище там. Я близко-то не подбирался. Половцы озоруют.

Чурнай не выдержал, заскрежетал зубами, зарычал как смертельно раненный зверь.

— Точно половцы? Не ковуи? — наконец справившись с собой спросил он.

— Что я родовые знаки не знаю, что ли? — обиженно ответил Местятка. — Точно не ковуи.

Собственно, для Сашки разницы нет — половцы, ковуи-ли, а вот для остальных разница была существенной. Черниговские ковуи произошли от одного из торкских родов породнившегося с черниговским князем. Со временем от него отделились семьи: могуты, татраны, щельбиры, ольберы, топчаки, ревуги.

— Уходим? — предложил Местятка.

Сашка думал, смотря на почерневшего лицом Чурная.

— Лучше уйти от греха подальше, — сказал свое слово Осип.

Сашка посмотрел на Ратмира.

— Половцы яко стая крылатая, пустошат землю почище саранчи, — сказал парень. — Не видать нам окупа с торка. По уму нам уходить надо. Не ровен час — наскочат, посекут саблями.

— Так они же союзники, — возразил Сашка.

— Тю... союзники... — презрительно скривился Местятка.

— Эхма, молодежь, молодежь... — церковный служка Василь осуждающее покачал головой. — Ума может у вас и много, а сердца совсем нет. Там же люди гибнут, божьи твари, православные.

Краска стыда залила лицо Сашки. Торки мало чем отличались от половцев, все-таки дальние родичи, но вера у нас с ними одна — православная. Братия во Христе, одним словом.

Он подошел к торку, продолжавшему сидеть на лошади. Вынул из-за пояса тот самый кинжал и перерезал путы на руках и ногах.

— Местятка! — окликнул он парня. — Освободи остальных и дай им оружие.

— Век благодарным буду! — торжественно произнес Чурнай.

— Мы атакуем! — вынес решение Сашка.

Но прежде, он собрал совет, где каждый смог высказаться. Даже торки, но за них слово держал Чурнай.

— Я с тобой, дед, Костяжко оставлю. — сказал Сашка вольнскому воеводе. — Самострелы дам на всякий случай, если у нас, что не заладится, то...

— Иди с богом, сынок, — ласково глянув на Сашку сказал воевода. — Меч мой только оставь. Если умру, то с оружием в руках.

— Оставлю, — пообещал Сашка и помолчав, смущенно сказал. — Ты, дед если живы останемся волен идти куда вздумается. Окупа мне с тебя не надо.

— Куда мне идти... — с печалью в глазах сказал воевода. — Я свое отбежал.

— Отвезу тебя куда скажешь, — быстро произнес Сашка. — Ты прости меня.

— Бог простит, — ответил воевода Мирослав и дал на прощание совет. — Половцы они как одичалые собаки — сильные в стае. Убей вожака. Жестоко убей. Остальные подождут хвост и заскулят. Ты понял? Жестоко!

Широкую просеку они перегородили как могли санями. Коней отвели в лес привязав к деревьям. Сашка разделил людей по парам, велел незаметно окружить становище, а сам верхом на коне, взяв с собой только Чурная в качестве переводчика неспешно поехал к становищу. Половцы их заметили. На встречу вылетели три всадника. Сашка продолжал ехать шагом с невозмутимым видом. Чурнай заметно нервничал, то и дело скрипел зубами и посылал проклятия на головы налетчиков.

— Стой! — выкрикнул один из половцев по-русски.

Он держал в руках лук, и готов был пустить стрелу в любой момент. Его товарищи тоже готовы были к стрельбе.

Удивление, проявившееся на Сашкином лице, вызвало смех среди них. А удивиться было чему. Один из них был определенно славянином и говорил без акцента, характерном для степняков.

— Стою, — согласился Сашка сгибая руки в локтях, чтобы натянуть поводья.

Чурнай, как прирожденный всадник, остановил свою лошадь иначе.

— Слазь с коня, — велел стрелок, чуть шевельнув наполовину натянутым луком.

— Кто тут старший? — спросил Сашка не подчиняясь.

— А ты кто? — спросил стрелец.

— Я? Князь Александр я! Шемякой кличут, — громко выкрикнул Сашка.

У Чурная челюсть отвисла при этих словах. А стрелец только заржал.

— Такой князь мне не ведом! — крикнул он.

— Ты всех князей знаешь? — нагло спросил Сашка, пытаясь заговорить зубы противнику.

— Ну... — протянул тот ослабевая тетиву.

— Не веришь? Посмотри! — парень протянул руку демонстрируя золотой перстень на большом пальце.

Этот перстень из золота он нашел на заколдованном острове и никому не показывал. Еще в пыточной камере в Резани он заметил такой же на руке резанского князя и у остальных князей были подобные. Изображение на Сашкином перстне отличалось от других, но не на много — все та же загогулина с отростками.

— Брось его мне, — велел стрелец.

— Ага, разбежался, — фыркнул Сашка. — Только шнурки поглажу...

Шутку не оценили. А тем временем половцев стало значительно больше, и они почти окружили их.

— Ладно, хватит балагана, — с улыбкой произнес Сашка. — Сам-то, кто будешь?

— Кюр я, боярин князя Константина.

— Изгоя что-ли? — догадался Сашка.

Боярин не ответил, сверля мрачным взглядом наглеца. Рука вновь потянула тетиву.

— Вы грабите моих людей, — поспешил сказать парень.

— Хватит, надоело, — зло произнес боярин.

— Сдавайтесь! — выкрикнул Сашка, стараясь унять дрожь в руках.

— Чего? — опешил боярин и потом, когда до него дошло вся нелепость подобного предложения громко рассмеялся.

— Не правильный ответ, — сказал Сашка спешиваясь.

Он сделал несколько шагов в сторону боярина, надеясь, что его наглое поведение

вызовет растерянность среди половцев.

— А за неправильный ответ надо платить, — громко, что бы все слышали, сказал он, подходя к боярину. — Жизнью.

Говоря это, он вытащил пистолы из-за пояса. Торки Чурная, которым было поручено следить за сигналом, пустили стрелы и два половца вскрикнули. В их спину вонзились смертоносные стрелы. Степняки закричали, и Сашке пришлось громко заорать, пытаясь перекрычать их:

— А еще я колдун и страшно голоден! — это он уже крикнул по-половецки, заранее заучив фразу.

Боярин с перекошенным лицом собирался пустить в него стрелу, но не успел. Сашка выстрелил первым. От грохота выстрела лошади взбесились. Несколько всадников выпали из седел, но степняки слишком хорошие наездники, им удалось остановить лошадей, но только для того что бы погибнуть от стрел.

Чурнай умудрился удержать своего коня в повиновении и быстро опустошал тул, а когда стрелы кончились, взялся за саблю.

Боярин, когда его кобыла встала на дыбы, кулем свалился на землю. Свинцовая пуля попала в подбородок, оставив на лице огромную рану. Сашка не обращая внимание на стрелы, летевшие в него со всех сторон, наклонился над убитым. Он это делал впервые и неумело. Но справился быстро, благодаря огромной силе в руках. Голова боярина взметнулась вверх, насажанная на пику. Так он и стоял, потрясая головой и орал благим матом, а стрелы отскакивали от него не причиняя вреда.

— Колдун! Колдун! — проняло половцев, и они начали сдаваться.

Нервное перенапряжение дало о себе знать. Ноги самопроизвольно подкосились, Сашка упал на колени выпустив из рук пику. Чурнай со своими торками вершил месть и парням с трудом удалось остановить их. Был момент, когда торк чуть было не набросился на Местятку и только вмешательство Лавра спасло парня. Кузнец метнул топорик, сбив Чурная с ног. Торк с воем катался по снегу, а его люди опустили сабли и Местятка поспешил обезоружить их.

Сашка понимал чувства торков. Половцы, ворвавшись в зимовье вырезали всех, оставив только молодых и сильных. Пленников даже успели заковать в оковы.

Местятка от пленных половцев узнал, что побили они людей князя Константина и ошалел от новости. Пришлось Сашке наводить порядок в своих рядах. Парням не хотелось сориться с князем-изгоем. Они нервничали. Как мог, Сашка успокоил их. А тем временем вернулся Ратмир, отправленный за санями. Волынский воевода вместе с Костяжкой отличились. Три половецких всадника не смогли справиться с понесшими лошадьми и выскочили на них. Одного они убили, у других подстрелили лошадей. Ратмир нашел придавленного половца под убитой лошадью, и оставил там, связав руки, а второго пришлось искать в лесу, куда он убежал. По следам на снегу беглеца отыскать было не сложно, тем более степняки не приучены к пешим прогулкам. Ратмир настиг его и всадил стрелу в спину.

Сашка размышлял над судьбой пленников, когда к нему обратился Чурнай.

— Отдай мне пленников, — потребовал торк. — Христом богом прошу, отдай!

Не трудно представить, что с ними собирался сделать торк. Из всего рода в живых остались только он и два взрослых воина и молодежь не старше пятнадцати лет. Чурнай потерял мать, жену, трех маленьких сыновей. Один из них был младенцем, родившимся по осени.

— Коней отдам, серебро отдам, себя отдам, — дико вращая яблоками в глазницах умолял торк. — Только, прошу, отдай мне их!

— Хорошо, — не раздумывая согласился Сашка. — Отныне вы все — мои, а пленники — твои. Делай с ними, что хочешь.

Волынский воевода Мирослав осудил Сашку.

— Это люди Константина, а он зло помнит, — предупредил он.

— А что мне их отпустить прикажешь? После всего, что они тут натворили? — резко ответил Сашка.

— Отпускать их не следует, — мягко заметил воевода. — Просто бы убил и все.

— Добрый ты, старик, — огрызнулся парень.

— Ты не хочешь посмотреть, что с ними сделают торки? — предложил воевода.

— Нет, — Сашка отрицательно помотал головой.

— А ты сходи, посмотри, — посоветовал старик. — Торки теперь рабами твоими станут, а Константин коли узнает — шкуру живьем сдерет.

— Господи, что делается! — в полуземлянку, сквозь низкую и узкую дверь протиснулся Василь причитая. — Прости их господа, не ведают, что творят.

Чурнай мстил. Мстил за род, за жену, за детей. Пленников избили до потери сознания. Били грамотно. Сашка, вышедший посмотреть на казнь, стоял в сторонке, рядом с Лавром. Потом пленников одного за одним укладывали лицом на землю. Все торки мужского пола, включая детей, подходили к ним и наклонялись над телами. Каждый, по очереди, вырезал ремень из спины, плюнув на кровоточившую рану.

Александр Борисович Шемяка смотрел на это и не мог оторваться. Пленников после истязания повесили на деревьях, а дергающиеся в конвульсиях тела расстреляли из луков.

— Боже мой, — завороченно прошептал Сашка.

Теперь он знал, что ждет его, если попадет в руки Юрия Мстиславовича или не дай бог в руки Константина Владимировича. Сашке уже поведали про него многое. По матери он потомок суздальских князей, а прабабка у него — так вовсе половчанка, дочка главного половецкого хана. То-то Сашке показалось, что Константин на половца похож. Но это все лирика. Этот князь вместе с братом хладнокровно вырезал остальных своих братьев. Бог ему судья. Только посмотришь на расплодившихся князей — всяк себе удел требует и тянет одеяло на себя.

Татары скоро на Русь придут, а они знай ратятся между собой. Еще половцев наводят на Русь. Искать понимания у князей — пустая трата времени. Сашка это уже понял. Остановить татар мог только он один. А что он может? Без людей, без денег, без положения в обществе? Был десятником на службе у Черниговского князя — так чуть жизнь не потерял. Бог с ней, со службой. Теперь он сам по себе.

В зимовье они оставались не долго. Похоронили родичей Чурная и, помолясь богу, отправились в дорогу. Осип смотрел хмуро и старался держаться подальше от Сашки. С вечера черниговец вдруг с того не с сего, потребовал выделить ему причитающуюся долю, объявив о своем уходе. Для Сашки его решение, что громом среди ясного неба. Глядя на Осипа засобирался Мирошка.

— Оженюсь, избу поставлю, — мечтательно делился своими планами Осип. — Добра глянь сколько — продам и буду жить припеваючи. И батя мне не указ!

Сашка внимательно слушал, следя за реакцией своего маленького отряда. Черниговец — человек свободный и вправе поступать, как ему вздумается. Осип исчез в одну из ночей.

Вместе с ним ушел Мирошка. Парни забрали коней и свои доли в добыче.

Торки предлагали догнать их, но Сашка отказался от погони.

— Пусть идут, — разрешил он. — Это их выбор.

До Киева добирались долго. Земля повсюду несла следы набега половцев. И лишь городки, защищенные стенами, остались не тронутыми. В них нашло убежище местное население — тем, кому повезло не попасться в руки половцев. Гарнизоны таких городков, обычно малочисленные, предпочитали открыть ворота Михаилу Всеволодовичу. Князь удовлетворенный принесенными подношениями, оставлял в городке наместника и двигался дальше, следом за ордами ненасытных половцев. Городки, большие и малые, падали к его ногам, как переспелые груши.

Старый боярин охотно беседовал с Сашкой, проявлявшим любознательность и удивление. Словоохотливый старик поведал о многом. Теперь Сашка хорошо представлял Русь, где князья и их кланы боролись за первенство, общерусскую власть и Киев. Вот только на кой он им сдался — Сашка так и не мог понять. Пожалуй, среди потомков Ярослава, лишь Ольговичи сохранили родовой порядок замещения столов — они долгие десятилетия держались и продолжают держаться за лестничное восхождение. Прочие кланы уже давно держаться за принцип "отчины" и родового старейшинства. Впрочем, дисциплина в кланах хромает. Разве, что черниговские ольговичи традиционно держаться сплоченно, но и у них, как и в других кланах, сиюминутная выгода и личный интерес стоят выше общерусских интересов. О чем Сашка не преминул заметить воеводе, на что получил огорошивающий ответ:

— А нет общерусских интересов, — с печалью в голосе молвил воевода. — Прошли те времена, когда князья едины были... И были ли...

— Ну как же... — попытался возразить Сашка. — В степь половецкую князья совместно ходили? Ходили!

— Так и сейчас ходят, — ответил воевода.

— В смысле? — не понял Сашка.

— Ходят говорю в степь.

— ???

Воевода, усмехнувшись, на немой вопрос Сашки, хитро прищуриваясь пояснил:

— Караваны торговые встречаются. Чтобы половцы, значит, не ограбили торговых людишек.

Сашка только качал головой. Понятно зачем князьям Киев... Днепровский путь. Экономика определяет политику. Злато и серебро всем нужны.

Старый воевода охотно рассказывал о Черниговском и иных княжествах, но упорно не хотел говорить о своем князе. Сашка не настаивал. Еще найдутся желающие, свет не без добрых людей. Кстати, о черниговщине. Парень обратил внимание на систему обороны княжества. Князья усердно создавали укрепленные городки на востоке и на юге и совсем не заботились о своих западных рубежах. Этот рубеж был таким захолустьем... И что интересно землями в той стороне владели киевский и черниговский князья и очень охотно наделяли той землей своих вассалов, из пришлых, естественно. Сашке показалась необычной такая политика Михаила Всеволодовича — можно сказать совсем наплевательское отношение к западным рубежам, но именно эти земли черниговский князь использовал в своей борьбе за Киевский стол, именно там искал людей и соответственно жертвовал ими, если дела шли не так как ему хотелось.

Однажды под вечер, молодые торки, скакавшие далеко впереди, вернулись с известием, что впереди они видели человека. Они попытались догнать его, но вовремя опомнились — это вполне могла быть ловушка. Сашка решил проверить. Следы всадника они нашли быстро. Но уже смеркалось и погоню пришлось остановить. Рано утром, они вновь решили попытаться счастья, и удача благоволила к ним. Человек лежал на снегу в беспамятстве, пылая жаром. Рядом стоял его конь, отреагировавший на чужаков крайне агрессивно. Бил копытами, кусался не подпуская чужаков. Но торки не случайно считались отличными всадниками. Это походило на волшебство, но конь быстро успокоился и подпустил их к себе.

Незнакомец открыл глаза, глядя на подошедших людей затуманенным взором, шаря рукой возле себя. Один из торгов предусмотрительно отодвинул ногой взведенный арбалет и не найдя оружие, незнакомец схватился за рукоять кинжала, висевшего на поясе.

— Но, но... не балуй, — грозно прикрикнул Сашка, пинком выбивая оружие из ослабевшей руки.

Он только теперь заметил у незнакомца торчавший в боку обломок стрелы.

— Я же говорил, что попал! — обрадовался один из молодых торков, сообщивших о всаднике.

Сашка осторожно потрогал лоб раненного, на ощупь определив, что дела плохи.

— Скачи к нашим, — обратился он к парню, — скажи, чтоб поторопились. И скажи Лавру, что бы скорее скакал сюда, да прихватил свои снадобья.

Парню дважды повторять не пришлось, через мгновение тот был уже в седле. Сашка успел крикнуть:

— Брата с собой возьми!

Молодые торки умчались, а Сашка занялся раненым.

— Не простой человек он, — кивая на раненного, молвил Ратмир.

— С чего ты взял? — полюбопытствовал Сашка, придерживавшийся того же мнения, но очень хотевший услышать подтверждение своим догадкам.

— Конь боевой — это раз. Одежа шелковая — это два, мятель опять же... пояс... сапоги... — стал перечислять парень, загибая пальцы.

— Перстни... — подсказал Сашка, разглядывая руку раненного.

— Князь, али боярин... — сделал вывод Ратмир.

— И что тут делает князь, али боярин один единешенек? — задался вопросом Сашка.

Помощь подоспела вовремя. Лавр, как всякий кузнец, понимал толк в ранах. А их на теле незнакомца оказалось не мало, но все несерьезные — порезы, одним словом, но синяков на теле оказалось много. Сашка приметил, как изменился в лице воевода Мирослав, когда увидел лежащего на снегу раненного, как перекинулся тревожным взглядом с другим пленником, а вечером еще долго шептался с ним. Все вместе взятое, наводило на мысль, что незнакомец и есть тот самый князь Даниил. Но раскрывать инкогнито князя не спешил, справедливо полагая, что раз старик промолчал, то на, то есть свои причины.

Церковный служка Василь всю ночь молился о выздоровлении раба божьего, прося Богоматерь исцелить его раны. Сашка всю ночь просидел у костра не снимая брони. Торк Чурнай советовал не расседлывать коней и не снимать броней. Киев уже недалече и вполне можно ожидать встречи с погаными, словно хищные звери рыскающими в округе.

Ранним утром кузнец еще раз осмотрел раны у незнакомца, озабочено покачивая головой.

— Выживет? — спросил его Сашка, заглянувший в палатку в которой разместили

пленников вместе с раненым.

Лавр по причине немоты не мог ответить, но его взгляд направленный в небо, красноречиво говорил сам за себя.

— Силою крестною и Святою Богородицею и нашими молитвами он будет жить — твердо сказал старый воевода, всю ночь не сомкнувший глаз.

— Будем верить в чудо, — не слишком уверенно отозвался Сашка, покидая палатку.

Не зря Чурнай опасался половцев, повстречались-таки они на пути. Не полный десяток степный воинов, вел полон — десятка два молодых парней и девок, обреченно шагавших вереницей за конными. На шеях некоторых из них, самых крепких висели сумы, набитые награбленным добром. Парни, уже попробовавшие половецких плетей, с полнейшим безразличием брели мимо повозок глядя под ноги и лишь один ожег взглядом, заставившим Сашку, мирно беседующего с половцем, бывшим у них за старшего, предложить выкупить парня.

— Гривна! — озвучил цену поганый.

Сашка едва сдержался, чтобы не послать нахала куда подальше, конкретно в короткое эротическое путешествие.

— Две ногаты, — поморщившись предложил он свою цену.

— Хороший раб! Сильный! — не согласился половец.

По его приказу парня выдернули из вереницы, пригнали назад. Молодой воин, едва ли старше пленника, сдернул с парня одежду, заголив крепкий торс.

— Сильный! — повторил половец и велел показать зубы. — Смотри! Все целые и здоровые! Хороший раб!

— Строптивный только, — не согласился Сашка, показывая на следы плети на коже полоняника.

— А это... — с усмешкой произнес половец. — Смотри!

Он неожиданно взмахнул плеткой, мастерски ударив пленника, оставив на груди и спине еще одну кровавую борозду. Полоняник стерпел боль, крепко сжав зубы и только лишь дерзко смотрел на своего мучителя, Сашке даже показалось, даже с какой-то бесшабашной удалью. Парень все больше нравился ему.

— Три ногаты, — он повысил цену.

— Мало, мало. Хороший раб, сильный, крепкий! — завопил половец.

— Четыре, — Сашка еще повысил цену.

— Мало, мало, — продолжал упорствовать поганец.

— Ну как знаешь, — Сашка демонстративно отвернулся.

— Эй стой! — заверещал половец. — Этого за шесть ногат отдам и вон того за три.

Он что-то быстро сказал молодому воину и к Сашке подвели еще одного пленника, еле стоящего на ногах.

— Да он же сдохнет к вечеру, — возмутился Сашка. — Ногата!

— Идет! — обрадовался половец.

— Тогда уж вон ту девку еще возьму, — Сашка ткнул пальцем в деваху среднего роста с необычайно длинной, почти до колен, и толстой русой косой, с мольбой, смотревшей на него.

— Две гривны! — запросил половец.

— Ты что? — рассмеялся Сашка. — Она же ноги уже отморозила...

— Тогда зачем она тебе? — задал резонный вопрос половец.

— Ногата, — он повторил свою цену. — А зачем мне она? Люблю мясо свежее...

Парень, услышав такие слова, рванулся к Сашке, но был сбит охранником с ног. Удары один за другим посыпались на него. Девушка упала без чувств, и даже половец отшатнулся от Сашки.

— Эй! — окликнул Сашка половца, увлеченно избивавшего парня. — Он мой! Не порти товар!

Охранник остановился, продолжая держать плеть в руке.

— Пошли покупку оформим, — тоном, не терпящим возражений, сказал Сашка.

Василь на куске бересты записал купчую, где указал стоимость каждого купленного пленника и перечислил свидетелей сделки. Странно, но Чурнай и другие торки в свидетели не попали, так как сами оказались холопами Сашки. Это было неожиданно, но Чурная никто за язык не тянул...

— Зря ты полон откупил, — осуждающе качая головой неожиданно произнес старик Мирослав, когда половцы, получив серебро покинули палатку, где и происходила сделка.

— Парня жалко стало, — пояснил Сашка.

— Только его одного? — воевода с интересом посмотрел на собеседника.

Сашка ответил не сразу.

— Взгляд у него...

— Вернуться нехристи, — предупредил Мирослав. — Я их породу волчью знаю...

Воевода как в воду глядел. Половцы вернулись. Уже под утро, осторожно подкрались к лагерю. Вот только ждали их там. Торки, мастера на всякие уловки, соорудили манекены, набив тряпьем снятые с убитых воев Константина тулупы. Куклы частью усадили, а частью уложили вокруг большого костра. Половцы, оставив коней, ползком подобралась к лагерю.

Сашка спрятавшись за повозкой, сколь ни внимательно всматривался в ночь, так ничего и не разглядел. Вдруг, словно из-под земли прямо перед ним возник низкорослый половец. Пустив стрелу, он бросился к костру, куда уже спешили его товарищи. Сашка навел арбалет и нажал на скобу — пуская короткий болт прямо в спину половца. Сашке даже не пришлось обнажать саблю — всех врагов побили стрелами — в отблесках огня они представляли отличные мишени. Вот только Чурнай недооценил поганых, два лучника остались в стороне и успели натворить дел, пуская стрелы на слух. Один из молодых торков погиб сразу, другой словил стрелу в живот, и Лавру досталось, но бронь и пресвятая Богородица спасла кузнеца. Одного из лучников сразили стрелой, а второй бросился убежать, но был пойман. Его, раненного стрелой в ногу, притащили к огню.

Чурнай с Лавром не мешкая стали выпытывать у пленника где они оставили коней, и кто остался стеречь полон.

— Вы бы лучше спросили кто его хан, — посоветовал им Сашка.

— Кто твой хан? — спросил Чурнай.

— Тигак, — последовал незамедлительный ответ.

— Хан Тигак — один из родичей Котяна, — пояснил Чурнай.

Полоняников нашли быстро. Сторожи приняли переодетых торков, гнавших полон, за своих и пали сраженные стрелами. Пленных торки считали своей законной добычей и немало удивились, когда Сашка велел отпустить полон на волю. Правда, в отношении имущества, которое половцы успели награть пришлось уступить, иначе Сашку бы не поняли.

— Теперь тебе дорога в Киев закрыта, — сказал Мстислав, когда полоняники

разбредились по домам.

Сашка это и сам понимал. Рано или поздно до Тигака дойдет весть об убийстве его людей, и тогда хан захочет отомстить. Мстислав предложил дожидаться ухода половцев в его землях. Они находятся в стороне от Киева и возможно половцы туда не добрались. Сашка согласился с доводами воеводы.

Во владениях Мирослава насчитывалось всего две деревеньки. В самой крупной из них, которую боярин называл сельцом, они и поселились. Ратмир ходил с молодыми торками к Киеву и принес неутешительные новости. Половцы остались стоять под Киевом, но безобразничать перестали. Киевляне каждый день дерут горло на Вече, все не могут решить открыть ворота Михаилу черниговскому или стоять за своего князя. Впрочем, в город попасть можно. Войска князя Михаила даже не думают осаждать город, из которого им возят припасы.

— А про князя моего, что говорят? — как бы невзначай поинтересовался Мстислав.

— Как в воду канул, — ответил Ратмир, побывавший в самом городе.

Сашка усмехнулся.

— В Киев надо ехать, — промолвил Мстислав с озабоченным видом. — Резальника надо вести, иначе помрет Мисаил, как Карас помре.

Согласно кивнув, Сашка посмотрел на Лавра, выполнявшего роль врачевателя. Молодой торк, словивший стрелу в живот умер в страшных мучениях, а незнакомец, назвавшийся Мисаилом, вначале шел на поправку, а потом ему стало хуже и уже отвары, которыми его опаивали уже не помогали.

В Киев поехали Чурнай с двумя молодыми торками, Ратмир, Местятка и Василь. Мирослав заявил, что он тоже поедет. Сашка попробовал возражать, но старик упрямо стоял на своем. В Киеве у него свой двор, где можно остановиться, и холопы помогут Сашке сбыть лишний товар, подскажут, где купить нужный.

Киев, вопреки устоявшемуся мнению Сашкиных современников из прошлой жизни, не был столицей Киевской Руси, так как такого государства не было в природе. Киев — всего лишь центр днепровского правобережья.

— А как же "матерь городов русских"? — удивленно спросил Сашка.

На что словоохотливый Василь ему ответил:

— Так в Киеве же сидит митрополит!

— Ага, — кивнул Сашка.

— Раньше в Чернигове свой митрополит был, — пояснил Василь. — А когда митрополию нашу закрыли, то митрополит Киева стал называться митрополит всея Руси. Понятно?

— Понятно-то понятно, — согласился Сашка. — Вот только если Киев общерусский религиозный центр, то чего Михаил ваш так рвется захватить Киев?

— Чего? Чего? — переспросил Василь.

— Зачем князьям Киев нужен? Вот чего!

— Так Киев самый большой город Руси, — пожал плечами Василь.

— И что с того? — усмехнулся Сашка.

— А то... — неопределенно ответил служка.

Сашка только пожал плечами. Город действительно огромен. Дома в нем столбовой конструкции в несколько этажей, стояли плотно друг к другу. В одном из таких домов они и поселились.

Глава 13. Чудо-Михайловский собор Выдубицкого монастыря

Мирослав первым делом велел слугам отнести себя в Чудо-Михайловский собор на Выдубичах. По пути в храм, находящийся далеко за городом в лесистой местности на крутом обрыве берега Днепра, вся компания внимательно слушала Василя, рассказывавшего историю монастыря.

— Храм основал князь Всеволод в честь патрона новорожденного княжича Ростислава.

— Хорошее место, — умиротворенно промолвил Местятка.

— И храм велик! — поддакнул восхищенный Ратмир. — Как у нас в Чернигове.

— Доходное до жути, — добавил Василь, смешно трясая своей бородкой.

— С чего это? — недоверчиво хмыкнул Сашка.

— Так перевоз через Днепр...

— И что с того? — спросил Сашка, и добавил, глядя на потрясающей красоты вид огромной величественной реки, протекавшей у подножия горы. — Красота-то какая!

— Это да... — согласился Василь, вместе с товарищами восторгаясь пейзажем.

Они в молчании постояли, любуясь красотой реки и пошли дальше.

— Князь с воями выступая в поход на поганых, всегда отправляются от Выдубичей и, испокон молились у святого Михаила.

— Странное название, однако, — заметил Сашка.

— Обычное, — пожал плечами Василь.

— И все-таки, что оно значит? — продолжал любопытствовать Сашка.

— Здесь выдыбал Перун, поверженный в Днепр князем Владимиром. Народ бежал по берегу и кричал "Перуне, выдуби!".

— Бреешь, — Ратмир отнесся к словам служки с недоверием.

— Об этом мало кто помнит, — смиренно отозвался Василь.

— Ты, значит, помнишь? — ехидно заметил Ратмир, незаметно подмигивая Местятке.

— Я это точно знаю, — твердо стоял на своем Василь.

— Откель? — сталь подначивать служку Местятка, страстно охочий до развлечений.

— Знаю и все, — Василь упрямо стоял на своем.

— Бреешь, — хором воскликнули парни.

— А вот и не брешу, — обиделся Василь. — Я список делал для владыки с древней летописи...

Служка неожиданно замолчал испугавшись, смешно вертя головой.

Сашка понял, что тот сболтнул лишнего и постарался увести разговор в сторону, пообещав себе в дальнейшем попытаться служку насчет тайных летописей.

— А Михаил тут причем? — спросил он.

Василь задумался, словно припоминая, а потом выдал:

— Иисус, находясь близ Иерихона, взглянул, и видит, и вот стоит пред ним человек, и в руке его обнаженный меч. Иисус подошел к нему и сказал ему: наш ли ты, или из неприятелей наших? Он сказал: нет, я вождь воинства Господня, теперь пришел сюда. Иисус пал лицом своим на землю, и поклонился, и сказал ему: что господин мой скажет рабу своему?

— Ничего не понял, — честно признался Шемяка.

Лицо Василя озарилось радостной улыбкой. Он увлеченно стал рассказывать, в иных случаях помогая себе жестами. Сошка сотоварищи узнали, что традиция праздника Чуда архангела Михаила в Хонех прочно связана с идеей противоборства христианства с язычеством и настоящей, не выдуманной помощи Архистратига христианам.

— Вот почему обитель эта возведена далеко за городом, в лесистой местности на крутом обрыве берега, — сказал в заключении Василь.

Парни почтительно внимали словам служки, чей авторитет в делах церковных

Сам же он сделал для себя особые выводы. Скорее всего Великие князья вслед за византийским императором переняли "царскую" линию культа Михаила. В Византии Архистратиг, по словам служки, "князь ангелов", покровитель столицы и василевса, а также "страж храма" Св. Софии. Явился как-то архангел Михаил императору Юстиниану и пообещал охранять Софийский храм. Культ Архистратига очень популярен в среде княжеских дружин, Сашка сам не раз слышал, как княжеские воины во время битвы зывали к Михаилу. Среди простого народа образ Архистратига приобрел также признаки главного борца с нечистой силой и защитника умерших душ.

— Именно поэтому возле Михайловских храмов и в монастырях Архангела, как правило, много погребений, — продолжал с увлечением рассказывать Василь.

Мирослав довольно внимательно слушал служку и наконец, не утерпел, решил внести свою лепту:

— Михаил еще помощник путешествующим, — сказал он, и видя заинтересованность слушателей, рассказал историю о том, как Михаил перенес пророка Аввакума в Вавилон и моментально вернул в Иудею.

— И много церквей в честь Михаила? — спросил Сашка.

— Чудо-Михайловский собор Выдубицкого монастыря, Новгородская божница, Михайловский Золотоверхий собор, Михайловский собор в Переяславе...

— Наш Михайловский храм, — подхватил Ратмир.

— Все, приехали, — перебил всех Мирослав, когда они выехали из леса.

Прямо перед собой они увидели бодро шагающего навстречу юного монаха с едва показавшеюся бородою, облаченного в мантию — кусок грубой шерстяной ткани, собранной вокруг шеи на веревку так, что она покрывала все тело монаха.

Мирослав без тени стеснения выдал длинное ругательство и когда монашек поравнялся с ним, осыпал ни в чем не повинного божьего человека насмешками, быстро переросшими в откровенное издевательство. Сашка не мог ничего понять. Вроде бы Мирослав человек глубоко религиозный, и в монастырь едет не просто так, и на тебе — осыпает бранью монаха.

— Встретить черноризца — дурная примета, — охотно пояснил Василь, видя недоумение Шемяки.

— Слышь, Василь, — обратился к служке Сашка. — А тебе ничего странного не показалось?

— Ты тоже заметил? — шёпотом спросил Василь.

— Странно все это, — также шёпотом ответил Сашка, глядя на распалившегося боярина. — Ты присмотри за ним.

— Это я могу, — тряхнул бороденкой Василь.

В обители полно народу, черниговцы, кияне мирно соседствовали в храме. Одни благодарили архангела за дарованную победу, иные за спасение в битве. Служба шла долго.

Кое-кто от усталости прислонялся к стенам и столпам и, тогда, эксарх недовольно шипел:

— Стены и столпы в церкви нам суть на честь сотворена, а не для того, чтобы к ним прислоняться.

Делая замечания мирянам, сами монахи во время службы вели себя вольно, не следили за старейшиной хора, путали текст, сбивая своих товарищей устраивая сумятицу. И когда при возгласе "аллилуйя" монахи стали невпопад кланяться, Василь с болью в голосе заметил:

— Накажет нас господь за грехи наши... Ты, Алекса, следи за старостой и не уподобляйся бесплотным ангелам.

По окончании службы монахи разошлись, но вскоре вновь собрались в храме, созываемы сигналами била. Они построились попарно в колонну и вслед за настоятелем, пошли в трапезную воспевая "Вознесу тя, Боже мой...".

После того, как священник прочитал молитву "Отче наш...", настоятель благословил трапезу, и монахи сели каждый на свое место по чину. Игумен произнес:

— Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

Для мирян, слуг и монастырских мастеровых накрыли отдельную трапезу. Обслуживали трапезники.

Сашка после посещения храма вместе со всеми сходил в трапезную, стоявшую поблизости от храма, решил побродить по двору, парни тоже разбрелись кто куда. Постоял немного с черниговцами, среди которых отыскался знакомец, послушал, о чем народ говорит, сходил на странноприимный двор, где нищие и обездоленные находили кров и пищу. Среди толп нищенствующих нормального человека не найдешь — одни убогие: без рук, без ног, слепые да кривые. Все они влачили жалкое существование за счет подаваний и милостью монастырей, отчислявший на богоугодное дело десятую часть своих доходов.

— А вот ты где! — услышал Сашка голос Василя. — А я обыскался...

— Что-то узнал? — спросил Сашка.

— Я да не визнаю... — самодовольно улыбнулся Василь.

— И?

— Сразу после службы к боярину подошел келарь...

— Короче, — перебил служку Сашка.

— Старик встречался с игуменом, там еще были келарь и вся старшая братия.

— О чем говорили слышал?

— Мирослав просил укрыть киевского князя в монастыре, — таинственным шёпотом поведал Василь.

— А что игумен?

— Сначала не соглашался, а потом братия уговорила его, сказали, что укроют в пещерах...

— В пещерах? — переспросил Сашка.

— Говорят тут есть пещеры древние... — пожал плечами Василь.

— А когда?

— Через три дня, — ответил Василь.

— Через какие ворота поедет вызнал?

— Об этом не говорили.

— Ну, Мирослав, божий одуванчик... Помолиться захотел, свечку поставить..., а сам в игры продолжает играть. Союзника князя своего спасает. А ведь это идея! — подумал

Сашка.

Громкий крик полный боли оторвал Сашку от размышлений. Кричал Ратмир, стоявший на коленях перед одним из монахов с рогатым посохом в руках.

— Что тут произошло? — строго спросил Шемяка, подходя к ним.

Ратмир сам говорить не мог, только рычал, крепко сцепив зубы.

— Да вот интересно ему стало, как иноки борются с блудной страстью и уберегают себя от греха, — смиренно ответил монах.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Сашка. — И ты его...ха-ха-ха... посохом...

— Вот омертвеша уды его и бысть ему бес пакости, — на полном серьезе сказал монах.

Глава 14. Ночной разбой

- Берладник, взявший заблаговременно у Святослава
- 200 гривен серебра и 12 гривен золота, перешел к Ростиславу Мстиславичу Смоленскому. а В.Н. Татищев вообще считал, что он просто отобрал деньги у Святослава 13.

После посещения храма они вернулись в дом, где их уже ждал лекарь — резальник поместному. В отличии от лечцов, услуги резальника стоили дорого — гривну серебра.

Осмотрев Ратмира, врач прописал лечение, прописав постельный режим. По понятным причинам Ратмир не мог ходить и встанет не скоро. Сашка расплатился с врачом, после чего тот встретился с боярином.

— Дам тебе три, — пообещал резальнику Мирослав. — Одну сейчас и две, когда вылечишь.

— Рана? Перелом? Али с коня расшибся? — деловито поинтересовался Ефимий, своей внешностью сильно смахивающий на грека.

Сашка не ошибся — хирург наполовину был греком. Его отец бежал из Царьграда, когда город захватили латиняне. Ремесло свое Ефимий усвоил от отца, придворного лекаря некогда лечившего самого императора.

Лекаря решили отправить немедленно, но домой за вещами в дорогу его не пустили. Ефимий тут же написал жене письмо на бересте, и холоп Мстислава принес все необходимое — инструменты, травы, эликсиры. В сопровождающие Ефимию выделили двух молодых торков, да Мирослав послал с ними служанку.

Гуляя по городу, как бы невзначай, Сашка предложил устроить пир. Местятка обрадовался возможности выпить и легко согласился сходить на торг и купить вина. После его ухода, Сашка направился к зелейнице, адресок которой ему сообщил вихрастый мальчишка, страшно испугавшийся вопроса о чародеях, но прельстившийся серебряной монеткой. Понимая, что в бедняцких кварталах Киеве легко заблудится, Сашка попросил паренька проводить до дома. Тот нагло потребовал еще одну монету, а по дороге вытребовал еще купить пирог с рыбой.

Колдунья практиковала вполне легально, еще со времен Ярослава, закон не предусматривал для нее наказания, предоставив право казни мужу, с оговоркой, что колдовство — не повод для развода.

— Зелье приворотное, али еще чего? — сразу спросила колдунья, довольно миловидная женщина средних лет, когда Сашка зашел к ней в избу.

— Зелье сонное мне надобно, — вместо приветствия сказал Шемяка.

Колдунья обернулась и замерла в напряжении.

— Чего уставилась? — не слишком дружелюбно отреагировал Сашка.

— Яки волк хочешь влезть в ограду к овцам, — твердо произнесла колдунья, сверля пришельца взглядом.

Сашке показалось, что в ее огромных глазах полыхает адский огонь, отчего стало страшно, но он поборол себя, тряхнув головой, отводя бесовское наваждение.

— Так сваришь? — сказал он властным тоном, надвигаясь на колдунью и смело глядя

ей в глаза.

— Обожди, — ответила она. — Будет тебе зелье.

Влить зелье в вино не составило труда, а привычка слуг пользоваться хозяйским добром, чуть было не сыграла злую шутку. Челядь испробовала вина первой и моментально захрапела.

— Где этих дурех черти носят? — возмущенно крикнул Местятка, когда в большой тарели закончилось мясо.

— Забористое винцо, — сказал Ратмир закрывая глаза.

— Пойду, погляжу, куда они запропастились, — сказал Местятка, поднимаясь с лавки, но едва сделав пару шагов упал и захрапел.

Сашка осмотрел горницу. Все уже спали беспробудным сном. Убедившись, что зелье подействовало, он обошел дом, загасив огонь в печи и проверил двор. Челядь боярина напилась вина и мирно храпела, где их сморил крепкий сон. Воротник спал сидя, прислонившись спиной к воротам. Сашка оттащил его в сторону и, отодвинув затвор. Потом вернулся в дом, вооружившись. Кинул сторожевым псам мяса, велел стеречь дом.

Он, пробираясь по ночным улицам Киева и старался не думать о предстоящем нападении, боясь спугнуть удачу. Его план имел слишком много если...если он угадал со временем, если угадал с маршрутом, если не будет большой охраны и еще много таких если...

Место для засады он присмотрел заранее — проулок между двумя усадьбами, огороженными высоким тыном. Всадникам из-за узости проулка не развернуть лошадей, а там, где он прятался был небольшой участок, где это вполне возможно было сделать. Сашка не поленился, проверил заранее. Время тянулось медленно, он было уже стал волноваться, когда услышал цокот копыт. Затаился, задержав дыхание стал всматриваться в темноту. Услышал приглушённые голоса, при приближении становившиеся все более отчетливыми.

— Христом богом клянусь, — говорил один, чей голос показался Сашке знакомым, — здесь он поедет.

— Ну, смотри, — отвечал второй угрожающе. — Если обманул, князь тебе чресла отсечет и скормит псам. Будешь тогда святошей.

— Господи помилуй, — испуганно ответствовал первый.

Шемяка узнал его.

— Василь! Сучара, — возмущенно подумал рассерженный Сашка.

— А когда мне заплатят? — вопрошал служка, проходя мимо Сашки вжавшегося в бревно тына.

— На, держи, — сказал всадник, бросая холщовый мешочек Василию. — Остальное — когда ятим князя.

— Благодарствую, — обрадовался Василь.

— За Шемякой приглядывай, — велел всадник.

— Так присматриваю, — услужливо ответил служка. — Как владыка и велел.

— Ты князю служишь, — напомнил всадник.

— Служу, — охотно согласился Василь. — Еще епископу и Шемяке.

— Прохиндей ты, — с презрением отозвался всадник.

Дальше голоса отдалились и Сашка наконец-то выдохнул, чувствуя, как изнутри поднимается волна гнева.

— Никому в этой жизни нельзя доверять, — сделал он заключение.

Шемяка в тягостных раздумьях постоял еще не много, и решил остаться попытать судьбу. Из-за мохнатых туч, затянувших все небо, выглянула луна залив спящий город лунным светом и тут в проулке появился первый всадник с обнаженным мечом в руке, за ним второй с коротким луком. Они миновали Сашку, добравшись до конца проулка, осмотрели улицу и убедившись, что все спокойно, тихонько свистнули, подавая условный знак товарищам. В проулок втянулись остальные всадники, ведя на поводу выючных лошадей. Сашка замер в ожидании, приготовив мешочек с песком. Он не хотел убивать, рассчитывая только оглушить последнего всадника, и тихонько увезти лошадь. Но план пришлось менять на ходу. В конце проулка, со стороны улицы раздался шум. На спасавшегося бегством киевского князя напали, превратив узкий проулок в ловушку.

Сашка метнулся к всаднику, схватив одной рукой за уздцы кобылу и ударил тяжелым снарядом по голове всадника. Киевский князь, похоже решил дать отпор, так как раздался звон железа, хорошо слышный в ночной тишине.

— Сдавайся, князь! — когда звон скрецающихся мечей умолк, раздался властный окрик.

— Ондрейка, ты? — в ответ раздался удивленный вопрос князя. — Ох, пригрел я змия на груди...

— Сдавайся, князь! — приказ повторился. — Богородица видит, я не желаю тебе зла.

Сашка скинул ошеломленного всадника с коня, для верности ударив еще раз по голове. Ласковыми движениями поглаживая гриву, повернул выючного коня, и быстро вернулся за вторым. Держа коней на поводу, осторожно повел их к выходу и совсем не удивился, увидев перед собой трех оружных воев с решительным видом перегородивших проулок.

— Лечь на землю, — велел один из них делая шаг на встречу.

Обнаженный клинок, выставленный перед собой, угрожающе блеснул в лунном свете.

— И даже не думай, — предупредил второй вой натягивая тетиву лука.

Третий воин держал в руках сулицу, но оставался на месте, готовый в случае опасности метнуть дротик.

Сашка, согласно кивнул, отпуская лошадей. Меченошец легким движением кисти опустил острие меча вниз, заставляя Сашку лечь на землю. Пришлось повиноваться, униженно опустив голову и делая несколько шагов вперед. Лучник напрягся, остановив Сашку окриком:

— А ну стой!

— То лежать, то стоять... — недовольно пробурчал Сашка, делая еще один шаг. — Вы уже определитесь.

— На колени, — приказал мечник.

— Ну все не слава богу, — буркнул Сашка, опускаясь на колени, в покорности склонив голову.

— Михалко, — обратился лучник к мечнику, — вяжи его.

Больше ждать было нечего. Сашка пружинисто вскочил, выбрасывая вперед руки. Два метательных ножа нашли свою цель, не зря он тренировался долгие часы, восстанавливая навык. Воин с сулицей упал замертво, выпустив из рук оружие, а вот лучник успел выпустить стрелу прежде чем умер, но промахнулся. Меченошец среагировал моментально — ткнул острием меча в подмышку, но Сашка был готов и уклонился от удара, тут же перейдя в атаку. Ударил хлестко, как учили. Меченошец, опытный, тренированный боец не ожидал нападения от безоружного и покорного человека. За что и поплатился. Первый удар его

ошеломил. Второй свалил с ног. И все же воин попытался достать Сашку, но меч выпал из ослабевшей руки, выбитый ударом ноги...

Утром на торгу только и разговоров было, как о бегстве киевского князя. Киевляне не осуждали князя — для них подобное поведение князей не в диковинку. Собрали вече, покричали немного и разошлись так и не приняв решения.

Глава 15. Интронизация

Черниговский князь все еще стоял под стенами Киева, ведя переговоры с киевлянами. Половцев приструнили, теперь они не безобразничали, и киевляне могли выкупить полон. Наконец Михаил договорился с киевлянами. Половцы в первых числах мая ушли восвояси, оставив человек двести князю Изяславу. Михаил Всеволодович торжественно въехал в Киев под звон колоколов благосклонно кивая на приветственные крики народа. Бояре киевские встретили Михаила честь почести, преподнесли дары многие и обещали жить в мире и согласии. Черниговский князь собрал вече и объявил свою волю — на стол Киевский сядет князь Изяслав. Народ воспринял новость спокойно, такое бывало уже не раз, главное Михаил уважил киевлян — Изяслав сядет на стол как князь, а не как посадник Михаила.

Церемонию вокняжения проводили по традиции в воскресный день. В Чернигов к Порфирию, в Резань, Юрьев и Галич к епископу Арсению ускакали гонцы — князь приглашал на церемонию вокняжения. Михаил подстраховался, все гонцы везли еще разрешение Белгородского епископа на прибытие в Киев — город митрополичьей кафедры и великокняжеского стола, по сути "царский город". Также все честные игумены киевских монастырей: седой как лунь архимандрит монастыря Печерского святой Богородицы Акиндин, игумен Михаил Выдубицкого монастыря, Петр Акерович (игумен Спасского на Берестове монастыря), Симеон Андреевский, Корнилий Феодоровский, Афанасий Васильевский, Симеон Воскресенский, Климент Кирилловский, Иоанн, игумен Черниговского Борисоглебского монастыря и иные игумены, числом двадцать получили приглашения прибыть к князю, и Михаил расстарался — чествовал игуменов, преподнеся богатые подарки, захваченные в княжеской сокровищнице.

Игумен монастыря Спаса на Берестове Петр Акерович, давний друг черниговского князя, проживавший поблизости от Киева, не мало потрудился, чтобы убедить киевлян принять князя Михаила. Черниговский князь обещал игумену епископскую кафедру, да не простую, а ключевую.

— Исполнишь мою волю, я для поставления тебя в епископы не пожалею и тысячи гривен серебра, — увещал игумена Михаил Всеволодович. — Только будь в моей воле.

С приездом церковных иерархов начались жаркие споры о правомерности церковного обряда интронизации князя, так как место митрополита оставалось вакантным. Они настаивали на проведении только светской части церемонии, а необходимый церковный обряд провести после появления главы русской церкви на кафедре. Они ссылались на прецеденты, но Михаил Всеволодович урезонил епископов, напомнив, что при вокняжении Изяслава Мстиславича митрополита тоже не было, однако же церковная церемония была проведена... и предложив князю Изяславу поклониться двум киевским святыням — Софийскому собору, как в свое время сделал Изяслав Мстиславич, и Десятиной Богородичной церкви. Как говорится качество заменить количеством, а так как в этих двух храмах хранились одежды первых князей, применявшихся в обряде настолования по византийскому образцу, то епископы вынуждено согласились с князем.

С раннего утра народ во главе с боярами и духовенством вышел за ворота встречать нового киевского князя.

Изяслав, восседая на белом коне, заметно волновался, но старался держаться с

достоинством. Седло и конскую упряжь богато украшенные золотом и жемчугами позаимствовали у прежнего князя, а длинное зеленое платье, подпоясанное желтым поясом, в лучах майского солнышка так и сияло, ослепляя блеском драгоценных камней и золотого шитья. Полсотни швей и вышивальщиц семь дней и семь ночей трудились над ним, да добрый десяток златокузнецов приложили свои руки к его изготовлению. Народ в предвкушении обильного угощения радостно кричал, приветствуя князя.

Черниговский епископ Порфирий в сопровождении духовенства и лучших людей Киева встретил князя с крестом и святыми иконами у Золотых ворот, и возглавил процессию, направившуюся в кафедральный собор — св. Софию поклониться Спасу и Богородице. Князя, въехав в город на конях, спешили и дальше шли пешком под хоровое пение религиозных гимнов. Среди доброго десятка князей Сашка, как многие тысячи людей, пришедший спозаранку к воротам, чтобы занять лучшее место, разглядел фиолетовый искалеченный нос Константина. Слава богу, резанский изгой не заметил парня, но Сашка непроизвольно дернулся, когда блуждающий взгляд князя скользнул по нему, и быстро спрятался за Местятку, радостно приветствующего князя громким ором.

В храм, где проходила служба набилось огромное количество народу, кому не хватило места, плотно стояли на площади, мальчишки как воробьи сидели на крышах домов, облепили все заборы. Сашка с Местяткой энергично работая локтями с большим трудом пробилась внутрь храма. И вот, наконец, Изяслав в сопровождении князей и знатных жителей города входит в храм, где его встречает епископ, благословляя воздвизательным крестом.

Облаченного в одежды первых князей Изяслава под локти проводили к княжескому столу — широкой скамье с достаточно высокой спинкой. Изяслав смиренно преклонил голову и первенствующий архиерей, осенив верх главы крестным знаменем, возложив крестообразно руки на нее и начал читать во всеуслышание молитву:

"Господи Боже наш, Царю царствующих и Господь господствующих, иже чрез Самуила пророка избравый раба Твоего Давида, и помазавый его во царя над людем Твоим Израилем...".

— Аминь! — пел лик.

— Мир всем, — величаво произносил архиерей.

— И духови Твоему, — отвечивал лик.

Протодиакон возглашал:

— Главы ваша Господеви приклоните".

— Тебе, Господи, — пел лик.

После прочтения второй молитвы Михаил Всеволодович, одетый символически во все красное возложил на Изяслава желтую сферическую шапку без опушки и с дуговым орнаментом, имитирующем две нашивки, расходящиеся под углом от центра очелья. С этого момента и до конца службы Изяслав не снимал ее.

Бояре киевские и лучшие люди целовали крест новому киевскому князю, что заняло довольно продолжительное время, а потом князь в сопровождении духовенства поклонился иконам в Десятинной Богородичной церкви.

Толпы народа ожидали на площади выхода Изяслава, и радостно приветствовал его появление на ступенях храма.

— Вот ваш князь! — громогласно провозгласил Михаил Всеволодович.

Возгласами "кирелеисан" народ приветствовал Изяслава.

— Принимаете ли вы меня всем сердцем? — громко спросил киевлян Изяслав.

— Можем главы своя сложити за тя, — ответили киевляне.

Михаил Всеволодович улыбнулся краешком рта. Всем известна любовь киевлян, изменчивая, как погода по весне. Народ еще немного покричал, после чего князь заключил ряд с киевлянами, условия которого Михаил Всеволодович заранее обсудил с лучшими людьми Киева. Михаилу пришлось отпустить всех киевских пленников и надавить на половецких ханов, что бы захваченные ими люди не продавались жадным до полона латинским купцам и евреям-перекупам, не уводились в степь, где бы сгинули в неизвестности, а были выпущены на волю, за хорошее вознаграждение. Это, безусловно прибавило популярности черниговскому князю в среде простого народа, а с боярством пришлось договариваться иначе: где-то настоять на своем, а где-то и уступить, а иных изгнать из Киева, конфисковав имущество.

После заключения ряда, что по факту выглядело лишь как дань традиции, процессия двинулась на княжеский двор, куда простой люд не пустили. Там, в торжественной обстановке, Михаил Всеволодович возложил золотой венец на голову Изяслава и усадил на древний стол, на котором по слухам восседал сам князь Владимир. Князь Изяслав устроил пир для лучших людей, пригласив церковных иерархов, но и простой народ не обделил — гулянья затянулись на три дня.

Народные гуляния, наконец, закончились. Жизнь горожан постепенно входила в привычное размеренное русло. За праздничными столами, народ не заметил, как люди черниговского князя грабили монастыри и церкви, поддерживавшие прежнего князя. Михаил Всеволодович отдавший приказ на разграбление все же вынужден был считаться с киевским вече, потому грабили по-умному, не нарушая принятых правил. Религиозность киевлян обладала удивительной специфичностью. Впрочем, некоторые из игуменов обезопасили себя, преподнеся богатые подарки истинному правителю Киева — князю Черниговскому.

— Все исполнили в точности, — шепнул на ухо пьяному князю Варфоломей Кормиличич.

— Сколько? — поинтересовался князь абсолютно трезвым голосом.

— Семь тысяч гривен серебра и почти три сотни гривен золота.

— Не густо, — поморщился князь.

— Остального добра еще на добрых десять тысяч будет, — дополнительно сообщил боярин. Может и более.

— Хорошо, — шепнул ему князь. — Приготовь триста гривен для архиепископа Белгорода, да золота с полсотни положи.

— А не лишка? — прошептал боярин.

— Делай как велю, — прошипел князь, ласково улыбаясь гостям.

После пира, Черниговский князь отправил припозднившихся гостей по домам, велел холопам развести их на телегах, а сам отправился на митрополичий двор, где под охраной тридцати слуг из молодой дружины сидел в заточении киевский князь.

— Откажись от княжения, — уговаривал его Михаил, — и миром отпущу.

— Так и отпустишь? — недоверчиво спросил Владимир Рюрикович.

— Богородица видит, не хочу тебе зла, — продолжал увещать черниговский князь. — Окупа с тебя возьму, по справедливости. Двадцати тысяч гривен думаю хватит.

— Побойся бога, — воскликнул теперь уже бывший великий киевский князь. — Откуда у меня столько?

— Найдешь, — равнодушно пожал плечами Михаил.

— А если откажусь? -

— А коли откажешься...

— Очи вынешь? — нервно перебил Михаила Владимир Рюрикович.

Черниговский князь не ответил. Долго вдумчиво смотрел в напряженное лицо Владимира Рюриковича. Бывший киевский князь заметно нервничал: играли желваки на скулах, тонкие холеные пальцы, унизанные перстнями, нервно теребили четки. Михаил выдержал паузу, наслаждаясь беспомощностью князя.

— В порубе сгною заживо, — наконец, молвил он грозно.

— Сын отомстит за меня, — сверкнув очами, ответил Владимир Рюрикович.

— Сыновец твой в полон попал к половцам. — усмехнулся князь Михаил. — В моей власти отнять его и бросить в поруб. Все веселее тебе гнить будет.

— Сына не трожь! — закричал Владимир Рюрикович.

— Подпиши ряд и признай мое старшинство, — потребовал Михаил.

— Побойся бога! — чуть не плача воскликнул Владимир Рюрикович.

— О боге тебе надо мыслить, — усмехнулся Михаил, уходя.

Глава 16. Киев

Василь, целый день гулявший по Киеву, вернулся поздним вечером и рассказал уморительную историю.

Князь велел, отвезти игумена в монастырь. Но возникший, простецкого вида конопатый паренек не знал, кого везёт.

— К тому же был он с великого похмелья, — сквозь смех рассказывал Василь. — И преподобный игумен как на грех одет крайне скромно.

— Ну и что тут смешного? — шмыгнув носом спросил Местятка.

— Так я и говорю, — продолжал Василь. — Холоп-то в церкви редко бывает, на исповедь не ходит, оттого и не признал преподобного.

— Удивил, — хмыкнул Местятка.

— Ну и что дальше? — спросил Сашка.

— Холоп принял игумена за бедного инока! — рассмеялся Василь.

— Эка невидаль, — подал голос, лежащий на лавке Мирослав. — В Киеве, почитай, каждый второй в церковь не ходит.

— Неужто так? — с сомнением произнес Костяжко.

— А в Чернигове иначе? — вопросом на вопрос ответил старый воевода.

— Ну... — парень слегка замялся, не найдя, что ответить.

— Так вот, — вновь заговорил Василь. — Холоп заставил преподобного самого управлять лошадьё, а сам лёг на телегу и проспал всю дорогу.

В ответ раздался настоящий взрыв гомерического хохота. Смеялись все, даже Мирослав, отличавшийся крайней набожностью.

— А утром... ха-ха-ха... как проснулся, увидел как проезжающие и проходящие мимо бояре и знатные люди кланяются игумену, — размахивая рукой, сквозь смех, с большим трудом сказал Василь.

— Ха-ха-ха, — весело хохотал Местятка, от удовольствия подпрыгивая длинными ногами.

Товары свои Сашка продал с выгодой благодаря помощи Климяты — весьма ушлого ключника Мирослава. По совету старого боярина трофейные кольчуги пошли на продажу или в переделку. В отличие от собственно брони, то есть кольчуги, брони дощатые казались наилучшей защитой. Вогнутые пластинки, нашитые на кожу, отлично держали удар стрелы или кинжала, так как заходя друг на друга имели двойную толщину.

Удивительно, но приличной брони ни новой, ни бывшей в употреблении на торгу не сыскать, и это после разгрома киевской и галицкой дружин. Хорошая броня — вообще большая редкость. Хотя надо признать — дощатые брони вытесняют кольчуги, и производство броней уже поставлено на поток.

Булгарские купцы активно скупают оружие и доспех, и спрос на предметы вооружения поднял цены на них.

— Есть у меня одна бронь готовая, — нехотя признался мастер-бронник, когда все предложенные изделия покупатели забраковали. — Для боярина ладил, да видно сгинул он в сече. Упокой господь его грешную душу.

— Покажи, — сразу потребовал Сашка.

— Серебра-то у тебя хватит ли? — с насмешкой произнес мастер, оценивая оглядывая покупателя.

— А ты сколько за нее хочешь? — забеспокоился Шемяка.

Мастер назвал цену. Местятка аж присвистнул, услышав сумму. Дорого до неприличия. Но жизнь дороже.

— Показывай, — решительно потребовал Сашка.

— Броня дощатая, — весомо сказал мастер, положив сверток на стол. — Две доски: нагрудная и на спину доска. Пластины все выпуклые. Одна к одной. Железо самое лучшее, что можно найти в Киеве. Бронь блестит яко лед, — с любовью нахваливал товар мастер.

— Ух ты! — восхищенно воскликнул Местятка.

Нагрудная доска являла собой настоящий шедевр — пластины высеребрены и все вместе являли изображение Михаила Архангела.

— Сцепляются тесемками доски. Надень, вроде бы и подгонять не придется, — предложил мастер.

Сашка облачился в бронь, пришедшуюся ему впору.

— Хорошая бронь, — с нежностью поглаживая пластины похвалил свою работу мастер, и не удержался от выпада. — И удобно скидывать такую, когда убегать от ворога станешь...

— Но, но... — отреагировал Сашка.

— Ты не обижайся, — миролюбиво сказал мастер. — Оно всяко бывает. Тесемки разрежешь и мигом скинешь.

— Да понял я, понял. — кивнул Шемяка. — Беру.

— Может шелом посмотришь? — с надеждой в голосе спросил мастер, когда получил свое серебро.

Сашка молча кивнул. Бронник ушел в дом и вернулся обратно с новым свертком в руках. Крутобокое боевое наголовье полностью закрывало лицо и голову. Подкладка двойная: кожа и ткань. Причем, ткань не дешёвая. И вообще отделка дорогая: корпус оббит серебряным листом, и украшен позолоченными серебряными накладками: на челе красуется все тот же Михаил Архангел, а на самой вершине образы Спаса и святого Георгия.

— Сын украшал сей шелом, — с гордостью произнес мастер, передавая Сашке наголовье.

У Сашки глаза загорелись. Шелом Мстислава Глебовича доставшийся ему в качестве трофея ни шел с ним ни в какое сравнение. Этот — настоящее произведение искусства. Ему самое место в витрине музейной экспозиции Эрмитажа, а не на бесшабашной голове сорвиголовы, каким ощущал себя Шемяка.

— Сколько просишь? — спросил он, нервно облизывая пересохшие губы.

Мастер назвал цену. Местятка стоял, открыв рот в удивлении и с выпученными глазами.

— Беру! — тряхнув головой воскликнул Сашка.

— Уф-ф, — наконец выдохнул Местятка.

Когда странные покупатели ушли, младший сын мастера встревоженно спросил отца:

— А ну как князь пошлет за броней и шеломом?

— Не пошлет, — ответил мастер. — Он в полон попал к половцам, а отец его в порубе сидит, как сказывал сосед.

— Все равно, боязно, — тяжело вздохнув, сказала женка, выходя из-за ширмы, где она сидела тихой мышкой. — Одет он просто, не как боярин. А серебром сорит. Кума сказывала, что, когда князя схватили, кто-то под шумок умыкнул мешок серебра.

— Мешок, — с издевкой повторил мастер. — Скажешь тоже, глупая ты баба. Не мешок, а целых пять мешков.

— А на торгу говорят, десять... — поделился сплетней сын мастера.

— Вот я и говорю... — нервно покачала головой встревоженная женщина.

— Молчи лучше, — прикрикнул на нее раздраженный муж. — Нам до того дела нет. Сына теперь оженим, дочерей замуж отдадим, да не за этих голодранцев, что ошиваются каждый вечер под окнами. Найдем подходящих мужей. Серебра теперь хватит.

— Ой, на сердце не спокойно, — запричитала жена.

— Цыц, баба! — сурово прикрикнул на жену раздосадованный мастер.

Мирослав вообще оказался очень полезен Сашке, по его совету заменили арбалеты на более мощные, а торков вооружили пиками с узкими гранеными наконечниками. Лавр долго выбирал их, пока не нашел нужные. Дело в том, что хороший наконечник — вещь редкая и дорогая соответственно. Те, которые у них имелись — из дрянного железа и от них избавились.

Мирослав исподволь вел доверительные беседы с Шемякой, нахваливая своего князя. Даниил, по его словам, воин отважный и удачливый, а главное щедрый с теми, кто ему служит. Одна беда у князя, бояре земские, аки волки голодные рвущиеся к власти и богатству. За тридцать серебряников готовы мать родную продать, а уж про княжение в Галиче и говорить нечего. Не нужен им князь, правящий самовластно. Готовы иноземных князей принять на стол, лишь бы вольности свои боярские сохранить. Князю Даниилу очень нужны люди верные...

Сашка соглашался, в печали качал головой, ахал и охал, но ответ давать не спешил. Не хотелось ему лезть не в свои дела. Змеиный клубок в Галиче пугал своей непредсказуемостью, но и врагов он успел нажать не мало: резанский великий князь, половецкий хан Тигак, князь-изгой Константин, торческий князь Юрий Мстиславич, Мстислав Глебович из черниговских князей. И в Галиче бояре встретят его не с распростертыми объятиями... Не любят пасынков земские люди, ой не любят.

— Что с Мисаилом решил? — с деланным равнодушием спросил Мирослав.

Вопрос был задан между делом, но Сашка насторожился. Что-то во взгляде старого боярина с добрым улыбчивым лицом испугало Шемяку. За маской доброго деда Мазая, взявшего шефство над зайцами, скрывался хищный зверь, буквально на мгновение явивший свою сущность.

— А что с Мисаилом? — переспросил Сашка, лихорадочно соображая, что ответить. — Он свободный человек, как поправится пусть идет на все четыре стороны.

— Значит он не пленник? — уточнил старый боярин с тем же равнодушным видом.

— Нет, конечно, — подтвердил Сашка.

— Это хорошо, — удовлетворенно кивнул Мирослав. — Теперь насчет моего выкупа...

— Дядько Мирослав, какой выкуп? — перебил боярина Шемяка. — Это я в долгу перед тобой.

— Не спорь, — строго сказал боярин. — Не хочешь выкуп — твое дело. А от подарка, ежели откажешься — обидишь старика.

— Разве я посмею обидеть... — в смущении возразил Сашка, но был остановлен властным жестом боярина.

— Молчи и слушай, — сказал Мирослав, потянувшись рукой за висящим над головой шелковым шнурком колокольчика.

Но зов явился ключник Климята. Мирослав, не поворачивая головы, велел ему:

— Неси все.

Климята метнулся к одному из многочисленных сундуков у стены. Проворно выбрал из связки, висящей на поясе, нужный ключ, открыл висячий замок, затем еще один внутренний и, откинул крышку.

На столе появились свернутые в трубочку пергаменты, а затем тяжелые мешочки, судя по звону, когда их водрузили на стол, полные денег. Затем Климята вытащил из сундука три тяжелых ларца.

— Здесь, мой тебе подарок, — сказал Мирослав, махнув рукой в сторону мешочков, и видя растерянность Шемяки, строго прикрикнул. — Бери, не то обижусь.

Сашка согласно кивнул.

— Благодарю, — сказал он коротко.

— Благодарить потом будешь, — по-стариковски заворчал боярин. — Молодежь пошла нонче... не чата нам...

Выслушивать нравоучительные сентенции волынского воеводы — не самое любимое занятие, но парень терпеливо ждал, когда старый боярин выговорится, сравнивая себя в молодости с Сашкой и сравнение это выходило не в пользу Шемяки.

— В ларцах — выкуп за волынян, что в полон к тебе попали. За них плачу златом-серебром, — наконец перешел к делу боярин. — А в грамотах дарственные на двор в Галиче и сельцо под градом.

— Я очень признателен за дары, — поблагодарил Сашка. — Но это так неожиданно...

— погоди. Еще не все... — тяжело вздохнул боярин. — Я в монастырь ухожу. Сорок гривен серебра я уже внес в казну и, села купленные отписал монастырю. Детей у меня нет, так что после моей смерти они тебе достанутся, как наследнику моему.

Сашка уже ошарашенно смотрел на боярина, своей волей сделавшего его богачом.

— Хотел еще в Киеве двор тебе отдать, да не получится... Утром на торгу бирючи заклич выкрикнули...

Климята сразу напрягся, масляные глазки ключника нервно забегали, он нервно сглотнул, облизав разом пересохшие пухлые губы.

— Какой еще заклич? — не понял Сашка.

— О своде слышал? — строго спросил боярин.

— Нет, — честно признался парень.

— Оно и видно, — усмехнулся боярин. — Брони снятые с убитого тобой боярина ты кому продал? Я же сказал через Климяту продавать сразу болгарским гостям.

— Так на торгу мужик один большую цену предложил за бронь, — сказал в свое оправдание Шемяка, косясь на ключника.

Тот сжался и чуть не трясся от страха. На высоком с двумя залысинами лбу ключника выступили капли пота, которые он старательно вытирал рукавом рубахи. Сашка усмехнулся злорадно. Судя по гневному взгляду боярина ключнику достанется на орехи.

— Мужик этот толкнул бронь болгарскому гостю, а болгарин отдал ее своему охраннику, и когда тот примерял ее, князь Константин как на грех пришел к болгарину продать свои трофеи и опознал бронь своего исчезнувшего боярина.

— И что теперь делать? — в растерянности спросил Сашка.

— Что делать, что делать, — передразнил парня боярин. — Сухари сушить.

Сашка широко улыбнулся знакомой шутке.

— Свод — дело не быстрое. Князь Константин заинтересован в правильном своде. Пока найдут того, кому ты продал, опросят послуха-мытника — время пройдет не мало.

— Мытника то чего искать? Он всегда на торгу. — возразил Сашка.

— Ошибаешься, — сказал боярин с хитрым прищуром посмотрев на Шемяку. — Он сейчас накачивается хмельным в одной харчевне и пребудет в невменяемом состоянии дня так три-четыре.

— Вот как! — обрадовался Сашка.

— Но из Киева тебе надо уехать, — весомо закончил боярин. — Раз не хочешь послужить моему князю, то поезжай в Булгар. Купец, которому ты должен был продать брони, мой знакомый. Он возьмет тебя с людьми в охранники.

— У него полно охраны, — возразил Сашка. — С чего это ему нанимать еще охрану?

— Во-первых, у тебя еще есть время. Купца недели на две задержат в Киеве, пока свод не проведут. А во-вторых, люди иногда хворать начинают...

— Понял, — кивнул Сашка.

— Из города уедешь. Гонения следа, надеюсь не будет. В Переяславском княжестве тебя искать не станут. В Русотине дождешься каравана.

— Мне в Чернигов надо, — мотнул головой Сашка.

— Раз надо — съезди. Купцов тогда встретишь в Липовом.

— Это где? — спросил Сашка.

— Говорят, язык до Киева доведет. Через сельцо Спашь на Гуричев поедешь, там дорога тебя приведет куда надо. Ночевки делай в Колчеве, граде черниговских ковуев и Всеволоже. Дня за три доберешься. Там и жди купца. А через год, дай бог вернешься, поговорим о службе князю. Да и в Киеве князь сменится. О закличе никто и не вспомнит.

Сашка согласно кивнул. Действительно, ему сейчас, лучше убраться подальше от русских земель, от греха подальше.

— Ты вот что... — вновь напомнил о себе боярин. — Завтра поутру и поезжай. И завтра же дам тебе долговую грамоту Климяты. Двор в Киеве хотел тебе оставить, да нельзя сейчас — отымут. Двор и сельцо отпишу на Климяту, дав ему свободу, а что бы он не обманул тебя, возьму грамоту с него долговую.

Ключник стоял ни жив ни мертв. Новость настолько огорошила его, что забыл даже упасть в ноги, так и стоял с открытым ртом.

— Рот прикрой — муха залетит, — сердито прикрикнул на него боярин.

Едва рассвело, со двора волынского боярина выехала группа всадников о двуконь. Сопровождал их ключник боярина верхом на низенькой смирной лошадке. По пути к ним присоединялись товарищи, напоследок гульнувшие в гостеприимных корчмах. Климята вел отряд к Подолу не самой короткой дорогой — спуск с горы достаточно длинный и узкий, опасный неожиданными оползнями не пользовался популярностью у пешеходов. Сам спуск делился на четыре отрезка, причем самыми трудными участками из-за своей крутизны были первый и последний. Шемяка машинально отметил, что узвоз достаточно легко оборонять от врага — достаточно перевернуть телегу и вот тебе готовая линия обороны.

У церкви Николы Доброго, к отряду присоединились остальные товарищи Шемяки и отряд проследовал к торговищу Подола, где несмотря на ранний час всю кипела жизнь: торговцы открывали лавки, выкладывали товар на прилавки или попросту раскладывали прямо на земле. Там у на самом краю торговища стояла корчма, где их ждали новые бойцы,

нанятые намердны Шемякой.

Один из них, назвавшийся Алешей, необычайно высокий светловолосый парень с по-детски наивными голубыми глазами в крови которого явно намешана кровь полян и северных викингов обладал просто чудовищной силой. Он легко гнул подковы и завязывал узлом крепкий железный прут. Еще он обладал добрым сердцем несмотря на свою врожденную глупость. В детстве парень попал под лошадь и два года пролежал без движения. Но случилось чудо, с точки зрения рациональности не объяснимое. Явился как-то ночью парню Михаил Архангел и повелел встать на ноги. Алексей сразу же проснулся, но рядом никого не было. Отец и матушка, и все младшие братья и сестры крепко спали. Парень собрался с духом и попробовал спустить ноги с лавки, на которой он провел два долгих года. У него получилось и, он попробовал сесть, но голова с непривычки пошла кругом и только вторая попытка увенчалась успехом. Тогда он осмелел и встал на ноги, балансируя руками. Чувство радости переполнило сердце парня, и он сделал шаг, потом другой. В этот момент проснулась матушка и испуганно охнула, увидев сына на ногах.

Алеша быстро набирал силу, чему радовались любящие родители, но умственные способности парня печалили отца — потомственного священника. Сыну не давалась грамота и отец перестал мучить сына и мучится сам пытаясь научить сына читать и писать. А как всем известно, поповский сын, не понимающий грамоту, не мог идти по стопам отца — закон не позволял.

Второй наймит назвался Свеном и был иностранцем — самым настоящим саксом, бежавшим из Англии от правосудия. Парень их хорошей семьи, с детства обученный воинскому делу, и храбр и отважен, но не повезло ему родиться саксом. Прирезал в поединке какого-то борова нормана и вынужден был бежать на материк. А так как его далекая бабушка была в родстве с кем-то из русских князей, то парень решил попытать счастья на Руси, но доверия у киевского князя он не вызвал, и находился в глубоких раздумьях куда теперь податься, не имея за душой ничего кроме доброго меча и старой дедовской кольчуги. По-русски он говорил довольно сносно, так как в семье русский был вторым языком. Еще он не плохо знал язык норманнов, что позволило парню спокойно общаться с киевлянами и торговыми гостями. Во время переговоров о найме на службу к одному немецкому купцу в корчме для иноземных гостей, Шемяка и увидел парня. С гостем они не сговорились, и раздосадованного Свена уже у самых дверей успел перехватить Местятка, предложивший парню выпить в хорошей компании. Так Свен попал на службу к Шемяке.

На дороге, ведущей к Вышгороду, отряд догнал торков Чурная гнавших нагруженным товаром вьючных лошадей. Парни выехали из Киева еще вчера вечером и заночевали в поле — дело для них привычное. Вместе с ними был лекарь Ефимий, по настоянию старого боярина присоединившийся к отряду Шемяки. Как предполагал Сашка, лекарь опознал галицкого князя и, боярин, чтобы брать грех на душу, отправил его подальше от Руси. Через несколько часов у Вышгорода они переправились через Днепр и оказались на левобережье, где киевские князья еще сохраняли за собой узкую полосу земли, изобилующую лесом и болотами. От устья Десны на север шли сплошной полосой дремучие леса, а оба берега реки во время разлива подтапливаются в половодье и на целую неделю дорога исчезала под водой. Берега Десны, густо заросшие лозой свидетельствовали о степени подъема воды — на ветвях висели космы старой соломы и всякого сору, принесенного половодьем. Открытые участки берега предупреждали о близости жилья, и точно, вскоре становились видны крытые соломой крыши деревенских домов, наполовину вросших в землю.

— Да уж... хорошо, что послушался боярина и не взял телег, — думал Сашка глядя на дорогу. — В России две беды — дураки и дороги. Тут Гоголь прав.

Никто специально дорог не устраивал. Проехал мужик на телеге, за ним другой — вот тебе уже и дорога. Качество ее зависит от местности и грунта, где она пролегает. Идет дорога по высокой местности по твердому грунту — она проездна, а идет не дай бог по глинистому косогору или спускается в лощину — тут и начинаются сюрпризы.

Нужно отдать должное черниговскому князю — за дорогой на Киев местами следили. Ведь лошадь, запряженная в телегу, могла перевезти значительно большее количество товара, чем лошадь, нагруженная вьюками. С другой стороны, на каждые десять вьючных лошадей нужны два погонщика, а с телегой при том же весе груза достаточно одного возчика. Впрочем, дорога эта достаточно оживленная, по ней двигались в обоих направлениях целые поезда, насчитывающие до тридцати телег, шли караваны навьюченных лошадей и просто путники пешком и верховые.

В всях путешествующие могли найти кров на ночь, подковать лошадь и даже купить другую взамен заболевшей или павшей. Местное население держало для княжеских нужд сменных лошадей и при необходимости из Киева в Чернигов можно домчаться за светлый день. Шемяке с его отрядом понадобилось два с половиной дня.

Глава 17. Свадьба

В Чернигов они сразу не поехали, отправили Местятку с Василем на разведку. Парни обернулись быстро, принесли неутешительные новости. В городе объявился Михаил Всеволодович, восстановивший свою власть в городе. Новости узнали из первых рук. Парни привели с собой Устина, приятеля Сашки. Он-то и поведал, что князь посадил молодшую дружину за весла да по воде за светлый день домчался до Чернигова, застав Мстислава Глебовича врасплох. Люди градские обрадовались своему князю, с любовью приняли его. А князь Михаил сердечно поблагодарил брата за то, что посидел на столе Черниговском, да и сказал, что пора и честь знать. Одарил подарками, но города, отданные брату, назад отнял, да и отпустил по добру поздорову, взяв с него крестоцеловальную грамоту.

— Хозяин, хозяин! — окликнул Шемяку торк Итларь, вынырнув из кустов. — Там на дороге двое, конные в бронях! Свернули в лес и едут сюда.

— Какого лешего, — воскликнул Шемяка, глядя на Местятку.

— Да не волнуйся, ты. Это Степан едет, — поспешил успокоить его Местятка.

Былой товарищ сильно изменился. Вместо обросшего космами угрюмого мужика, перед Шемякой предстал настоящий боярин — сильный, уверенный в себе воин — муж бывшей Сашкиной девушки.

— Сторове добре, — пристально глядя на Сашку произнес Степан.

— И тебе не хворать, — ответил Сашка, выдержав суровый взгляд.

— Зачем пришел? — сухо спросил Степан.

— С Людмилой повидаться хочу, — ответил Сашка.

— А больше ничего не хочешь? — все так же сухо спросил Степан.

— Да, что с тобой, Степан? — воскликнул Шемяка. — Это же я, Сашка.

— Пес ты шелудивый, — воин презрительно плюнул в Сашку.

— Ты чего, Степан? — опешил парень.

— Василь, — обратился к службе тот, — Что там полагается за растление девицы?

— Аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота, — по памяти процитировал Василь.

— Во, — Степан важно поднял указательный палец в верх.

— Но буде ли дотоле бляла гривна серебра за сором, — уточнил Василь.

— Но-но! — грозно прикрикнул Степан. — Ты на что намекаешь?

Василь испуганно спрятался за спиной Шемяки.

— Постой, Степан, — дружелюбно сказал Сашка, положив руку на плечо товарища. — Все, что у нас было с Людмилой, все было до тебя и обвинять меня в насилии над женщиной из-за того, что она раньше была со мной, ты не в праве.

Товарищи Шемяки с интересом наблюдали за ними и по глазам было видно, что они не одобряют его поведение. Чурнай даже схватился за рукоять сабли, а Местятка стоял в растерянности, не зная чью сторону принять. Свен тоже смотрел на Сашку с неодобрением.

— Ты пришел бросить мне обвинение и потому вздел бронь? — глядя в глаза Степана спросил Сашка.

Боярин одернул сашкину руку, проворчав:

— Ты думаешь я тебя боюсь? Намедни тут путников ограбили, раздели до исподнего,

коней увели...

— Вот, Степан, я тебе не враг, — сказал Сашка. — Ты знал про нас с Людмилой и, именно ты увел у меня девушку. Получается, это я должен обижаться.

— Да причем тут Людмила? — взъярился Степан, оттолкнув Сашку. — Я за Раду речь веду.

— А что с ней? — искренне удивился Шемяка.

— А то ты не знаешь? — прошипел Степан гневно. — Пузо уже не скрыть от людей.

— Постой, постой, — стал догадываться Сашка. — Так ведь рано еще пузу-то быть.

— Признаешь, значит, вину за собой? — спросил Степан.

— А чего мне отпираться? — удивился парень. — Только не сильничал я её, все полюбовно было...

— Вот и Радка говорит... — покачал головой Степан, — любит, говорит.

Сашка молчал, пытаясь определить срок беременности. Он у Рады первый мужчина, не откуда живот? Беременность не должна быть заметна на таком сроке. Хотя, у худых живот становится заметен раньше. Была у него такая дамочка... Сашка сомневался в отцовстве, но знакомый гинеколог подтвердила такую возможность — узкий таз и худоба делают заметным живот намного раньше, чем у полных девушек.

— Что делать-то будем? — вопрос Степана вывел Сашку из задумчивости.

— Сватов засылать? — неуверенно спросил Сашка.

— А чего их засылать? — проворчал Степан. — Поехали. Завтра обвенчаем вас.

— Веселие будет... — обрадованно произнес Ратмир.

— Хороводы поведем... — добавил Костяжко.

— Цыц, — прикрикнул на парней Степан. — В храме венчаться молодые будут.

— Ты не печалься, — тихонько шепнул на ухо Василь, — С женой венчаной в правду жить станешь, а для утехи возьмешь себе рабу. Так многие делают. Правда Русская позволяет.

В Чернигов они по понятным причинам не поехали. Сразу после свадьбы Степан отправил жену в деревню. Епископ Порфирий дал своему боярину на прокорм село под Черниговым. Это обширное и богатое поселение с небольшим острогом приносило неплохой доход и больше походило на владельческий замок — центр сбора дани. Таковым оно и являлось. Со всех окрестных весей в радиусе пятнадцати-двадцать километров сюда свозились налоговые поступления в натуральном и даже денежном виде. В селе даже имелась церковь — деревянная и очень ветхая. По словам старожилков ее возвели еще в стародавние времена и она устояла в полохе пожаров княжеских междуусобиц. Несколько раз горела, но бог милостив, насылал ливень.

Дом у боярина Степана был огромный — настоящий терем, огороженный совершенно новым высоким тыном был виден издали. Старые обгоревшие бревна, несшие на себе следы зимней войны, в беспорядке валялись во рву, который, по мнению Сашки, не мешало бы подновить.

— Рук не хватает, — сухо сказал Степан, заметив оценивающий взгляд Шемяки. — Людей у меня мало. И времени нет.

Шаткий, наскоро брошенный через ров, деревянный настил, опирающийся на столбы заменял мостик и вел напрямую к большим новеньким воротам. Видно усадьба во время зимнего погрома сильно пострадала, но отчего-то полностью не выгорела.

Сразу за воротами начинался крутой подъем по прямому коридору, устланному

плахами, высокие стены которого представляли все тот же заплот. Он вел к высокому, в два яруса, зданию, увенчанному башенкой, с которой такой узкий, что едва телега проедет, коридор лежал как на ладони.

Везде в усадьбе необычайно сильно пахло свежесрубленным деревом, под ногами валялась свежая стружка, но присутствия работников не наблюдалось. Усадьба, словно вымерла. Степан, обнаружив настежь раскрытые ворота, недобро хмурился, а когда увидел во дворе в тени высокого висячего крыльца безмятежно дрыхнувшую девку, то рассвирепел, схватился за плеть, но хлестнул легонько, по бедрам. Разбуженная девка заголосила, но углядев хозяина быстро смолкла, тихонько всхлипывая, обтерла рукавом брызнувшие слезы.

— Где все? — строго спросил Степан.

— Боярыня всех в поле увела, — продолжая всхлипывать пропищала девка тонюсеньким голосом, со страхом глядя на грозного хозяина и окружавших его незнакомых воинов.

— Боярышня где?

— У себя почивает, — уже смелее ответила холопка, стрельнув искромётными глазками в сторону молодых пригожих парней.

— Поесть нам собери, — велел Степан, потеряв всякий интерес к девке.

Пока Сашка располагался в отведенном его отряде доме, с двух сторон опоясанному гульбищем верхом на коне, примчалась Людмила, сразу бросившаяся обнимать мужа. Степан, отстранившись, распекал молодую жену за то, что увела с собой всю челядь и даже двух старых воротников.

— А если налетит кто? — укорял жену Степан, крепко прижав ее к себе.

— Милый, да кто посмеет? — возразила Людмила и обняла мужа, заглянув в глаза. — Как я соскучилась по тебе...

— И я скучал, лада моя, — ответил Степан с нежностью.

Сашка украдкой наблюдал за ними, и досада на девушку переполняла израненное сердце. Он все еще продолжал любить ее, и корил себя за минутную слабость, бросившую его в объятия несмышлёной девчушки, дочери Степана.

— У нас гости, — предупредил Степан жену. — Шемяка объявился...

— Что ему надо? — тревожно спросила Людмила, отстраняясь от мужа.

— А ты не знаешь? — усмехнулся Степан. — Рада...

— Подлец он, — сказала Людмила, сердито поджав губы. — Совратил девчонку...

— Ты все его любишь? — почувствовав укол ревности с волнением спросил Степан, крепко сжимая запястья жены.

— Нет, милый, — быстро ответила она. — Я люблю только тебя.

— Радка по нем сохнет... — тяжело вздохнул Степан.

— Ты ему уже сказал?

— Да. Он согласен взять ее в жены.

— Так, что тебе не нравится? — спросила она.

— Голь перекатная... — сердито ответил Степан.

— Милый, ты не прав, — Людмила ласково погладила мужа по щеке. — Жену он всегда обеспечит. Уж я-то его знаю. Вспомни, кто нам дал серебра...

— Помню я, помню, — поморщился Степан.

— Возьми его к себе в сотню, или попроси князя Мстислава взять его на службу.

— Ты в своем уме? — рассердился Степан. — Мстислав пообещал его на ремни

порезать...

— Пусть тогда уедут пока все не образуется. Или владыко замолвит слово. Мстислав, говорят, отходчив.

— Нету Мстислава Глебовича в Чернигове, — ответил Степан. — Михаил вернулся с гридью и прогнал со стола Мстислава.

— Ой, — всплеснула руками молодая женщина. —

— Вот тебе и ой, — усмехнулся Степан. — Наш пострел везде поспел. Убил боярина изгоя Константина... А Константин теперь сыну Михаила Всеволодовича служит.

— О господи, — Людмила снова всплеснула руками, прикрыв маленькими ладошками нижнюю часть лица.

— Если бы не Рада, повел бы парня на правезь, — сказал Степан.

Людмила женским чутьем почувствовала внутреннюю борьбу раздирающую любящее сердце мужа.

— Засиделась в девках Рада, — заметила она, вновь обнимая мужа.

— Так не любит он ее, — покачал головой Степан.

— Стерпится — слюбится, — возразила Людмила.

Увидеть девчонку Сашке не позволили. Степан, вскоре после разговора с женой отъехал, а Людмила наотрез отказалась принимать бывшего любовника. К вечеру вернулся Степан, да не один, вместе с ним приехали гости добрые, а следом за ними в усадьбу потянулись люди и вскоре во дворе стало оченьлюдно и шумно.

Благодаря стараниям Василя, Сашка уже знал, чего ожидать и приготовил подарки родителям невесты. Из всей честной компании прибывшей вместе с Шемякой в усадьбу Степана, никто не подходил на роль свах. Гости добрые могли быть только семейные. Степан решил проблему призвав на помощь общину. Нашлись люди готовые выступить в роли посаженного отца-матери, и сваты нашлись — довольно приятные люди, с которыми Сашка быстро нашел общий язык. Снабдив добрых людей подарками для родителей невесты, от которых они пришли в восторг, Сашка попросил еще передать Степану увесистый мешок, запечатанный свинцовой plombой.

Еще в Киеве, он озаботился заказать вместо княжеских plomb, которыми были запечатаны тугие мешки с украденной казной, другие, попроще, с его собственным знаком.

Войдя в дом, сваха, первым делом бросилась к печи, где несмотря на летнее время, горел огонь и стала демонстративно греть руки, что бы сватовство прошло успешно. Потом гости добрые долго и красноречиво расхваливали жениха, словно не видели его впервые, а знали много-много лет, вручили подарки от жениха — два десятка бобровых шкурок и три гривны серебра, из тех, что имели хождение в Киеве. Степан подарки принял, в свою очередь одарив свах. И лишь потом, ему вручили тяжелый мешок, запечатанный plombой.

Как и следовало ожидать, Степан примчался к Шемяке. Да не один, прихватил с собой молодую жену. Оба они требовали ответа на вопрос:

— Откуда богатство такое?

— От верблюда, — ответил Шемяка с ухмылкой.

— Слышал я, в Киеве, казну князя Владимира воровски умыкнули, — скребя пальцами заросший щетиной подбородок, сказал Степан, внимательно наблюдая за реакцией Шемяки.

— И велика та казна? — с любопытством спросил Сашка.

— Велика, — степенно ответил Степан. — Князь Михаил сказывал владыке, а он мне поведал, что на тысячи полторы золотых гривен.

Шемяка присвистнул от удивления.

— И что не нашли? — спросил он.

— Как сквозь землю провалилась, — усмехнулся Степан. — Мнится мне, что те гривны в мешке из той самой казны.

— Саша, как ты мог! — с укором обратилась к парню Людмила.

Тряхнув головой, Сашка рассмеялся и с какой-то бесшабашной удалью хлопнул ладонью по коленке.

— А была не была. Слушайте, — сказал он, поднимаясь с лавки. — Только предупреждаю, выдать князю решите — десять раз подумайте.

— Вот стервец! Угрожать вздумал? — взъярился Степани и ловко вскочил на ноги.

И не подумаешь, что вместо ноги протез у него, каких здесь отродясь не видали.

Людмила поспешила успокоить мужа:

— погоди горячиться, — урезонила она Степана. — Он прав. Тут подумать надо.

— Вот — вот. Вы уж, голуби мои, подумайте, — Сашка бросил благодарный взгляд Людмиле, а на Степана посмотрел с вызовом.

Боярин долго сверлил взглядом Шемяку, играя желваками на скулах.

— Одно могу сказать точно, столько золота упереть — большая ватага нужна. Я лишь ухватил, до чего руки смогли дотянуться. Смекаешь? — Сашка с интересом наблюдал за реакцией Степана. — Княжьи люди давно бы уже на след ватажки вышли.

— Ты хочешь сказать... — первой догадалась Людмила.

— Именно, — с улыбкой произнес Сашка. — Не прост ваш князь. Ой, как не прост. Киевский князь собирался в спешке, он поди и сам не знает, сколько там было в сумках этих.

— Быть такого не может! — ощерившись, воскликнул Степан. — Чтобы наш князь, да такое измыслил...

— Я наследил там немного, — признался Шемяка. — Да князю это на руку оказалось. Вот и думай, прознает князь про меня, про нас с Радой, что у тебя гостил... — он сделал паузу, давая Степану поразмыслить над словами. — Разве одного меня судить станет? Да будет ли вообще судить? Велит прирезать по-тихому...

Слова Шемяки падали на плечи Степана тяжелыми каменными глыбами, давили невероятно, пробуждая страх за близких ему людей: за братичадо Местятку, за молодую жену и, досадуя на себя, Степан все больше сугулился, понуро опустив буйну голову.

— И вот что я скажу тебе еще, — в неистовом кураже продолжил говорить Шемяка. — Врагов у меня тьма: князь-изгой из них не самый страшный. Юрий Мстиславович сын Удатного зуб на меня точит — брата его зарубил я в сече. Хан Тигак, когда узнает, что я его людей побил и полон освободил.

Высказавшись, Сашка замолчал, сверля взглядом разом поникшего боярина и видя, что тот молчит, резко, с нескрываемым злорадством спросил:

— Вот и думай, нужен тебе такой зять?

Степан встрепенулся, метнул затравленный взгляд на Шемяку, но сказать ничего не успел.

— Нужен! — звонким голосом выкрикнула Рада, весенним ураганом ворвавшаяся в горницу.

Сашка ошалело смотрел на девушку, решившуюся идти против воли отца. Невесте обычай запрещает видеть жениха перед свадьбой.

— Нужен! — выкрикнула она вновь и, видя, как наливается краской недовольное лицо

багюшки, затараторила. — А не дозволишь — сама убегу к любому. В монастырь уйду, в омут кинусь...

— Ах, ты коза своевольная! — взъярился Степан. — Сейчас поучу тебя уму разуму...

— Учи сколько влезет, а от своего не отступлюсь! — нахально заявила девчонка.

И ведь огрел бы Степан своевольную дочь невесть откуда взявшейся плетью, да только Людмила грозно цыкнула на него:

— Охлонись!

Степан послушался жену, опустив уже поднятую для удара руку.

— Сядь на место, — властно велела она ему.

И опять Степан послушно исполнил веление жены.

— Хватит лыбиться, — Людмила, стремительно ожгла Сашку гневным взглядом.

Шемяка сразу умолк, согнав улыбку с лица. Происходившее в горнице его изрядно веселило. Не так он представлял свою свадьбу. Он вообще ее не представлял.

— И ты садись, — молодая женщина, взяв падчерицу за руку, повела к лавке. — В ногах правды нет.

Рада фыркнула, дернула плечиком, но послушно села, продолжая с вызовом смотреть на отца.

— Сколь дерзка и непослушна, — пытаюсь углядеть растущий животик сквозь широкие одеяния девчушки, подумал Сашка, тяжело вздохнув. — Намаюсь я с ней...

— Давайте сядем ладком и вместе подумаем, как дальше жить станем, — усаживаясь рядом с мужем, предложила Людмила.

— А что тут думать-то? — перестав разглядывать девчонку, спросил Сашка. — Валить отсюда надо.

— Чего? — взъярился Степан.

— Тише, милый, тише, — легкими поглаживаниями, Людмила успокоила мужа.

Сашка усмехнулся, наблюдая за супружеской идиллией.

— Ты сама знаешь, что тут скоро будет. Не пройдет и трех лет — одни головешки останутся. Татары никого не пощадят, — с нескрываемой злостью процедил сквозь зубы Шемяка. — Ребеночка родишь, поди Степан, кобель еще не старый... я отцом стану...

Сашка замолчал, игнорируя злобный взгляд боярина. Не понравилось Степану, что его кобелем обозвали, ох не понравилось, но ласка и тихий, спокойный голос жены действовала на него успокаивающе.

— А про голь перекатную... — Сашка встал, снимая суму с деревянного гвоздя, вбитого в бревенчатую стену. — Я побогаче вас буду...

Сорвав пломбу, он вытащил несколько грамот, свернутых в трубочку.

— На. Почитай. — он резко швырнул их на стол и сказал не скрывая горькую обиду. — Есть у меня дома и подворья в Киеве, Галиче, Волыни... Села есть богатые. Собственные. Не чета вашему.

— Посмотри, — велел боярин дочке.

— Все так, — подтвердила она, ознакомившись с документами.

Степан не удержался, фыркнул в густые усы.

— Значит, разбогател, — медленно произнес он и замолчал в раздумье.

— Саша, зачем же ты тогда князя ограбил? — с укором спросила Людмила.

— Неужели ты ничего не понимаешь? — с горячностью ответил Шемяка. — Татары придут и все уничтожат. Ты же сама знаешь.

Степан удивленно посмотрел на жену.

— Он тоже ведун?

— Все мы ведуны, — ответила она нахмурившись.

— Вот, что я тебе скажу, зять мой, — с усмешкой обратился к Шемяке Степан. — Татары пугай ты детей неразумных, а воинов не напугаешь. Не страшнее поганых они. Булгары их били? Били. И снова побьют.

— Не веришь мне? — тяжело вздохнув, спросил Сашка.

— Отчего не верить? Верю, — ответил Степан. — Только ведь и мы не лаптем деланные. Князь рати поднимет в Чернигове, в Киеве и не устоять татарам. Да, что там. Одних черниговских воев достаточно, чтобы прихлопнуть разом всех татар.

— Степан уговорил владыку сотни набрать. Через год под его рукой будет пять сотен воев, не хуже княжеских, — с гордостью сообщила Людмила.

Боярин ласково взглянул на жену и добавил:

— Оружие, брони запасем, стены подновим и нипочем татарам нас не взять.

— То-то и оно, что каждый по одиночке биться станет... — осуждающе покачал головой Шемяка. — Берите лучше золото и езжайте в Европу, к теплому морю.

— Куда? — удивился Степан.

— Да хоть во Францию, — ответил Сашка.

— И попасть на костер инквизиции? — фыркнула Людмила.

— Зачем так сразу, — обиделся Сашка.

— Нет уж... мы лучше здесь останемся, — в ответ мотнула головой Людмила.

— Дохлый номер, — грустно улыбнулся Сашка.

— А мы все же попробуем, — ответила Людмила и обратилась за поддержкой к мужу. — Да, Степан?

— Как есть правду говоришь, — степенно подтвердил боярин.

— Ну так свадьбу играем? — с улыбкой спросил Шемяка, подмигнув девчонке.

— А много ли у тебя злата-серебра? — неожиданно спросил Степан.

— Да уж не мало, — уклончиво ответил Сашка.

— Гривны, поди, киевские? — уточнил Степан.

— А шут их знает... — пожал плечами Шемяка. — А что?

— Спрятать до поры надобно, — заключил боярин.

— Кто же золото прячет? — рассмеялся Шемяка. — Его бы на серебро поменять, да в дело пустить...

— Что надумал? — проявил интерес боярин.

— Так отдаешь за меня Раду? — вопросом на вопрос ответил Сашка. — Не передумаешь?

— Забирай, — махнул рукой Степан.

Девчонка обрадовалась, бросилась в ноги к отцу. Счастливая. Вот только Сашка чувствовал себя последней скотиной. Ну да стерпится — слюбится. Девка молодая и пригожая, а что дерзка больно, то дело поправимое. Дома сидеть он не собирался.

— Ты вот, что, Степан, — сказал он, когда боярин благословил молодых. — Золото на серебро поменяй. Купи земли подальше от города. В самых непролазных дебрях.

— А чего ее покупать, — фыркнул боярин.

— Тогда тем более, — согласился Шемяка и стал растолковывать свой план.

— Без епискупа нам не справится, — покачал головой боярин, когда Сашка изложил

суть дела.

— Ты что, хочешь рассказать ему про золото? — недовольно произнес Шемяка.

— Покайся. Пожертвуй толику малую на богоугодное дело и Ефимий отпустит твои грехи.

— Ты чего Степан? В своем уме? — рассердился Сашка. — Да он выдаст меня князю.

— Бог не выдаст — свинья не съест, — ответил боярин. — А Ефимию все рассказать надо.

Уходя, Рада незаметно для отца шепнула Шемяке:

— На рассвете у озерца. За тобой придут. Жди.

Сашка от волнения не мог заснуть, ворочался с боку на бок. Тревожные мысли одолевали молодого парня. Правильно ли он поступает? Сможет ли изменить ход истории? Еще эта женитьба, будь она не ладна. Ребенок. Не проще бы было смотаться с золотом во Францию? Или в Италию... там тепло и море... Кстати, надо было по расспрашивать Людмилу, что сейчас творится в Европах.

Этой ночью тревожно на душе было не только Шемяке. Местятка с Костяжкой сидели на крыльце, глядя далекие звезды и неспешно вели беседу.

— Я вот все думаю, — говорил Костяжко, — может мне к отцу вернуться. Серебра я скопил не мало. Хватит поди, чтобы обзавестись хозяйством своим. Жену возьму в дом. Детишек она мне нарожает.

— Нет, — мотнул головой Местятка. — Такая жизнь не по мне.

— А что с нами будет? — тяжело вздохнул Костяжко.

— Господь один знает, — пожал плечами Местятка. — Но одно я знаю точно — к отцу не вернусь. Люба мне жизнь вольная.

— А что с Осипом да с Мирошкой стало? — спросил Костяжко. — Ты уйку не спрашивал?

— Спрашивал, — неохотно ответил Местятка. — Осип в Чернигове, на паперти стоит.

— А Мирошка? — взволнованно спросил Костяжко.

— Сгинул, — коротко ответил Местятка.

Парни помолчали.

— Наказал господь — с тяжелым вздохом произнес Костяжко.

Свадьбу с играли сразу по приезду епископа. Но прежде с у Шемяки с Порфирием состоялся не простой разговор. Сашка исповедался перед владыкой, признавшись в своих грехах, но из осторожности не всех. Вопрос с княжеской казной, отнятой у Владимира Рюриковича, решили полюбовно, к взаимному согласию. Сашка отдал церкви ровно половину, а взамен получил прощение грехов и обещание содействия в своих замыслах. Лавр останется в Чернигове, пока владыко не обеспечит его всем необходимым для строительства городца — артелью мастеров и необходимых инструментов, а также запасами провизии.

Самому Шемяке лучше пока уехать, слишком много врагов у него объявилось в русских княжествах. Порфирий не советовал отъезжать в Залесскую Русь, так как Черниговский князь, не питавший любви к владимирским князьям и люто ненавидящий князя Ярослава, никогда не простит Шемяке. Булгария была лучшим вариантом, чтобы спокойно отсидеться и выждать. Тем более, что сейчас в русских землях не спокойно — неизвестно чем обернется конфликт Чернигова с Резанью и с Галичем.

В последний день, перед уходом, на дворе боярина объявился Осип, пав в ноги перед

Шемякой. Парень слезно просил простить его и принять обратно.

— Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отворачивайся, — видя, что Шемяка в раздумьях, привел владыко слова Иисуса Христа.

— Дай ему займы, смотря по его нужде, в чем он нуждается, — с усмешкой ответил владыке Сашка.

— Благотворящий бедному дает займы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его, — сказал епископ.

— В холопы пойдешь? — сурово спросил Шемяка Осипа.

— Пойду, благодетель, — радостно воскликнул Осип.

А ведь господь прав — нужно давать смотря по нужде, учитывая пределы потребностей просящего... Так и с Осипом.

Глава 18. Дорога

Попрощавшись с молодой женой, Шемяка в сопровождении епископа Порфирия отбыл в Гуричев. Дальше шла накатанная дорога вдоль края террасы правобережной Десны до села Свенковичи, где через свинский перевоз, у устья реки Свини, она сворачивала на Ковчин — столицу Черниговский ковуев, стоящий на мысу левобережной террасы Десны. Это поселение имело приличные укрепления и примыкавший к ним открытый посад.

Здесь они заночевали, а с рассветом отправились дальше, предварительно расспросив дорогу, так как в Ковчине сходились несколько дорог, ведущих из степи. По правому берегу протока Мерли добрались до брода через реку Вересочь, и далее, мимо громадного болота по низинам уплотненным образовавшимся торфом, и заросшим осокою и лозою, до Смоляжа, прикрывавшего переправу через реку Смолянку, и снова вдоль края болота, перебираясь через подтопленные половодьем овраги, где до сих пор стояла вода, на Всеволож, куда сходились пути из Бахмача, Глебля, Беловежи и Уненежа.

С погодой селянам не повезло, там, где в сухой год росло жито, теперь поселились кулики и журавли и плавала рыба.

Глядя на мощные, имеющие две линии, укрепления Всеволожа, учитывая его удобное расположение в узком проходе между Осетрскими и Придеснянскими болотам, позволяющее контролировать юго-восточные подходы к Чернигову, невольно возникал вопрос, как могли монголы прорваться к самому Чернигову? Три-четыре сотни воев, если не остановят, то надолго задержат татар. Вот только не прокормит округа такое количество воинов...

Миловидная, полногрудая дочка хозяина корчмы, где отряд Шемяки остановился на ночлег, накрыла стол для проголодавшихся путников, а пока они утоляли первый голод, стрельнув глазками в сторону Местятки, убежала готовить комнату для гостей.

Сам хозяин корчмы, крайне молчаливый старик, строго смотрел на Местятку, улыбнувшемуся хозяйской дочке и поймав взгляд парня, выразительно помотал головой. Местятка сразу посерьезнел, и принялся с важным видом разрезать каравай ржаного хлеба на большие куски.

В большом просторном зале корчмы немногочленно. Большинство постояльцев — возницы, сопровождающие купцов. Все давно отправилось спать, и лишь небольшая компания засиделась за длинным столом, обсуждая последние новости.

— Я тебе говорю, мы завтра никуда не поедем, — убеждал товарищей средних лет мужичок в простом домотканом платье, но опоясанный дорогим поясом с висящим на нем кошельком.

— Гость наш торопится присоединиться к каравану, и времени терять не будет! — ответил ему тот кто выглядел потрезвее.

— Если ты правду говоришь, Некрас, — заплетающимся языком произнес другой, — то давай еще выпьем!

— Хватит тебе уже пить, — предупредил товарищ. — Ишь, как натрескался...

— А что? Я выпить не имею права? — в хмельном угаре, пьяница хлопнул ладонью по столу. — Эй! Как тебя там... Харитания! Тащи еще выпивки!

— Дал бог пьяницу в напарники, — пробурчал Некрас, подставляя стакан девчонке, примчавшейся с полным кувшином, но только пригубил, смочив пышные усы и степенно

поставил стакан обратно на стол.

Вдруг скрипнула дверь, и в корчму вошли два одоспешенных воина. За их спинами маячил худощавый малец лет десяти, которому хозяин заведения подал знак рукой. Пацан прошмыгнул мимо гостей за стойку и спрятался там. Но любопытство взяло верх и он осторожно выглянул, глядя широко открытыми глазами на воев остановившихся перед сидящими за столом путниками.

— Местная власть пожаловала, — подумал Шемяка, догадавшись, что хозяин корчмы послал мальчика предупредить власти о вновь прибывших гостях.

— Почто пошину не уплатили? — строго спросил воин, без спросу усаживаясь за стол. Его напарник остался стоять, положив руку на рукоять меча.

— Выпей с нами, — миролюбиво предложил Сашка.

— Сначала дело, — важно ответил воин, и усмехнулся в седеющие усы.

— Как скажешь, — пожал плечами Шемяка, аккуратно выкладывая на стол кусочки серебра.

— Трувор, не они это! — выкрикнул ворвавшийся в корчму молодой гридень. — Я лошадей осмотрел — не они это!

— А что случилось? — резко спросил Шемяка, переглянувшись с товарищами.

— Да вчера гостя одного убили и товар пограбили, — с неохотой ответил Трувор.

— И ты думал это мы тати? — удивился Местятка.

— Мало ли что я думал... — пробурчал Трувор, — Сами-то кто будете и куда путь держите?

— Мы нанялись в охрану купца одного, сопровождать до Булгара, — ответил Шемяка, протягивая наполненный стакан Трувору.

Тот принял его, пролив несколько капель на пол, отпил.

— Ну и где ваш гость? — спросил он, обтерев рукавом синие усы.

— Из Киева идет, мы подрядились ждать его в Липовом, туда и путь держим.

— Из Киева, говоришь, твой гость? — переспросил Трувор. — А имя у него есть?

— Есть, — кивнул головой Сашка. — На вот грамотку почитай. Там все написано.

— Вячек, подь сюды! — окликнул гридня Трувор.

Вячек быстро подошел к воину и взял из рук Шемяки грамотку.

— Читай, — велел неграмотный Трувор.

Гридень медленно, по слогам, стал читать грамоту, а Трувор сидел и слушал прикрыв глаза.

— Все правильно, — согласился он, когда Вячек вернул документ Шемяке. — Когда уезжаете?

— Так завтра и уедем, — ответил Сашка.

— Ну-ну, — с деланным равнодушием произнес Трувор.

Они посидели в молчании. Шемяка догадался, что воин ждет угощения и предложил пообщаться на дружеской ноге. Трувор не возражал и вскоре мечи были отстегнуты от пояса, кольчуги скинуты на лавку и началась веселая пирушка, обошедшая Шемяке в приличную сумму, так как за дверью корчмы оказался полный десяток местной гриди.

Алеша поспорил, что сможет одолеть лучшего бойца Трувора. Воин по имени Сидор вызов принял. Когда товарищи скандинава образовали круг, обнаженные по пояс бойцы сошлись в кулачном бою. Они долго кружили, подбадриваемые криками товарищей и, наконец, сошлись. Итог поединка огорчил Трувора. Его боец проиграл. Алеша оказался

сильней. Поймав противника в железный замок и удерживал хват, пока Сидор не поплыл от удушья. Надо отдать должное, боец Трувора не просил пощады и честно пытался выбраться из крепких объятий Алеши, напрягая мышцы.

— Значит, ты тут главный, — сказал Шемяка, наблюдая за следующей парой бойцов.

Сакс Свен сошелся с молодым гриднем Вячиком. Товарищи Шемяки громкими криками предрекали победу своему бойцу. Вячек удивил многих — он позволил саксу взять инициативу в свои руки, и когда, Свен торжествовал, находясь в одном миге от победы, вывернулся, обхватил сакса за торс, и с медвежьим ревом подбросил вверх. Свен, широко взмахнув руками, ударился об потолочную балку, стремительно рухнув вниз. Мотая головой, он еще пытался подняться на ноги, но был опрокинут резким рывком и уложен на лопатки.

— Наша взяла! — пьяно орали гридни, охочие до развлечения.

— Погодите, мы сейчас вам покажем, — кричал Местятка, выталкивая в круг лекаря Ефимия.

Ответом ему стал взрыв хохота.

— Главный тут князь Давыд, поставленный черниговским князем наместником, — не спешно ответил Трувор. — Да только он все время бражничал и девок щупал, очень уж охоч он до девок-то...

— И где он сейчас? — поинтересовался Шемяка.

— Забрал большую часть дружины и ушел с князем на Киев...

— Значит, ты тут главный, — сделал заключение Сашка. — А велика ли дружина?

— А почто интересуешься? — вопросом на вопрос ответил Трувор, сверля собеседника взглядом.

Сашка пожал плечами.

— Если секрет — можешь и не говорить.

— Секрета никакого нет, — усмехнулся Трувор. — Всея гриди во Всеволоже сорок человек, да со мной пришел десяток.

— А ты давно тут?

— А почитай с год будет. Озоруют тут на дорогах, вот и прислал меня князь навести порядок.

— И как? Навел? — спросил Сашка.

— Наведешь тут... — отмахнулся Трувор. — Людишки местные, что на болотах живут, виру дикую платит князю... А у меня людей всего ничего — полтора десятка всего. И должен я блюсти порядок...

— Так ты меня за разбойника поначалу принял?

— Принял, — согласно кивнул Трувор.

Местное население, состоящее большей частью из половцев, в давние времена обосновавшихся на этих землях, к исчезновению обозов торговцев не причастно — это Трувор знал точно. Скот угнать, девку умыкнуть — дело обычное. Но убийство... нет, половцы тут не причем. Славянское население, проживающее в самом городе и в селищах в округе, на проблемы власти смотрело с безразличием. Болотные люди, на кого падало подозрение в разбоях, платили дикую виру откупаясь от княжеского правосудия. Местный гарнизон, как мог обеспечивал порядок, но за все время ни разу не смог застать грабителей на месте преступления.

Никто никогда не видел предводителя разбойников, и Трувор мог только гадать, сколько людей в разбойничьей ватажке Кудеяра.

Трувор быстро смекнул, что разбойник предлагает ему соглашение — в случае если люди Трувора сопровождали обоз, никто не нападал. Тогда десятник стал брать с торговцев плату за сопровождение и достаточно было послать с обозом одного — двух воев, что бы гость благополучно миновал опасный участок на болотах. И это при том, что разбойники не боялись нападать на обозы, идущие в сопровождении собственной охраны купцов.

— Ну и что ты собираешься делать? — спросил Сашка, глядя как Алеша вновь бьется об заклад с Сидором.

— Ничего, — признался Трувор. — Серебро свое я получаю без труда, так что... тебя, часом не проводить?

— Спасибо, не надо, — отказался Шемяка. — Пойдем, выйдем на улицу.

Во дворе грядни, не обращая внимания на недовольные крики хозяина корчмы, развели большой огонь и вывели из хлева двух быков, напуганных устроенным шумом.

Алеша подошел к ревущему круторогому быку, удерживаемому гряднями и, сходу врезал кулаком. Животное рухнуло, придавив ногу нерасторопному грядню, не успевшему отскочить.

Дружинники взревели, приветствуя силача. Костяжко заскакал на одной ноге, исторгая из глотки нечленораздельные звуки.

— Что вы делаете, изверги? — истошно кричал хозяин, бросаясь то к одному, то к другому грядню. — Я буду жаловаться!

Те с веселым смехом отталкивали корчмаря, пока он не налетел на Костяжку. Парень взмахнул раз-другой рукой, пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и свалился в огонь, чем вызвал новую волну дикого хохота.

Сидор примерился и врезал другому быку между глаз. Животное взревело, мотнуло башкой, отправляя в полет Итларя с Карасиком, забило копытами и бросилось на Сидора. Грядни шарахнулись в стороны. Сидор бросился бежать. Костяжко катался по земле, пытаясь сбить огонь. Хозяин корчмы стоя на коленях выл, протягивая руки к небу:

— Разорили! По миру пустили! Изверги!

Бык метался по двору, грядни со смехом уворачивались, наслаждаясь опасной игрой. Один из них, оказался недостаточно быстр, и был поднят на рога. Бык мотнул головой, отправляя беднягу в полет, закончившийся падением среди бочек, стоящих в углу двора. Грядень, зажимая рану на боку, что-то кричал.

Чурнай сбегал за луком и пустил стрелу в быка, погнавшегося за Сидором, который успел нырнуть в сарай, притворив за собой дверь. Бык всей массой налетел на хлипкую дверь и вынес ее. К животному реву, добавился девичий визг. Пока бык пытался загнать Сидора в угол, из сарая выскочила голая девица, с истошным воплем промчавшаяся мимо отца, Трувора и Шемяки.

Бык снова взревел и неожиданно умолк.

Грядни настороженно ждали, держа в руках ножи. Чурнай стоял, готовый при появлении быка спустить тетиву. Но в сарае установилась тревожная тишина.

— Местятка, сучий ты сын! — вдруг раздался громкий голос Сидора. — Ты его завалил?

— Похоже на то... — раздалось в ответ.

И вновь грянул хохот.

— Я правду у князя искать буду! Я этого так не оставлю! — вдруг завопил хозяин корчмы, обращаясь к Трувору.

Сашка полез в кошель, висящий на поясе, высыпав в ладонь желтые кругляши. Бросив на

землю горсть монет, он сказал:

— Этого хватит с лихвой.

Мужик разом перестал орать, подобрал монеты. Он попробовал их на зуб, и быстро метнулся к дверям с воплем:

— Харитания! Я тебе задам! Сколько раз тебе говорил!

— Погуляли, и хватит, — сказал Трувор.

— Да уж... — согласился Сашка, глядя на разрушения, причиненные быком.

— Ну, бывай, — попрощался десятник.

Гридни подхватив за руки раненного товарища, пошли следом за десятником.

На следующий день Шемяка встал с большой головой. Солнце стояло уже высоко, но все равно он решил уезжать. В корчме они остались одни, все уже съехали. Заставив себя проглотить холодное вареное мясо с ржаным хлебом и запив все холодным квасом, Сашка вышел во двор. Кони стояли оседланы, люди готовы. Ждали одного Шемяку.

— Лавку еще сломали! — ныл корчмарь, следуя за Шемякой. — Заплатить бы надо...

— Пошел вон, — отмахнулся от него Сашка.

При свете дня, разрушения во дворе не выглядели уже столь ужасными. Корчмарь итак содрал с Шемяки больше чем следовало бы, тем более, что стоимость быков ему компенсировали, а мясо убитых животных и шкуры остались с ним.

— По коням, — сказал Шемяка, улыбаясь яркому солнцу.

Как только они отъехали от города на приличное расстояние, Шемяка рванул на себя поводья и его жеребец, переступив с ноги на ногу, остановился. Спешившись, он велел всем вздеть брони и держать наготове луки и самострелы.

— Думаешь, засаду устроят? — спросил Чурнай.

— Мало ли чего, — неопределенно ответил Шемяка, пожав плечами.

— Ветра совсем нет, — заметил Чурнай, озабоченно глядя в небо, где среди редких облаков парил одинокий ястреб.

— Так вечер уже.

— Время уж очень подходящее для нападения, — сказал торк. — Скоро стемнеет.

— Поживем — увидим, — задумчиво произнес Сашка, взглядываясь в даль.

Глава 19. Разбойники

Торки, как всегда оказались правы, и предчувствие не обмануло Шемяку. Нападение произошло неожиданно. Вреде бы не было никого, и вдруг, словно из-под земли выскочили оружные вои с суровыми лицами, с сулицами и мечами в руках. Но прежде, из кустов, прилетели стрелы и раздался разбойничий свист.

Торки среагировали мгновенно, прикрывшись щитами, но на мгновение потеряли обзор. И тут как назло, рядом с ними появились разбойники, тыча копьями в бедра, под самую кромку щитов. Торки не случайно считались хорошими воинами, как только щиты отразили стрелы, они развернули коней, и стальные жала прошли мимо.

Чурнай изогнувшись, махнул саблей по древку копья, отсекая большой палец разбойнику. Итларь молниеносно натянул тетиву и пустил стрелу в рожу своему разбойнику. Карасик просто направил коня на бандита и сшиб его на землю, стоптав копытами. Расправившись с нападавшими, торки сразу же начали стрелять по кустам, засыпав их стрелами. Там несколько раз вскрикнули, и все стихло.

Ратмир увернулся от стрелы, но его атаквали сразу двое. Развернув коня, ему удалось увеличить дистанцию и выиграть время, чтобы вскинуть самострел. Но конь дернулся и железный болт лишь слегка зацепил плечо бородатого разбойника, а другой, с выбившимися из-под остроконечного шелома грязными космами, рванулся вперед, нанося удар боевым топориком. Ратмир опустил щит, прикрывая ногу. Топор накрепко засел в деревяшке, слегка зацепив бедро. Ратмир ничего лучшего не придумал, как ударить самострелом по голове бандита, тот успел подставить под удар левую руку. Пришпорив коня, черниговец вырвался вперед, вырывая топор из руки бандита. Конь встал на дыбы, ударив копытом в грудь бородатого. Ратмир не удержался в седле и упал.

Разбойник бросился к нему с ножом в руке, но не успел ударить. Ефимий, каким-то чудом расправившийся со своим противником, метнулся, одергивая голову бандита одной рукой, а другой вонзая нож в горло. Лекарь немного не рассчитал удар, клинок остановили плетеные кольца кольчужного воротника. Разбойник перехватил руку. Ефимий, пыхтя, давил на рукоять ножа всей силой, разрывая кольца и, наконец, погрузил клинок в живую плоть. Одновременно с ним, Ратмир подобрал брошенное копьё и ткнул им в грудь разбойника, вонзая в плоть между звеньями кольчуги. Разбойник резко дернулся, его близко посаженные пороссячи глазки потускнели и, он стал медленно оседать на землю.

Стрелка ударила по шелому Алеши по касательной, но все равно, в голове у парня зашумело, перед глазами завертелось — закружилось. Прикусив губу, он справился с головокружением и сумел, бросив поводья, перехватить наконечник копья, нацеленный в живот, отведя его в сторону и вверх. Другой рукой он вцепился в запястье разбойника и резко дернул. Перед взором Алеши промелькнуло изумленное лицо бандита, лишившегося опоры под ногами. Богатырь крепко держал разбойника за запястье, раскручивая над головой, как пращу и, наконец метнул. Подобно снаряду, пущенному из катапульты, тело разбойника врезалось сразу в двух бандитов, набегавших на Алешу. Конь стоптал двоих, а третий, сумевший встать на ноги, был пойман за руку и снова запущен в небо и после падения уже не поднимался.

Меч нацеленный в живот, проскочил мимо, разорвав запыхавшийся плащ. Шемяка

неестественно выгнувшийся, не успевал выхватить саблю, потому просто ударил ребром щита в лицо нападавшего, круша зубы. Разбойник откинул голову назад, усы окрасились кровью. Шемяка ударил еще. Наносник шелома принял на себя, основную часть удара, но только отстранил неизбежное. Мотнув головой, пытаясь восстановить зрение, бандит не заметил, как Сашка выхватил из-за пояса кинжал и перегнувшись через коня, вонзил острие в глазницу. Ударил и забыл. На него набегал очередной противник, целя копьём прямо в бок. Шемяка выпрямился, резко дернул за поводья, жеребец вздыбился. Копье вонзилось в лошадиное брюхо, но удар копытом, переломал все ребра бандиту.

Ловко спрыгнув с коня, Шемяка обнажил саблю, но быстро оглядевшись, понял, что все закончилось. Все бандиты оказались повержены.

— А лихо мы их, — сказал Шемяка, не придумав ничего лучшего.

— Ефимий, подь сюды, — раздался крик Алеши.

— Любима убили! — заорал Василь истошным голосом. — Прими, господи, его грешную душу.

Сашка пошел на крик, и увидел Костяжку с окровавленными руками и гримасой боли на лице, с виноватой улыбкой сидящего на траве. Рядом валялась свинцовая булава на деревянной рукояти, а ее хозяин, степняк в засаленном халате, лежал на земле с перерезанным горлом. Чуть в стороне, лицом в низ, лежал Свен с широко открытыми глазами. Струйка крови обильно стекала по виску и с кончика носа крупными каплями падала на траву. Его измятый шелом валялся неподалеку.

— Вот черт! — с досадой произнес Сашка.

— Все, кончается, — тихо произнес Ратмир, но Шемяка услышал и повернулся.

Любим лежал на боку, с ножом в спине и пытался, что-то сказать окровавленными губами. Его лицо — сплошная кровавая маска, а шея и грудь обильно залиты кровью. Рядом лежит типичный половец с разорванным горлом. Видно, Любим, оставшись без оружия, повалил противника и зубами загрыз ненавистного врага, но был заколот издыхающим противником.

Алеша с Ратмиром крестились. Ефимий, на ходу обтирая окровавленную ладонь об штанину, подошел к умирающему и склонился над ним, щупая вену на шее.

— Чистое полотно и воды, — быстро сказал он после осмотра. — И плащ расстелите. Его уложить надо.

— Так кончается он, — возразил Ратмир.

— Все в руках божьих, — прошептал лекарь и обратился к служке. — Василь, принеси мой мешок.

Служка убежал и вдалеке раздался его голос:

— А где конь-то? Где конь? Убежал, паскуда!

— Иди коня поищи, — сказал Шемяка, пнув лежащего на земле Вешняка, прикрывшего голову руками.

Парень не реагировал. Тогда Сашка перевернул тело на спину и тяжело вздохнул. Парень был мертв. В груди торчал обломок стрелы.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Больше убитых нет?

— Я не знаю, — отозвался Алеша.

— А торки где? — спохватился Ратмир. — Местятка? Костяжко?

— Тута я, — отозвался Костяжко. — А Местятка вона, коней собирает.

Шемяка отошел в сторону и увидел возвращающегося Местятку, ведущего на поводу

коней. К нему уже спешил Василь. А торки махали руками стоя у кустов, откуда в отряд стреляли лучники.

— Были бы они все воинами — легли бы мы тут... — сказал Чурнай, сбрасывая на землю трофеи: три лука с шестью тулами из бересты, пояса, сапоги, ножи и черные мохнатые шапки.

— В смысле? — удивился Сашка. — Они же все доспешные!

— И что с того? — проворчал торк. — Бронь напялил и сразу воином стал?

— Не понял, — помотал головой Шемяка.

— Воев всего четверо было, — сообщил торк с усмешкой. — Они на нас напали, а на вашу долю разбойнички достались. Половцы не в счет.

— Половцы? — удивился Шемяка.

— Они самые, — вновь усмехнулся Чурнай. — Вон в кустах лежат.

— Ну дела, — только и мог сказать Шемяка.

Расторопные торки, оказывается, уже успели проверить разбойников, добив тяжело раненных. Двоих бандитов, оглушенных, ну явно работа Алеши, сильно помятых, повязали и аккуратно усадили на землю, заткнув рты кляпом. Встреча с поповичем для них закончилась не так печально, как для товарищей, но болезненно. У одного сломана рука, а у второго вывих плечевого сустава и сломано запястье. Ну и лица — сильно помятые от жесткого приземления. Все-таки человек не птица — летать не может.

Всего насчитали пятнадцать трупов разбойников, их раздетые тела бросили в сторонке. Хоронить их никто не собирался.

Пока Осип искал место повыше, чтобы разбить лагерь, пока развели огонь, торки решили побеседовать с пленными. Чурнай увел парней к кустам, где остался лежать раненный в живот половец. Но они быстро вернулись, очень недовольные.

— Как ты мог не связать ему руки! — ворчал Чурнай на Карасика. — Учишь вас, учишь...

— Так кто знал, что он так сделает... — оправдывался молодой торк.

— Что случилось? — спросил Сашка.

— Поганый издох, — пробурчал Чурнай.

— Обломленное древко вонзил себе в очи, — с виноватым видом, произнес Карасик.

— Давай, вон того тащи, — велел ему Чурнай, снимая с пояса небольшой мешочек. — Сейчас он нам все расскажет...

Шемяка не был сторонником пыток, но мешать торкам не стал. Слишком много вопросов и подозрений у него было. В корчме, кто-то лазил в мешки, нарушив маячки, оставленные в них Шемякой. Значит, видел золото... Видел, но не взял... И тут нападение... Словно их ждали. Подозрение падало на хозяина корчмы, но стоило это проверить.

Чурнай деловито посмотрел на брошенного на землю разбойника, зло смотревшего на торка. Бандит извивался, мыча. Торк сел на колени перед ним и резко повернул сломанную кисть. Хорошо так повернул, в пол оборота. У разбойника от боли вздулись вены на висках, широко раскрылись глаза, показавшиеся Шемяке горящими угольями.

— Меч тебе в руках все равно не держать, — равнодушно сказал Чурнай, опять проворачивая кисть. — Расскажешь все — умрешь быстро. Обещаю.

Разбойник дернулся, подогнув связанные ноги, попытался ударить коленями торка.

— Ну не хочешь по-хорошему, — вздохнул торк и резко дернул, оторвав кисть напрочь.

Шемяка отвернулся, а когда Итларь прижег головешкой обрубок, не выдержал,

вывернул наизнанку желудок.

— Ты, что, господин? — забеспокоился Чурнай.

— Ничего, — ответил Шемяка между спазмами. — Продолжай.

— А он ничего, хорошо держится, — с довольным видом произнес торк, глядя на разбойника, все еще находящегося в сознании. — Я тебе кляп выну, ты только не кричи, — сказал он ему.

Бандит слабо кивнул головой, и когда кляп вытащили, сцепил зубы и не произнес ни слова.

— Молодец, — похвалил Чурнай. — Но лучше все расскажи.

Бандит мотнул головой.

— Ну как знаешь... — пожал плечами торк, продолжив пытку.

Через полчаса сильный и смелый разбойник походил на кусок, сотрясающегося мяса, но продолжал молчать. Чурнай чиркнул ножом по горлу, и сказал Итларю:

— Тащи следующего.

Сашка заставил себя остаться, несмотря на то, что очень хотелось уйти, не смотреть на мучения.

Второй пленник оказался не таким крепким, буквально через несколько минут, лишившись ушей, он стал рассказывать. Сашка изредка задавал уточняющие вопросы, да Чурнай время от времени хватался за нож, чтобы подстегнуть откровенность пленника.

Главарь банды — Кудеяр. Кто он и откуда — никто не знал. Ликом походил на выходцев с полночных стран — очень черен и ловок безмерно, а уж саблей и мечом владел, как никто другой. Его все боялись, как огня, и даже сам князь ему не смел перечесть.

— А вот тут поподробнее, — заинтересовался Шемяка.

Ивор однажды сопровождал Кудеяра вместо Клуksа.

— Клуks — это кто? — прервал пленника Шемяка.

— Вот он, — Ивор нервно кивнул на лежащий в сторонке труп.

Он не утерпел, подкрался, подслушав разговор вожака с князем. Кудеяр требовал большей доли в добыче.

— Значит, наместник, даром, что князь, обыкновенный главарь организованной преступной группы, поставивший дело на широкую ногу, — подумал Сашка.

Враг на пороге дома, а великие князья котору устроили, младшие князья грабежом не брезгуют, а бояре своевольничают, ища свою выгоду в междуусобице.

— А где сейчас Кудеяр? — задал вопрос Чурнай.

— Так на дело пошел, купец спозаранку из града выехал... — честно признался разбойник.

Шемяка посмотрел на торка.

— Даже не думай, — быстро ответил Чурнай. — В темноте кони ноги переломают...

— Я знаю, как его перенять, — быстро сказал Ивор, с надеждой глядя на Шемяку.

Ночью на болоте жутковато. В плотном тумане стоял острый запах сырости, прелой травы и гниющих водорослей. Зудящий гнус висел над болотом. В лунном свете едва различимы ориентиры, по которым Ивор выбирал направление. Шаг в сторону — и человека ждала верная смерть, страшная, лютая. Пять человек, погрузившись по пояс в болотную жижу, опираясь на шесты медленно брели по болоту, с огромным трудом вытягивая искусанные пиявками уставшие ноги из затягивающей болотины.

— Вот он остров, — остановившись, чтобы отогнать гнус, тяжело дыша, произнес Ивор,

указывая на едва различимые очертания острова, заросшего лозой и редкими соснами.

— Что встал? — зло просипел Чурнай.

— Тут зыбко! Засосет! — выкрикнул Итларь.

— Молчи! — зашипел на него обернувшийся Карасик.

Побрели дальше. Вдруг Ивор провалился по грудь, следом за ним в воду ушел Чурнай. Ивор рванулся вперед и чуть в сторону, бросив шест, несколькими быстрыми гребками оторвавшись от Чурная, который проваливался все глубже.

— Помоги! — захлебываясь болотной жижей прохрипел Чурнай.

Итларь же смотрел не на уходящего в трясину торка, а на пленника. Ивор заползал на твердое место и поднявшись, обернулся, сделав не приличный жест. Он злорадно рассмеялся и быстро побежал к берегу. Итларь недолго думая, метнул копьё, используемое вместо слегги. Несмотря на усталость и неудобное положение для броска, он оказался точен. Ивор упал с копьем в спине, и трясина моментально затянула, еще трепыхающееся тело.

— Помоги, — захлебываясь, пробулькал Чурнай, дернулся и ушел под воду с головой.

Карасик дернулся вперед, оттолкнув Итларя, который сделал шаг в сторону и провалился по самое горло.

— Ты чего? — завопил он.

Карасик не слушал брата, он сунул в воду шест, уже без всякой надежды. Отчаявшись, он шевелил им в трясине и чуть не упал, когда за шест резко дернули. Он стал тянуть, крикнув:

— Помоги!

Шемяка лихорадочно вязал петлю на шест. Узел никак не хотел затягиваться. Справившись, он протянул свой шест Итларю, а сам схватился за конец слегги Карасика. Мокрые руки скользили по деревяшке, Шемяка заметно нервничал, стараясь удержаться на ногах. Итларь тянул за шест, пытаясь выбраться.

— Не дергайся, — сквозь зубы, зашипел на него Шемяка. — Просто держись.

Вместе с Карасиком они выдернули Чурная из трясины. Торк выплевывая зловонную жижу, закашлялся.

Итларя вытягивали вместе. Шемяка боялся, что шум будет услышан на острове и тогда им не миновать смерти.

Осторожно обойдя торков, Шемяка рискнул идти дальше. Он бросился в болотину, не ища опоры на дне, сделав несколько сильных гребков. Рука ударилась о помост под водой. Взобравшись на него, он отдышался, дожидаясь торков. Хитрые разбойники предусмотрели все. Незваные гости зайдя в тупик или утопли бы, или были бы расстреляны из луков. На берегу лежала перевернутая вверх дном небольшая кожаная лодка, под которой нашелся маток веревки. Именно так разбойники переправляли добычу через опасный участок.

Выбравшись на сухое место, они сели передохнуть. Торки восстановив дыхание, принялись проверять мешки, в которых хранили луки и стрелы. Странно, но вода пощадила оружие. Вооружившись, они стали пробираться в глубь острова. Миновав прибрежные кусты, они остановились. Светало. Ветерок, дувший с северо-восточного направления сдувал гнус и ласково трепал взъерошенные коротко стриженные волосы. В лучах восходящего солнца предстала древняя крепостица: деревянный частокол на некогда высоком, а теперь оплывшем и заросшем ольхою и вербою земляном валу. Сразу за стенами острога росла сосна, на вершине которой установили смотровую площадку. Судя по ветхости — крепости не менее пары сотен лет. На заостренных кольях нанизаны черепа животных и людей. Человеческих черепов было несравнимо больше — они были повсюду: висели на ветках,

валялись на земле, полностью или частично покрытые мхом. Встанешь на кочку, а она, крякнув, расколется, являя миру пустые глазницы или крепкие огромные зубы нижней челюсти.

— Жуткое место, — пробормотал Шемяка, поежившись.

Торки предложили обойти острог- поискать вход. И он скоро обнаружился, так как крепость имела вид окружности и была не велика. В земляном валу имелся проем, с установленными недавно новыми воротами. Они оставались открытыми, словно приглашая войти...

Внутри крепости стояли вполне добротно срубленные дома. Один большой и длинный, второй поменьше, но в два этажа. В грязной луже вольготно развалилась свинья, жалобно бляла коза, на длинной веревке привязанная к новенькой коновязи.

Они разделились. Чурнай с Карасиком подождали, когда Шемяка с Итларем поднимутся по лестнице и выбили дверь ногой, крича:

— А ну выходи, кто есть! Иначе сожжем!

В доме тишина взорвалась женским визгом и детским плачем.

Шемяка отворил не запертую дверь, входя внутрь. Итларь остался стоять на крыльце. Сашка обошел все комнаты, обнаружив в них спящих на лавках молодых женщин. Он бесцеремонно разбудил их, скинув на пол. Женщинам не понравилось грубое обращение и, они полезли царапаться, а одна даже попыталась пырнуть Шемяку ножом. Сашка нож отобрал, врезав кулаком в глаз. Но женщины не хотели успокаиваться. С противным визгом они продолжали нападать, пытаясь повалить Шемяку. Пришлось бить по-настоящему, и немного попинать, когда они распластались на полу.

Шемяка посмотрел на хронометр. Время восемь утра. Надо торопиться. Пинками вытолкав женщин на крыльцо, он отпустил Итларя помочь родственникам. Те уже выгнали людей из дома и Сашка удивился, что там были одни бабы с малыми детьми.

Вдруг, из-за клетки метнулась в сторону ворот девчушка лет пятнадцати. Итларь заметил боковым зрением движение и метнул стрелу, вонзившуюся в спину дурной девице. Она взмахнула руками, ярко красное пятно проступило на серовой ткани, и упала, сотрясаясь в конвульсиях.

— Зачем? — воскликнул Шемяка.

Итларь виновато улыбнулся.

Чурнай быстро провел допрос. Вся женская орава, после смерти девушки притихла, и испуганно смотрела на незваных гостей, облепленных болотной тиной и потому имевших ужасающий вид.

Чурнай вызнал, что все обитатели острога обыкновенные рабыни, захваченные разбойниками у купцов. Славянок среди них почти не было, в основном болгарки, и иные малые народности.

А вот с женщинами Шемяки все оказалось наоборот. Они не рабыни, а свободные женщины. Жены Кудеяра и его помощника. Одна из них как две капли походила на Хаританию — дочку корчмаря. Только чуть постарше выглядела и дородней.

Времени терять не стали, женщин загнали обратно в дом и крепко связали, заткнув рты кляпом. Жен разбойников Сашка взял с собой. Они удобно расположились в горнице и пока Итларь наблюдал за воротами, он допрашивал женщин. Его предположение подтвердилось — Артанья была старшей дочерью корчмаря!

— Хороша девка, как мытая репка! — не удержался от восклицания Итларь,

облизываясь.

— Ты лучше за двором смотри, — рыкнул на него Шемяка.

— Кажись, едут, — прошептал Итларь через несколько минут.

Шемяка подошел к окну, осторожно выглянул. Действительно, в воротах появился нагруженный коробьями верблюд, за ним мелькнула голова в мохнатой шапке.

— Нефига себе, — пробормотал Сашка, глядя как во двор плавно вплыли три верблюда, а за ними вереницей потянулись навьюченные лошади.

Разбойники замерли, не понимая почему их не встречают. Руки потянулись к оружию, и в этот момент Артания каким-то чудом сбросила веревку, стягивающую руки и с воплем — "Любый, пасись!" — бросилась на Шемяку, поднявшего арбалет для стрельбы.

Скулу неожиданно обожгло, Сашка нажал на скобу и, естественно, промахнулся, попав вместо разбойника в лошадь. Итларь развернулся, вогнав стрелу в бок женщине, вновь замахнувшейся на Сашку. Та всхлипнула и упала, завалившись на бок. Из руки выпал нож, неизвестно как появившийся у женщины.

— Стреляй давай! — закричал Сашка, хватая второй самострел.

Стрелы летели в разбойников, пытавшихся укрыться за животными. Один со стрелой в животе истошно вопил, пока взбесившаяся лошадь не обрушила на его голову копыто. Другой пытался ускользнуть, бросившись назад к воротам. Чья-то стрела сбила его, и он упрямо полз, оставляя за собой кровавый след. Сашка целил в разбойника, потерявшего в суматохе шапку. Сам удивился, что попал. У него было четыре заряженных арбалета и это было первое попадание. Один болт ушел мимо, а два других вместо людей, попали в лошадей. Раненная лошадь рванулась, открывая прятавшегося за ней разбойника, и Итларь вогнал стрелку ему точно в горло.

— Кажись все, — почему-то шепотом сказал Итларь.

Сашка трясущимися руками пытался натянуть тетиву самострела и не обратил на слова внимания. Вложив болт в ложбинку, он выглянул в окно, ища цель.

— Все уже, — в полный голос повторил Итларь.

Во дворе объявился Карасик, с копьём в руках. Он осторожно обошел место побоища, тыча острием в распростертые тела.

— Все покойники! — громко крикнул он после осмотра.

— Надо было хоть одного оставить, — запоздало сообразил Шемяка, глядя на невозмутимо жующих верблюдов.

Ему хотелось посмотреть на знаменитого разбойника, но среди трупов его не оказалось. Он исчез, словно его и не было никогда. И спросить куда он подевался не у кого. Все мертвы.

Расстраиваться по этому поводу долго не пришлось, торки заглянули в корзины и мешки и шумно радовались добыче. Ограбленный купец вез на продажу четыре меча, пять кольчуг, и три кожаных куртки с нашитыми поверх пластинами. Огромное количество стеклянных бус и браслетов и пять десятков ножей

— На полгривны потянет, — заметил Чурнай, перебирая ножи.

Торки освободили нескольких женщин, поручив им приготовить еды. Свинья и бараны, пасшиеся за крепостью, пошли под нож. Там же на пастбище обнаружился табунок лошадей и несколько верблюдов, невозмутимо наблюдавших за торками, когда они осматривали лошадей.

Разбойничьи корма открыли свои двери, приведя торков в неопиcуемый восторг.

Чего там только не было. От литых светильников с открытым носиком и очень маленьким поддоном, подставок для восковых свечей, орнаментированных ступок до больших котлов и сосудов с ручками в виде изогнутой кошки. Среди посуды встречались парадные чаши из меди, полусферические котелки, глубокие сосуды для воды. Чурнай выбрал себе плеть с наверху в виде хищной птицы. Добра было столько, что торки не успевали паковать его в мешки и корзины.

Арсенал Кудеяра поражал разнообразием и количеством брони и оружия. Кольчуги щедро смазаны жиром и ждали своего часа. Шемяка насчитал не полных пять десятков добрых броней. Это не считая тех, что лежали в мешках ограбленного купца и тех, что носили сами разбойники. Булавы, мечи, сабли, длинные и узкие ножи, которые предпочитали черниговские ковуи, рогатины, копыя, луки и стрелы, самострелы — этим можно было вооружить целую сотню воинов.

— И как мы это все вывезем? — печалился Шемяка, глядя, как гора мешков, корзин растет с невероятной быстротой.

— Пацан говорит гать знает, — сообщил Итларь, укладывая мешок.

— Какой пацан? — удивился Сашка.

— Я тоже думал девка, полез пощупать, а он парнем оказался, — засмеялся торк.

С восточной стороны острова, на твердую землю была проложена гать, скрытая водой. По ней разбойники проводили лошадей с награбленным товаром, а потом перегоняли обратно на большую землю, продавая половцам. Им же сбывали невольников. Похоже, разбой и скупка награбленного был доходным занятием местного населения, начиная от наместника, заканчивая половцами.

Торки печалились, что лошадей мало, чтобы забрать все и нашли выход, навьючив мешки на невольниц.

— Все едино пропадут, или похолопит кто... — пояснил Чурнай свое решение. — По дороге продадим их.

Уже уходя из острога, торки обратили внимание, что куча навоза, сваленная у полу обвалившихся клетей, шевельнулась. Чурнай подал знак Карасику, обнажив саблю. Молодой торк, вооружился копьем и осторожно ступая подошел к куче, замерев в ожидании. Вдруг он воткнул копье в дерьмо, и сразу раздался крик. Из дерьма пыталось подняться нечто, напоминающее человека. Чурнай резко секнул и измаранная дерьмом голова отлетела в сторону, а тело упало обратно, фонтанируя кровью.

— Эх, где он спрятался! — воскликнул Итларь, подбирая голову.

В ближайшей луже, он омыл лицо и показал голову невольницам.

— Кто? — рявкнул он грозно.

Невольницы испуганно отпрянули, съёжившись, стараясь спрятаться друг за дружку.

— Ну! — рыкнул Шемяка, грозно сведя брови.

Парень, принятый Итларем за девку, что в прочем, не мудрено было сделать, так как Милко обладал стройным станом, длинными до пояса волосами и миловидным личиком, сказал:

— Кудеяр это.

Вот так, бесславно, в куче дерьма, закончилась разбойничья карьера выходца с востока — неуловимого, наводящего ужас на купцов, Кудеяра. Шемяка, можно сказать, доброе дело сделал — освободил мир от бандита. Вот только свято место пусто не бывает — кто-то из местных обязательно займет его место. И Кудеяр возродиться, как птица Феникс из пепла.

Пока шли по гати, Итларь довел Милку до белого каления, говоря:

— Вот придем в болгары и продадим тебя в гарем. Ты — как красна девица. Много серебра за тебя дадут!

Парень злился, но молчал, краснея.

Шемяке это надоело и, он велел торку отстать от парня.

— Господин, видно, тебя для себя приберег, — пробурчал торк тихо, что бы хозяин не услышал.

Милко вспыхнул и отвернулся. Видно, печальный опыт у него имелся. Кудеяр изредка вызывал его к себе и оставлял на ночь.

— Я в монастырь уйду, — твердо сказал Милко.

— Кто тебя там ждет? — зло рассмеялся Итларь. — Ты — раб.

— Все мы рабы божьи, — смиренно ответил парень. — Ты вот тоже раб.

— Ты меня с собой не путай, — взъярился Итларь, хлестнув плеткой по спине Милко.

Парень вынес удар с христианским смиреньем, беззвучно шепча слова молитвы.

— Я - воин! — гордо заявил Итларь. — Сын воина и внук воина! Все мои предки были воинами!

Шемяка обернулся на шум и сразу все понял.

— Ты посмел послушаться меня? — грозно прикрикнул он.

— Нет, господин, — возразил торк. — Просто он...

Он не договорил. Налетевший Чурнай огрел плетью ослушника и бил пока не устала рука.

— Он не виноват, — попытался заступиться за торка Милко.

— Молчи, раб! — рыкнул Чурнай, хлестнув плетью.

Ткань рубахи с треском разошлась, обнажая кровавую борозду на спине невольника.

— Чурнай, хватит! — окрикнул торка Шемяка.

Выбравшись на твердую землю, Сашка гадал, в какую сторону идти, но торки быстро с ориентировались, выбрав верное направление.

Их встречали с радостными криками. Алеша радовался, как ребенок, приподняв Чурная и кружась с ним, пока торк не взмолился:

— Отпусти, зараза! Уронишь ведь.

Молодые торки бросились в рассыпную, когда увидели, что Алеша направляется к ним с распростертыми объятиями.

— Живые! — с детской улыбкой на устах, кричал счастливый Алеша, подбрасывая высоко в небо свою громадную палицу, и что характерно, ловко ловя ее на лету.

Радость от встречи испортили Ефимий с Василем.

— Любим помер, — крестясь сообщили они не нерадостную весть.

— Прими, господь, его грешную душу, — сказал Шемяка, сдергивая шапку с головы.

— Ы-ы-ы, — кто-то рядом замычал, пытаясь подняться.

— Свен? — широко распахнув глаза, испуганно воскликнул Сашка.

Торки схватились за рукояти сабель, настороженно глядя на англичанина, в их глазах мелькнул страх, но они продолжали стоять, готовые наброситься на восставшего из мертвых.

— Ты же умер! — крикнул Шемяка, судорожно вцепившись в рукоять сабли. — Я сам видел! Тебе раскрыли череп!

— Ы-ы-ы, — мычал Свен.

— Да живой он, живой, — поспешил успокоить Ефимий.

— Колдовство! — заорал Итларь.

— Слыхал я волхвы мертвецов из земли поднимали, — пробормотал Карасик.

— Не мертвецов, — поправил торка Милко. — В Ростове дело было. Давно уже. Из чрева женок изымали хлеба и рыбу и много женок убили.

— Ты откуда знаешь? — чуть повернув голову, тихо спросил Итларь.

— Так с Ростова я, — впервые признался Милко откуда он родом.

— Волхвы не все плохие, — подал голос Местятка.

Шемяку пронзил обжигающий холод, едва речь зашла о волховании. На память пришел пронзающий душу взгляд Любомира. Тело, словно, оцепенело, а Сашка падал в глубокую бездну под крик волхва:

— Помни! Зачем ты здесь, помни!

— Господин!

Сашка очнулся от окрика Ефимия, с большим интересом наблюдавшим за ним.

— Волховство не существует, — с апломбом заявил Василь, словно озвучивал официальную позицию Церкви. — Богу попуцшу, беси действуют; попускает Бог, иже кто их боится, а иже кто веру твердо держит к Богу, с того чародеици не могут.

Наверное, так и было, раз никто не стал с ним спорить.

— А может Ефимия в воду бросить? — предложил Ратмир с серьезным видом. — Ежили не выплывет — неповинен есть, а выплывет — волхов есть.

— Ты что такое говоришь? — набросился на него Василь. — Это дьявольское искушение и есть — в воду бросать!

— Это еще почему? — изумился Ратмир. — При дедах бросали же...

— Молчи, язычник! — завопил Василь.

— Крещен я, — обиделся Ратмир, демонстрируя каменный крестик на шее.

— Бесовское это искушение! — вопил Василь. — В воду бросать... А знаешь ли ты, что бес может легко поддержать обвиняемого и тот не утонет!

— Чего? — не понял Ратмир.

— А то! Может пострадать невинный! — в запальчивости выкрикнул Василь.

Шемяка не выдержал, рассмеялся.

— Кончайте этот теологический спор, — наконец сказал он.

Ефимий усмехнулся.

— Говорите, как это случилось.

— Я отчитывал Свена, — начал рассказ Василь. — Хоть он и не нашей веры...

— Ы-ы-ы, — замычал англичанин.

— Помолчи, — осадил его Василь. — Я тебя окрещу в Беловеже, сразу как приедем.

— Ы-ы-ы, — вновь замычал англичанин.

— Это дело решеное, — твердо произнес Василь и продолжил рассказ.

Когда мертвец открыл глаза, Василь не сильно испугался. Такое бывает, когда человек умирает не своей смертью, и мертвецы, оставшиеся лежать на поле брани, бывало резко садились и из домовины поднимались. Всякое бывало... А глаза открылись... ничего страшного в этом нет. Василь протянул руку, чтобы прикрыть мертвецу очи и, вдруг, он промычал:

— Ы-ы-ы-ы.

Тут Василя проняло. С криком:

— Изыди нечистый! — он побежал, подобрав рясу, но споткнулся и упал.

Ефимий от истошного крика очнулся от дремоты. Проснулся Местятка и Ратмир. Только Алеша продолжал спать крепким сном младенца, если бы не его богатырский храп.

— Что там? — спросил Местятка.

— Мертвец воскрес! — завопил Василь.

— Иди посмотри, — подтолкнув проснувшегося Осипа, велел Местятка.

— А что сразу Осип? — стуча зубами ответил перепуганный парень. — Чуть что сразу Осип...

— Иди сказал, — рыкнул Местятка. — Ну!

— Не пойду, — пятась задом наотрез отказался Осип. — Ни за что не пойду!

Лекарь молча поднялся и вытащив горящую ветку из костра, решительно направился к трупам, положенным в сторонке. Он посветил себе, глядя в лицо англичанина.

— Ы-ы-ы-ы, — промычал тот, хлопая ресницами.

— Кажись, живой, — пробормотал Ефимий, оттягивая веко англичанина. — Ну точно, живой, — обрадовался он.

Осмелевшие Местятка и Ратмир подошли поближе, но все же держались настороже.

— Да живой он, живой. Не бойтесь, — сказал Ефимий им. — Ошеломили его просто знатно.

— А мычит чего? — все еще сомневаясь спросил Местятка.

— Челюсть сломана похоже, — ответил лекарь.

— Весело у вас, — сказал Шемяка выслушав рассказ. — Однако нам пора ехать.

Беловежской степью караван добрался до Беловежи — городка на небольшом возвышении среди болот. Деревянная крепость округлой формы стояла на высоких валах и дополнительно защищалась глубокими рвами. Непосредственно у подножья города проходила дорога на юг, огибая его с запада. С юго-западной стороны к крепости примыкал посад дворов на сорок, с трех сторон надежно защищенный болотами. В посаде проживали в основном семейные дружинники и мастеровой люд, обеспечивающий жителей необходимыми в хозяйстве изделиями. На противоположном берегу реки расположилось еще одно поселение, довольно большое, дворов на семьдесят — там жили земледельцы.

Добравшись до корчмы, Шемяка не мешкая направился к Борису — боловежскому наместнику, поджарому мужчине неопределенного возраста с косым шрамом через все лицо — налоги уплатить, на вопросы ответить, новости узнать.

— Значит, спокойно добрались, — удовлетворенно заметил наместник, пощипывая гладко выбритый подбородок.

— Спокойно, — еще раз повторил Шемяка, улыбаясь. — Во Всеволоже нас пугали Кудеяром, но бог миловал.

— Совсем обнаглел он, — со вздохом сказал Борис. — Купцы давно уже князю жалуются. Грозят, что в Чернигов больше не приедут.

Сашка сидел, молча слушая.

— Да куда они денутся, — махнул рукой наместник. — Расскажи лучше, что нового в Чернигове.

Шемяка рассказал.

— Ишь ты, — в задумчивости теребя подбородок, произнес Борис, когда Шемяка замолчал.

Шемяка хотел уже уходить, когда Борис спросил его:

— Мальцов, часом, не купишь?

— Каких мальцов? — спросил Сашка.

— Крепких, здоровых, — пояснил наместник. — Немного тощеваты, но пару-тройку дней покормить хорошо и в норму придут.

Дети содержались в загоне, как скот, на заднем дворе. Тощие, с голодными глазами, они сидели на голой земле, украдкой бросая взгляды на подошедших людей.

— Три девчонки и два мальчика. Это все, что остались, — сказал наместник. — Бери, не дорого прошу.

— Хорошо, — согласился Шемяка, не долго раздумывая. — Беру.

Детей отвели в корчму, вымыли, накормили и одели. По-русски они не говорили — половцы. Видно из диких, так как корчмарь сообщил, что они из полона приведенного наместником из недавнего набега.

— Так вроде с половцами мир, — удивился Шемяка.

— Так мир и есть, — подтвердил корчмарь.

— А как же набег? — спросил Шемяка.

— Так это так, баловство одно, — усмехнулся корчмарь. — Они к нам приходят, мы к ним...

Вот такая она пограничная жизнь. Вроде бы мир, но живешь в постоянном напряжении. Села никто не жег, людей не убивал. Набегут, скот уведут, людишек похватают. Так и жили.

От товаров Шемяка избавился. Нашел людей, согласных перегнать караван в Чернигов. Невольниц и купленных детей решил также переправить к Людмиле. Для верности попросил беловежского наместника дать охрану до Всеволожа, а там Трувор даст людей до Ковчина.

С Милкой вот не знал, что делать. Ефимий с Василем пообщались с парнем и выдали заключение:

— Не из простых он, — сказал лекарь. — Грамоте обучен, Святое писание знает..

— Боярский сын он, — предположил Василь. — Или даже княжич...

Час от часу не легче.

Милку решили взять с собой, но разузнать про парня все же следовало. Шемяка написал письмо Людмиле с просьбой узнать не пропал ли в Ростове молодой отрок. Хотя, он быть родом и из Суздаля или даже из самого Владимира.

Свена тоже пришлось оставить. Рана на голове нагноилась и англичанин слег с сильным жаром. Ефимий оставил лекарство, Шемяка нанял сиделку и заплатил корчмарю за комнату.

— Ты серебра оставь ему, — посоветовал Василь. — Поправится — на дорогу ему пригодится, а помрет, так будет на что похоронить по-христиански.

Глава 20. Граница

Оставшийся отрезок пути до Липового отряд Шемяки проделал без приключений. Торговый гость с которым была договоренность на охрану, встретил Сашку не ласково.

— Я уже два дня тебя жду, — недовольно произнес он.

— Я торопился, как мог, — оправдывался Шемяка.

— Торопился он, — пробурчал Нестор. — Вижу, как торопился...

Сашка пожал плечами, видя, что спорить бессмысленно.

— Пошли, — сказал купец, поднимаясь. — Познакомлю с охранниками.

Нестор Булгарин, коренной киевлянин, получил свое прозвище от торговли с Булгарией, где часто бывал и имел там свой двор. Торговые интересы купца не ограничивались столицей, он вел дела со многими городами, в том числе и с Саксином. Потому его караван насчитывал огромное количество верблюдов и лошадей, и всего две телеги. Повозка, запряженная лошадьми, конечно перевезет больший груз, чем лошадь, нагруженная вьюками, но из-за особенности пути, время колесного транспорта в международной торговле еще не пришло.

— Знакомься, — сказал Нестор, подзывая воинов в половецких одеждах. — Это Чимбук, это Лавор, а это Едльдечюк.

Сашка поздоровался.

— Вои они хорошие, — заметил купец с усмешкой. — Только характер скверный.

Половцы дружелюбно улыбнулись, демонстрируя крепкие белоснежные зубы.

— Им бы в рекламе блендамеда сниматься, — подумал Сашка.

Облаченные в кожаные штаны, в расшитые узорами кафтаны с нашитыми роскошными полосками на рукавах, символизирующими об их аристократическом происхождении, половцы казались настоящими красавцами. Среднего роста, стройные, крепкие на вид войны гладко брили волевые, выступающие вперед подбородки, но носили пшеничного цвета усы, и длинные косицы на затылке, что в сочетании с налысо бритой головой придавало им вид brutальных мужчин-мачо. Дворовые девицы, так и носились мимо них, одаривая призывными озорными взглядами.

— Это вся охрана? — спросил Шемяка.

— Вся, — сразу помрачнел купец. — В Киеве хворь случилась с охраной, потому и нанял тебя. Да в Переяславском княжестве разбойные люди напали — двоих стрелами посекали, насилие отбили.

— Да, от разбойников житья не стало, — согласился Шемяка, вспомнив Кудеяра.

— У татар хорошо — порядок. Купцов пальцем никто не трогает. Всюду почет и уважение, а тут... — пробурчал Нестор.

Еще со времен князя Владимира, специальным соглашением, болгарские купцы вольно торговали, получив княжескую грамоту, а русские купцы, ездили свободно в Булгар, имея грамоты Булгарских наместников. Во времена Мономаха торговый путь переместился — теперь ездили сухопутным путем через землю вятичей. При Владимиро-Суздальских князьях, часто конфликтовавших с Булгаром, сухопутный путь пришел в упадок, но все же не прекращал функционировать. Основной поток товаров пошел по старому водному пути Киев — Десна — Ока — Булгар.

Предприимчивые купцы стали осваивать другой путь: Булгар — Муром — Рязань —

Москва — Можайск — Дорогобуж — Смоленск — Витебск — Полоцк — Рига.

— От Киева до Булгара — шестьдесят дней пути, — рассказывал словоохотливый купец, найдя в Сашке благодарного слушателя.

— Не вижу смысла два месяца трястись в дороге, чтобы привезти товар, который свои умельцы могут сработать, — подначивал купца Шемяка.

— Никто и не возит, — воодушевился купец. — Весь барыш в транзите.

— В чем? — удивился Шемяка.

— В транзите, — пояснил купец. — Из Булгара до Джурджании — 90 дней, до Дербента — 48 дней, до Саксина — 30 дней, до Корсуня — 60 дней.

— Это все, конечно, интересно, — промолвил Сашка. — Но я связи не улавливаю.

— Это потому что дело твое — воинское и в торговле ты ничего не смыслишь, — назидательно произнес Нестор.

Какой товар вез купец не было секретом. Это мед, воск, бобровые меха, меха черных лисиц и белка, полотно, изделия из стекла, серебра, а также янтарь. Отдельную группу товаров составляли рабы. Среди них были представители разных народов и народностей, даже галичане, разбитые под Торческом. Однако, у купца был товар, который охранялся с особой тщательностью, его личными помощниками, звероватого вида громилами, вооруженными длинными ножами и боевыми топориками. Луки у них тоже имелись, но насколько хорошо они ими пользовались, Шемяка не знал.

На дневках они никогда не участвовали в стрельбе, устраиваемой половцами, оказавшимися отменными лучниками. Лишь торки могли конкурировать с ними в ловкости и точности стрельбы. Да Местятка постоянно тренировался, пытаясь достичь совершенства. Шемяка составлял ему компанию, но понимал, что в отличии от поповича, достичь уровня торков с половцами у него не получится. Тут нужны долгие годы тренировок. Впрочем, Алеша пользовался большим уважением у степняков за свою силу. А лук у Алеши вызывал всеобщую зависть. Никто из половцев не мог даже натянуть тетиву, а Алеша пускал стрелу на запредельное расстояние. Вот только с меткостью у него были проблемы, но он упорно тренировался.

Обычно стреляли три раза в день. Рано утром, когда ветер наиболее силен, днем, когда его почти не было, и вечером, когда дул слабый ветерок. Стрелять приходилось с коня, и результативность такой стрельбы вызывала улыбки торков и половцев. Зато Шемяка научился взводить арбалет сидя в седле и управлялся со сложной задачей лучше всех.

Далеко впереди, на высоком берегу, показались укрепления Вантита — последнего русского города на пути. Но купец в город не поехал, свернул в сторону и, дорога вывела к караван-сараю, возведенного в незапамятные времена. Тут остановились на дневку. Отдохнули и утром, с рассветом отправились дальше.

— Теперь смотри в оба, — предупредил купец Шемяку. — Поганые места пошли.

Несколько раз они видели всадников, но те скрывались, не вступая в контакт. А утром нагрянули гости, без всякой враждебности подъехавшие к каравану. Шемяка нервничал, но купец оставался спокоен.

Три десятка половецких воинов сопровождали караван до своих веж, где Нестор предстал перед ханом. Они долго разговаривали, сидя на ковре. Хан махнул рукой и молоденькие чаги принесли угощение. Чимбук, стоявший рядом с Шемякой сразу заулыбался, расслабившись.

— Торговать будем, — с довольным видом произнес он, облизываясь на куски вареной баранины.

Нестор раскладывал товары прямо на траве. Хан выбирал первым. Отобрав понравившееся, приказал пригнать невольников. Нестор выбрал нескольких. Хан кивнул головой, соглашаясь с ценой. Теперь к товарам подходили остальные половцы, забирая нужное, а взамен оставляя кожи или невольника. Эти два товара были основным платежным средством половцев.

Когда хан отпустил купца, тот вздохнул с облегчением.

— Дикие, — сказал он. — Могли и ограбить.

Еще несколько раз им встречались половецкие курени, кочующие по степи. Нестор торговал, требуя в уплату невольников. Когда половцы не имели рабов, а товар приобрести очень хотелось, то глава семьи расплачивался детьми, большей частью девочками.

Колонна невольников значительно выросла, и кормили их теперь только просом, недоваренным мясом, купец не хотел тратить порядком сократившиеся запасы муки и хлеба.

Чимбук с товарищами и торки постоянно пребывали в сторожах, высматривая чужих, но однажды они не углядели.

На караван напали, с залихватским гиканьем, со стрельбой из лука. Несколько вьючных лошадей с громким ржанием пали, пронзенные стрелами, остальные взбесились, рванувшись в разные стороны. Начался переполох. Местятка примчался, стреляя на скаку. В него полетели стрелы.

Одни разбойники уводили лошадей, другие напали на Местятку, который только и успевал уворачиваться от летящих стрел. Шемяка подоспел вовремя, стреляя на скаку из самострела. Удивительно, но попал. Степняк в длинном халате взмахнул зажатой в руке стрелой и выпал из седла. Вдвоем с Местяткой они отогнали степняков от каравана, бросившись преследовать грабителей. Тревожно трубил рог. Половцы удирали, скрывшись в приярке, выходящим к берегу ручья.

— Стойте! — Шемяка услышал окрик Едльдечюка, догнавшего их.

Натянув поводья, они остановили коней. Шемяка успел взвести тетиву арбалета, прежде чем половец с товарищем догнали их.

— Туда нельзя, — выдохнул Едльдечюк, резко останавливая коня.

Его окровавленная сабля, говорила сама за себя.

— Они лошадей увели, — крикнул Шемяка, махнув рукой в сторону оврага.

— Там засада, — сверкнув очами, выкрикнул половец.

— Надо возвращаться, — добавил Лавор. — Там Чимбук с Чурнаем не справятся!

— Местятка, — обратился к парню Шемяка, — возвращайся с ними, а я все же догоню вражин.

— Я одного тебя не отпущу, — заявил Местятка.

— Делай, как я велю, — прикрикнул Шемяка.

— Тогда, тебе не стоит тут ехать, — предупредил Едльдечюк. — Лучше подняться по склону и ехать вдоль оврага.

Совет пловца оказался полезным, но трудно выполнимым. Крутой склон оврага густо зарос кустарником. Конь, повинаясь хозяину, несколько раз пытался взобраться, но каждый раз его постигала неудача. Шемяка догадался спешиться и только тогда, и то с большим трудом им удалось подняться на верх.

Наверху кустарник рос только вдоль обрыва и Сашка поскакал вперед, надеясь нагнать похитителей. Совершенно случайно, он заметил конский круп в кустах и остановился. Там определенно кто-то был. Он немедленно спешился, бросив поводья и, с арбалетом на

изготовку полез в кусты, обходя лошадей стороной. Осторожно выглянул из-за зарослей. На небольшой полянке мирно паслись с десятков низкорослых большеголовых кобыл. Людей не было. Шемяка осторожно стал пробираться к обрыву, мягко ступая по звериной тропе.

Он замер, увидав половцев. Их было шестеро. В грязно-серых халатах из грубой шерсти, с обмотанными вокруг талии широкими разноцветными поясами, в двое войлочных шапках, остальные в крашенных шерстяных колпаках, из-под которых торчат засаленные косицы разной толщины и длины. Все при луках. У одного на боку висит булава, у троих слабо изогнутые сабли. Остальные холодного оружия не имели, за исключением длинных ножей, заткнутых за пояс.

За спиной в зарослях кустарника испуганно заржали половецкие лошадки, до сего момента мирно щипавшие травку. Один из половцев обернулся, встретившись взглядом с Шемякой.

Сашка нажал на скобу арбалета и, не глядя на результат, огромными шагами метнулся вперед, метнув самострел в лицо ближайшему половцу. Выхватив саблю, секанул по бритому лицу третьего степняка, плечом снес четвертого, отбил удар, отскочил, метнувшись в сторону лучника, уже оттянувшего тетиву лука. Кто-то схватился за ногу. Он стал падать, скорее представив, чем ощутив, как стрела пролетает прямо над ним. В падении, он ударил саблей по ноге лучника, почувствовав, как сталь разрезает плоть.

Степняк сделал шаг вперед, пред глазами Шемяки промелькнула резанная рана на ноге из которой хлестала кровь. Сашка крутанулся, ударив саблей по бедру раненного лучника, и быстро глянул по сторонам. Прямо перед ним, согнувшись в поясе, нависал степняк с булавой в руках. Лишь случайность спасла Сашку от смерти. Быстро подогнув колени, Шемяка ударил по коленям степняка и принял на клинок падающее тело.

Последний оставшийся половец набросился на него с ножом в руке. Он упал на Шемяку, придавив к земле. Острие ножа неумолимо приближалось к шее, половец давил, рыча как зверь, брызгая слюной. Шемяка отчаянно сопротивлялся, пытаясь завести правую руку к бедру. Нож уже опасно колол кожу, когда он выдернул руку, сумев протиснуть ее между собой и степняком. Вцепившись железной хваткой в выпирающий кадык половца, Сашка резко дернул, вложив оставшиеся силы в этот последний рывок. Горячая, соленая на вкус кровь хлынула на лицо Шемяки, заливая глаза, нос, щеки, проникая в рот. Половец ослабив хватку, сипел, а Сашка лежал тяжело дыша, лишившись последних сил. Умиряющее тело сотряслось в конвульсиях и придавило Шемяку, разом потяжелев. Ему пришлось напрячься, чтобы скинуть его.

Протерев лицо колпаком мертвеца, Шемяка встретился взглядом с лежащим рядом степняком, обеими руками зажимавшим рану на животе. Губы умирающего безмолвно шевелились, а совершенно дикий, полный ненависти взгляд, обжигал. Шемяка, крича, встал на колени и взявшись за рукоять сабли, выдернул ее из раны, разрезая края и, ранив ладони взывшего от нестерпимой боли умирающего. Из вскрытого нутра вывалились наружу кишки, и степняк, скрючившись в позу эмбриона, судорожно пытался удержать их. Шемяка вонзил саблю в грудь, надавив посильнее, пока сталь не пронзила толстый слой ткани, раздвинула ребра, достигнув сердца. Половец резко дернулся, вытянулся во весь рост, и затих, глядя на Сашку широко открытыми глазами.

— Вот, гады, — устало произнес Шемяка, поднимаясь на ноги.

Один из половцев, был еще жив. Он пытался уползти в кусты, оставляя за собой широкий кровавый след. Шемяка добил его без всякой жалости, на всякий случай повторив

зловещую процедуру со всеми телами.

Лишь одному степняку он подарил жизнь. Тот лежал без сознания с расплюснутым носом, видно, от мощного удара потерял сознание. Шемяка связал его поясами убитых половцев.

Оставив пленника, так и не пришедшего в сознание, лежать в кустах, Сашка подобрал оружие степняков, еле волоча ноги побрел назад, не имея больше сил на преследование.

Когда он вернулся, его встретил Местятка, предупредив, что купец мечет громы и молнии.

— Я плачу тебе за охрану! — кричал он, брызгая слюной. — И что я получаю?

Шемяка молчал, понутив голову, глядя, как люди купца рядком укладывали убитых возчиков, и звероподобного громилу, утыканного стрелами, словно еж.

— Вот, что я получаю! — купец взмахнул рукой с зажатым в кулаке древком стрелы.

Лекарь колдовал над раненной ногой купца, собираясь специальной ложкой вынимать наконечник, оставшийся в ране.

— Столько товару потерял! — продолжал орать купец на Шемяку. — Два десятка лошадей угнали!

— Верну тебе твой товар, — разозлился Шемяка.

— Нет, вы, послушайте его! — взревел Нестор. — Товар он вернет! Там меха черной лисицы на двести гривен, да бобра на триста! И это еще не все...

— Я все верну, — пообещал Сашка, внутренне холодея.

— Значит так, — произнес купец тоном не терпящим возражений. — Все брони, оружие и кони, что есть у тебя и твоих людей — объявляю своей собственностью.

— Но, — попытался возразить Шемяка, но был перебит.

— То по уговору, по правде, — жестко пресек пререкания купец. — А вы сами теперь мои холопы.

Сашка молчал, не веря своим ушам.

— Да уходить надо, не мешкая! До караван-сарая доберемся — там отсидимся. Может, бог даст, кого встретим там, — сказал купец.

— Сам доберешься до своего сарая, — процедил Шемяка со злостью.

Он направился к торкам, со стороны наблюдавшим за разговором. Карасик баюкал раненную руку.

— Сильно поранило? — спросил Сашка.

— Да, нет, — улыбнулся молодой торк. — Жжет только сильно.

— Вы со мной? — спросил Шемяка. — Надо догнать грабителей. Слышали, что Нестор с нами хочет сделать?

— Да где их искать? — с сомнением произнес Чурнай.

— По следам найдем, — решительно заявил Итларь.

— У меня есть идея получше, — сказал Шемяка.

Они бросили купца, громкими воплями насылавшего на охранников проклятия. Его единственный громила ничего не смог поделать, и с невозмутимым видом отошел в сторонку, уступая дорогу. Чимбук с товарищами присоединился к отряду Шемяки.

— Может нам купца того, — предложил он, сделав характерный жест.

— И куда нам с товаром? Как объясним его смерть? — усомнился Местятка.

— Степь велика, — неопределенно махнул рукой Чимбук. — С таким богатством нас обратно в род примут.

— И далеко твои родичи кочуют? — поинтересовался Ратмир.

— К татарам ушли, — честно признался Чимбук.

— Нет, к татарам я не пойду, — наотрез отказался Шемяка.

— Если не вернем товар, — предупредил Чимбук, — мы уйдем.

— Там видно будет, — неопределенно ответил Шемяка, переглянувшись с Местяткой.

Пленный половец никуда не делся — лежал, как миленький, на сырой земле, вращая глазищами.

Половцы, испросив разрешения, принялись грабить мертвецов, обдирая одежду и подобрав брошенные на землю мешочки с кресалами, а Чурнай принялся за дело и вскоре пленник уже мечтал о сотрудничестве, обещая показать место становища.

Невольный проводник не обманул, вывел их к вежам еще до темноты. Разбойники встали лагерем на широком лугу и все подходы к нему просматривались на много сотен метров. Двух и четырехколесные возы половцы, по обычаю, поставили в круг, защищая свои вежи — войлочные юрты.

За лагерем, в пределах видимости, паслись мелкорослые и не красивые, с большой головой, но мускулистые, крепкие и быстрые, отличающиеся своей свирепостью и дикостью, половецкие кони, верблюды и волы. Где-то вдалеке слышалось блеяние овец, без которых не обходилось ни одно кочевье.

— Многовато их, — прошептал Чурнай, затаившись в кустах.

— Зря ты пленника прирезал, — так же шепотом ответил Чимбук. — Наврал он.

— Что сделано, то сделано, — пробурчал торк. — Смотри. Возвращаются.

В лагере начался переполох. Женщины, дети выбегали встречать вернувшихся из набега мужчин.

— Один... шесть... двадцать... тридцать... — шевеля губами, считал Шемяка.

Пленник наврал, что в стойбище не более двадцати мужчин. С учетом убитых Шемякой, и погибших в стычке с охраной каравана, их не должно было быть больше десяти.

— Три дюжины, — испуганно прошептал Местятка.

— Многовато, — заметил даже всегда невозмутимый Алеша.

— Не одолеть нам их, — нервно кусая губу, сказал Ратмир.

— А придется, — со всей решимостью, на какую оказался способен, твердо сказал Шемяка.

Из лагеря помимо радостных криков, донеслись горестные вопли и детский плач.

Шемяка выскочил из кустов и зашагал, обдумывая план действий. Постепенно вокруг него собрались все, тихо перешептываясь между собой.

— Вот как мы поступим, — твердым голосом сказал Сашка.

Взволнованный, он ходил взад-вперед, собираясь с мыслями.

— Каждый может отказаться. Я никого не неволю, — говорил он, заглядывая в глаза товарищей.

— Может уже нападем и будь, что будет? — предложил Алеша.

— Погоди ты, — зашипел на него Ратмир. — Дай боярину сказать.

Сашка грустно улыбнулся. Вот его уже записали в бояре.

— Чимбук с товарищами снимут сторожу у лошадей, — сказал он, глядя на половцев.

— К отарам овец надо еще пару человек отправить, — предложил Итларь.

— Одного хватит, — возразил Чимбук. — Осипа послать надо.

— Я справлюсь, поверьте, — с горячностью воскликнул парень, с надеждой глядя на

хозяина.

— Хорошо, — согласился Шемяка.

— А мы налетим верхами! — обрадовался Чурнай.

— Только вы, — уточнил Сашка.

Стоялый мед, имеет обыкновение валить с ног, даже крепких мужчин, привыкших к возлияниям. Половцы, употреблявшие в основном перебродивший кумыс, с медом не подрасчитали. Пили в стане все: и стар и млад, даже женщины. С повышением градуса веселья — заиграла музыка, пошли совершенно дикие половецкие пляски и, молодые, сильные воины мерялись силой, сойдясь в поединках.

Время шло, а они никак не могли уgomониться. Пели заунывные песни, сидя у костров и пили, пили, пили.

Постепенно лагерь затих, и лишь богатырский храп сотрясал ночной воздух, там где алкоголь и усталость сморили половцев.

Ползком пробравшиеся в лагерь лазутчики устроили резню, перерезая глотки спящим под открытым небом людям.

— Бек в юрте спит, — прошептал на ухо Шемяке, подкравшийся Ратмир.

Сашка вопросительно посмотрел на парня.

— Тут все зачистили, — все также шепотом ответил Ратмир.

— Тогда начинаем, — произнес Шемяка.

В костры подбросили хвороста, дров и взметнувшееся в высь пламя осветило стойбище.

Местятка с Ефимием забегали, подрубая прутья, составляющие каркас белоснежной войлочной юрты, украшенной в технике аппликации изображениями деревьев, животных, лоз и птиц. Шум разбудил обитателей жилища, внутри раздался испуганный женский крик, послуживший сигналом ко всеобщему ору. Из шатра выскочил нетрезвый бек, с саблей в руке. Он отбил удар Ратмира, но не успел среагировать на Алешу. Кулак, усиленный бронированной перчаткой опустился на обнаженную голову хана, отправив его в глубокий нокаут.

— А ну вышли все! — заорал Ратмир, заглянув в шатер.

И тут началось, про возы-то Шемяка забыл, а оттуда повалили рассерженные половцы, сплошь молодняк, но с оружием в руках. Полетели первые стрелы.

— Стереги хана, — велел Сашка Ратмиру, а сам бросился на набегавших половцев.

Женские, полные ужаса крики, детский плач, рев раненных, победные кличи победителей смешались в одурманивающее сознание многоголосье. Сашка в азарте метался среди теней, убивая всех, у кого было в руках оружие, даже детей и женщин, которые с отчаянной смелостью набрасывались на него.

Вдруг, убивать стало некого. Конные торки и свои половцы устроили хоровод, сгоняя в круг оставшихся живых. Местятка тащил за волосы верещающую девку, швырнув ее к остальным.

Даже Милко отличился, пинками гнал сверстника, сжимая в руке окровавленную половецкую саблю.

Ефимий выгонял из малой юрты старуху, прижимавшую к груди грудного ребенка.

И только Василь, рыдал над телом убитого половца, с ужасом глядя на свою окровавленную ладонь. В сердце половца, вогнанный по самую рукоять, торчал нож.

— Хватит стенать, — зло прикрикнул на него, одуревший от пролитой крови Чурнай. —

Поищи вязанки лучше.

Пленников стали связывать попарно, и Шемяка сел передохнуть, устроившись на коврах и подушках в просторной ханской юрте. Чувство комфорта у половцев было — внутри жилища черный войлок украшала красивая роспись. Под крышей висели клетки с хищными птицами — соколами, беркутами и ястребами. На большом медном подносе лежали холодные куски вареной баранины, рядом на серебрянном блюде лежали лепешки, и Сашка стал уголять голод, запивая найденным тут же вином, которое пришлось разбавить водой. К меду он не притрагивался, зная его крепость.

— Господин, хана куда? — спросил Местятка, заглядывая в юрту.

— Тащите сюда, — с набитым ртом, пробурчал Шемяка. — Узнал, как его зовут?

— Кобаном кличут хана.

Связанного бека занеси внутрь, бросив к ногам Шемяки. Он уже пришел в себя, грязно ругаясь.

Сашка первым делом выучил ругательства и смутно понимал речь хана.

— А вот про маму ты зря сказал, — с угрозой произнес он, после очередной тирады бека.

Тот продолжал выкрикивать угрозы.

— Разденьте его, — велел Шемяка Ратмиру.

С бека содрали одежды, оставив абсолютно голым. Шемяка сорвал с шеи амулет — серебряную пластинку с изображением луны. Почти такой же, только круглой формы, он видел на груди купца, и в ларце, отнятом у Кудеяра. Там лежали несколько пластин, в основном деревянные, но были и серебряные.

— Что это? — спросил он, разглядывая при тусклом свете светильника непонятные надписи на табличке.

Бек Кобан быстро-быстро заговорил угрожающим тоном.

— А ну парни, навалитесь ка на него, — сказал он, подтаскивая жаровню к ногам пленника.

Бек стал извиваться как змея, догадавшись, что сейчас последует. Парни прижали его своими телами, а Сашка подsunул жаровню с пылающими угольями под ноги хана, который истошно закричал, когда угли обожгли кожу.

— Говори. Говори. Говори, собака, — рычал Шемяка, удерживая ханские ноги.

Бек сдался, быстро заговорив на своем языке.

— Что он там лапочет? — спросил Сашка.

— Не пойму я, — ответил Местятка.

— Ну так торков позови, — сквозь стиснутые зубы процедил Шемяка, пытаясь удержать дергающегося половца.

На зов пришел Итларь, и дело пошло. Пластинка — это пайцца, на которой написано "Силою вечного неба. Покровительством великого могущества. Если кто не будет относиться с благоговением к указу Бату-хана, тот подвергнется ущербу и умрет".

Итларь едва успевал переводить. Бек грозил неминуемой смертью всем, кто осмелился поднять руку на него. С Шемяки он обещал снять кожу и набить ее сушеной травой, чтобы чучело врага могло радовать глаза бека.

Угроза вполне реальная. На стене уже висела парочка таких ссохшихся деформированных голов, набитых сеном. Бек с врагами не церемонился.

Шемяке надоело слушать угрозы и, бек лишился глаз, языка, а потом и жизни.

— Выкиньте эту падаль, — велел Сашка, пнув труп половца.

Нагруженные добычей, они отправились назад. В Шемякины руки свалилось огромное богатство — табуны лошадей, верблюды, повозки запряженные быками, под завязку набитые барахлом: войлочными юртами, коврами, посудой, котлами, светильниками, отрезами зелени, червени, и хери. Дорогих тканей не так уж много, но вполне достаточно, чтобы одарить своих людей обновой. Арсенал оружия — это отдельная песня. Три десятка вполне приличных сабель, дюжина дрянных, но еще вполне годных для продажи, булавы, несколько мечей разного качества, брони, шеломы, щиты, и луки с запасами стрел. От пик пришлось избавиться, так в большинстве своем они представляли длинный шест на конец которого было насажено или кусок заостренного железа или топор. Железо собрали, а к шестам привязали невольников.

Они представляли немалую ценность, но пока Шемяка отдыхал в юрте бека с девушками, которых называли "кто приносит наслаждение" — Чимбук с товарищами сократили поголовье невольников. В этом плане половцы оказались на всю голову отмороженными — перебили всех стариков и старух и даже грудных младенцев не пощадили.

— Все одно подохнут, — простодушно объяснили они свой поступок.

Гнев Шемяки постепенно угас. В степи свои законы — безнравственные и жестокие. Но всему есть свое объяснение.

Возницами на возы посадили самых молодых, красивых невольниц. Для перевозки небольшой юрты хватало двухколесной повозки и одного быка впряженного в упряжку, а большую юрту везли уже на четырехколесной с четверкой животных. Совсем маленькие юрты разобрали и везли на верблюдах. Половчанки с детства приучены управлять быками запряженными в возы.

Девушки на удивление быстро смирились со своим подневольным положением, стараясь найти опору в новой жизни. Шемяка наблюдал, как они строили глазки его людям, и некоторые, особенно молодые торки, отвечали им вниманием. Он не сомневался, что вскоре все серебряные безделушки вернуться к девицам в качестве подарка молодых людей.

Остальные понуро брели за возами. Добровольные помощники из бывших половецких рабов, взяли на себя роль надсмотрщиков и были безжалостны к бывшим хозяевам. То и дело плети, рассекая воздух, опускались на спины невольников, ужесточая страдания несчастных. Торки регулярно проезжали мимо колонны и тогда рабы убыстряли шаг, втягивая головы в плечи.

Нестор Булгарина не стал дожидаться Шемяку — увел свой караван далее, укрывшись за крепким тыном караван-сарая, где и остался сидеть, затворив ворота, не смея продолжать дальнейший путь.

Шемяку и половцев он встретил упреками:

— Я дивлюсь мне вести от вас нет. Так-то вы о моем имуществе печетесь? Плохо ли вам или хорошо, а о моем имуществе заботиться надлежит вам по моему большому наказу. Неужели чужим людям о нем заботиться, раз вы так поступаете? Бойтесь Бога, слово блюдите. Ни соби присловья возьми.

— Ты почто Костяжку заковал? — набросился на купца Сашка.

— Буйствовал твой человек, — сразу заюлил купец.

— Я уговор исполнил, — с трудом сдерживая нарастающий гнев, процедил Шемяка. —

Товар твой вернул, а ты моего человека похолодил? Добро мое отнял?

— Я все верну, — пообещал купец, испугавшись решительных воинов, стоявших за спиной Шемяки.

— Я пытался остановить их, — рассказывал Костяжко, когда с него сняли цепь, на которой он сидел во дворе. — Но они скрутили меня...

— Не волнуйся, он еще виру заплатит — пообещал парню Шемяка.

С жадным купцом, пришлось разбираться. Первый испуг прошел, и в Несторе вновь проснулся предприниматель.

— Половина добычи моя! — нахально заявил он Шемяке. — То по наказу мне положено.

— Ошибаешься, — возразил Шемяка. — В грамоте написано, что мы обязаны защищать твое имущество и половина добычи при отражении нападения — твоя. Это правда. Ты свое получил. А мое есть мое. Я сам ходил на половцев и все, что взял — мое!

— Ты мне за меды должен, — напомнил купец об утраченном товаре.

— Возьми невольниками, — предложил Шемяка, уступая в малом.

Местятка с Чурнаем остались недовольными решением Шемяки. Купец, указывая на следы от плетей, жестко сбивал цену на невольниц и остался в большой выгоде, с довольным видом уводя пленниц.

Шемяка же после бессонной ночи, отправился путешествовать в царство Морфея, мечтая проснуться в своей кровати в родном городе, а все, что происходит с ним в этом мире — оказалось просто дурным сном.

Утром, следовало пробуждение, и как обычно, начинался новый день, полный трудностей и приключений. Русь, раздираемая княжескими усобицами, отдалялась, но тем сильнее, в тревоге за будущее страны, сжималось сердце, тем тревожнее становились думы — а правильно ли он поступил, уезжая в Булгар...

Может, стоило остаться и приложить все силы, чтобы уговорить князей одуматься и, объединить силы против грозного врага? Хорошо бы... Но Даниил разбит и тяжело ранен. Киевский князь сидит в порубе, его сын в плену у половцев. Михаил Черниговский страшн ненавидит князя Ярослава, брата Владимирского князя, а они отвечают ему взаимностью. Нет, никогда князья не договорятся, слишком сильны противоречия между ними.

Остается поднимать народ, но как это сделать? Что ж, у Шемяки будет время подумать над этим и, может быть, история пойдет по другому пути, ведь зачем-то судьба занесла его в прошлое...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Александр Логинов.

Кунгур, 2017 г.

орачь — пахарь.

нам — проценты.

Отчество "Кормиличич" — указывает, что он был сыном княжеской кормилицы, без намека на отца.

Шестники — иноземцы.

Красный

Под портами подразумевали всю одежду.

Дядюшка.

Словом "народ" или "народи" в средневековой Руси могли обозначать в том числе и участников вечевого собрания. Однако, в новгородской летописи слово "народ" употребляется только один раз под 1156 г.

Термин брат мог использоваться в широком смысле — к любому Рюриковичу и в узком смысле — к равному союзнику.

То есть отцом называется союзниками тот, кто обладает наибольшим политическим весом.

Имеется в виду Новгород-северских.

Истые куны — наличные деньги; деньги, данные займы.

Междоусобицы.

Котору задавати — обижать, оскорблять.

Олёна — жена Черниговского князя приходилась по отцу сестрой Даниилу Романовичу Галицкому и племянницей по линии матери Владимиру Рюриковичу князю Киевскому.
под полой.

Конрад Мазовецкий — приходился Михаилу Всеволодовичу дядей по матери.

Ростислав, Роман и Святослав сыновья черниговского князя Игоря Святославича, внуки черниговского князя Святослава Ольговича были повешены по приговору галицкого боярства в сентябре 1211 г.

Обель -

Вильгельм Моденский.

В 1231 г. Глава Болгарской Церкви архиепископ Тырновский Василий, оставив свой престол, удалился на Святую Гору. Он отказался вернуться, а затем вообще "отказался от архиерейства".

В православии и католицизме — обряд возведения в священнический сан возложением рук высшего духовного лица на голову посвящаемого; рукоположение.

Церковно-административная территориальная единица.

Преславская, Червенская, Ловчанская, Средецкая, Овечская (Проватская), Дристрская, Серрская, Видинская, Филиппийская (Драмская), Месемврийская митрополии Вельбуждская, Браничевская, Белградская и Нишская епископии.

Флавий Валерий Аврелий Константин, Константин I, Константин Великий — римский император. В 330 году перенёс столицу государства в Византий (Константинополь).

Половцами.

Товары — обоз.

Еще один характерный отрицательный эпитет, применяемый летописцами к половцам — "беззаконные". Слова грех и беззаконие часто выступали как синонимы, они все же различаются как ассоциированные с Ветхозаветным Законом и Христианским Спасением. Грех допускает раскаянье, которое будет принято Господом, беззаконие же предполагает грядущее возмездие.

Япончица — вид грубого плаща.

Принцип назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания

должна воспроизводить вред, причинённый преступлением — "око за око, зуб за зуб".

Кошевой — глава феод. кочевой семьи, коша.

Древняя соборная церковь и сам Выдубицкий монастырь изначально были посвящены Чуду архангела Михаила в Хонех. Это весьма необычное, даже довольно редкое посвящение. Считается, что на Русь культ Михаила был принесен из Византии.

Собор Спаса.

Архистратига считали покровителем русских князей в борьбе с половцами.

те. выплыл на берег.

Ис. Нав. 5: 13-14

Смотри "Сказание о Софии Царьградской".

Дан. 14: 33-39

Церковь Михаила в Киеве, сооруженная новгородскими купцами

"аще кто бо усрящеть черноризца, то возвращается", ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 170

Эксиарх — (букв. "начальник церкви, старший в собрании"), то есть смотритель церковный.

Монастырский устав требовал, чтобы монахи в храме стояли так, как стояли бы перед земным царем: сосредоточенно, с благоговением, не озираясь по сторонам, не кашляя и не сморкаясь.

Деместик — руководитель монастырского хора, регент. В его обязанности входило следить за правильностью и четкостью богослужебного пения.

Псалом 144.

Ближайшим помощником игумена по хозяйственным вопросам был специальный монах — "келарь", то есть, буквально, "сундучник".

В старейшую братию входили опытные монахи — руководители отдельных отраслей монастырского хозяйства: пекарни и т. д.

Безмездных монахов не бравших плату за лечение — мзду.

Хирурга.

Епископ Арсений благоволил черниговскому князю, и у епископа были враждебные отношения с Даниилом Галицким.

Глава кафедры, расположенной в непосредственной близости от столицы, идеально подходил на роль митрополичьего викария, который замещал митрополита во время его отлучек из Киева, иногда дальних, в Константинополь, а также исполнял роль первосвященника в периоды вакантности митрополичьего престола.

33 Апостольское правило, 5 правило IV Вселенского собора, 11 правило поместного Антиохийского собора, 23 (32) и 106 (119–120) правила Карфагенского поместного собора и 16 правило Двукратного поместного Константинопольского собора не допускают самовольного оставления епископами своих кафедральных городов, особенно если те желают оказаться в столице.

Акиндин II вступил в настоятельство около 1203 года. Он упоминается в 1231 году апреля 6 на посвящении Ростовского епископа Кирилла и назван архимандритом, а также и в послании Симона, епископа Владимирского, к Поликарпу игуменом и архимандритом. Но когда скончался, неизвестно.

Выдубицкий монастырь — усыпальница Мономашичей. Монастырь был родовым для Владимира Рюриковича, так как он являлся прямым потомком основателя монастыря Всеволода Ярославича.

В 1128 г. великий князь Мстислав Владимирович основал в Киеве каменную церковь святого Феодора и при ней учредил мужской монастырь, который дети Мстислава в память отца своего, здесь погребенного (1132), назвали Вотчим. Мстиславовичей хоронили, следовательно, "в отчем монастыре". Отсюда недоразумение: в археологической литературе монастырь известен как "Вотч", что воспринимается как имя собственное.

Афанасий, игумен Васильевского монастыря в Киеве в 1231 г. Церковь св. Василия в Киеве, возведена была на холме на возвышенном месте у Боричева ввоза, где раньше, до Крещения Руси, стояли идолы и среди них Перун.

Главный собор Кирилловского Троицкого монастыря — семейная усыпальница черниговских князей Ольговичей. В 1194 году в Кирилловской церкви был погребён киевский князь Святослав Всеволодович — герой "Слова о полку Игореве".

Борисоглебский собор в указанный период не являлся кафедральным.

В это время в Киеве и окрестностях насчитывалось до 22 монастырей. Для сравнения, в Новгороде — 27, в Северо-Восточной Руси -26.

При вокняжении Юрия Владимировича (1155 г.) и Ростислава Мстисавича (1160 г.) митрополит в Киеве отсутствовал.

Лик — собрание поющих в Церкви, хор.

Красный цвет, помимо "естественного" значения имел еще и значение функциональное: обозначение старшего в иерархии — великого князя среди удельных, представителя "ангельского небесного полка" среди земных воинов и т. п.

Такой тип шапки, иконографически восходит к поздневизантийским митрообразным императорским венцам.

"Кирие элейсон!" — буквально "Помилуй нас, Господи". Некоторые краткие молитвы и стихи пелись в те времена по-гречески.

Дело в том, что монастырское имущество и после его передачи в руки иноков нередко продолжало рассматриваться как собственность жертвователя, что что в известной мере "извиняло" грабителей.

Обычно, если пленники не освобождались, то вскоре умирали, как Глеб Рязанский (1177 г.), или тяжело заболели, как Игорь (1068 г.). Единственный случай долгого проживания в порубе — Судислав провел в заточении 24 года.

Житие Феодосия Печерского сохранило несколько примечательных сюжетов, наглядно рисующих отношение незнатного населения к монашеству.

Пасынки — т. е. "неродные", "чужие"; возможно, что так называли воинов, нанятых в других землях. Очевидно это княжеские дружинники младшего ранга, стоящие в перечне за гридями, близкие к отрокам, детям боярским.

Обычный взнос в те времена.

Участие в закличе княжеского агента было условием легитимности последующих процессуальных действий — свода. Процедура "заклича" состояла в провозглашении на торгу или в ином общественно-значимом месте о пропаже какого-либо имущества.

Свод — начало действий правового характера (предъявления обвинения) в ходе которого последний владелец украденной вещи указывает истинному ее хозяину того, у кого он ее купил, тот — предыдущего продавца и т. д., пока не будет найден настоящий вор.

Это обеспечивало владельцу возврат вещи без всякого суда.

Древнерусская Русотина — первая остановка караванов на сухопутном участке дороги

из Киева в Булгар, упоминается в летописи под 1146 годом.

Вербою.

На самом деле эта апокрифическая фраза, приписывается историку Н.М.Карамзину.

Исследователи неоднозначно трактуют термин "пошибании". В. И. Даль определяет пошибание как драку, свалку, бой, сражение. Глагол "пошибить" означает побить, поколотить, одолеть кого-либо. Однако слово "пошибью" предполагает бросок, швырок, сбивание с ног. "Наши предки, определяя изнасилование через термин "пошибании" четко видели именно эту часть изнасилования, которая сопровождалась применением физического насилия в виде избиения, бросания, швыряния жертвы.

Очевидно, была ли уличена в прелюбодеянии ранее.

Ст.98 Пространной редакции Русской Правды рассматривала сожителство господина с рабой, как явление абсолютно обыденное и дозволенное, ограничивающее лишь наследственные права незаконнорожденных детей, но предоставляя при этом рабе и её ребенку свободу.

Крыльцо висячее — опирающееся не на столбы, а на выпуски, т. е. на концы выступающих из сруба бревен.

Гульбище — открытая или крытая галерея, примыкающая к зданию с двух или трех сторон, часто на уровне второго этажа.

В Древней Руси брачный возраст определялся исходя из норм византийского права — с 15 лет для юношей и 13 лет для девушек.

Матф.5:42

Втор.15:7–8

Притч.19:17

Обычным словом для обозначения княжеских междоусобий было в древнерусском литературном языке слово "котора".

Поучение Прп. Серапиона Владимирского (XIII век)

Владимир I Святославич — князь новгородский (970–988), князь киевский (978-1015), при котором произошло крещение Руси.

Женщины-служанки.

У кыпчаков были два вида музыкальных инструментов. Один из них был похож на гусли, а второй был смычковым. У кочевников он назывался комуз или кобыз.

Зеленое сукно.

Красное сукно.

Слово херь — образовано от др. новгородского "хер" (серый), применялось для технического обозначения небеленого домотканого сукна.

Их обозначали термином абуныу.

Ни соби присловья возьми — означает "и себе не заполучи худой славы".

Больше книг на сайте - Knigolub.net